

- Таможня на весах экономики. Беседа
- Наши публикации. Ранний рассказ Артема Веселого ■ Кого считать алкоголиком? Мнение ученого
- Советский рок на внешнем рынке. Заметки музыковеда. ■ Э. Гарднер. «Дело об отпечатке губ»

СПОЛН

12

**КАК
ЖИВЕТСЯ
КАМЧАДАЛУ...**
(читайте стр. 4—5)

БОЗ ИМПАЗИЯ

— Борис Иванович, знаю, что вы убежденный трезвенник. Я убежденный культуропитейщик.

— Сразу уточним позиции. Культуропитейщики делятся на две категории: алкозависимые и неалкозависимые. К какому типу вы себя относите?

— Ни в коем случае не алкозависимый! Но если продолжить вашу терминологию — ситуационнозависимый.

— Предлагаю пять градаций, определяющих четкие количественные критерии годового потребления. 1. Трезвенники (абстиненты), не потребляющие никаких алкоизделий. 2. Умеренные алкопотребители, полутрезвенники, очень скромно выпивающие несколько раз в году по большим праздникам, набирающие за год массу этанола (абсолютного алкоголя) от 0,5—1 до 4—5 процентов массы тела (обычная периодичность выпивок от ежегодной до ежемесячной). 3. Средние алкопотребители, культуропитейщики с годовым потреблением этанола от 4—5 до 25 процентов массы тела (периодичность выпивок от ежемесячной до еженедельной). 4. Пьяницы с годовым алкопотреблением этанола от 25 до 50 процентов массы тела (периодичностью выпивок от еженедельной до полунедельной). 5. Алкоголики с годовым алкопотреблением свыше половины массы тела (периодичность — от полунедельной до ежесуточной).

Среднестатистический рубеж, за которым человек попадает в западно алкозависимости, — 3—5 литров этанола в год, 5 литров спирта — это десять — двенадцать литров водки. Округлим: по литру в месяц, по 250 граммов в неделю — по полстакана в субботу и воскресенье. Вся жизнь, пока это возможно...

— Выходит, алкозависимый — это человек, который уже не обходится пусть даже без минимальной дозы?

— В основном, да. Критерий алкозависимости: человек не прочь выпить на дармовщинку. Обойтись он еще может, но уже непрочь.

— Значит, если я не испытываю потребности пить еженедельно, но уверен, что должен выпить в праздник или встретив друга...

— А как вы себя ведете, если приятель, встретив, говорит: «Я получил получку и тебя угощаю»?

— (После паузы, поколебавшись.) Соглашусь.

— Вот именно! Когда человек склонен выпить на дармовщину — это сигнал алкозависимости. Формирование алкозависимости начинается с потребления этанола в количестве 4—5 процентов от массы тела.

— Не сомневаюсь, таких, как я, миллионы, но сколько же тогда у нас настоящих алкоголиков?

— Примерно 15—20 миллионов. Пьяниц — 35—40. Алкозависимых культуропитейщиков — 90—110 миллионов. Всех алкозависимых 140—170.

— Получается, примерно 49—59 процентов населения страны. Неужто так много?

— Да, здоровый советский народ составляет 132 плюс-минус 15 миллионов человек. Меньше, чем население царской России к августу 1914 года.

— Итак, мы прояснили терминологические тонкости. После принятия

известного антиалкогольного постановления прошло четыре года. Мое тренерское прошлое убеждает: любые нагрузки (прежде всего физические) полезны для человека, если подготовлено его сознание. В той же мере возможны и любые поступки. Мы с вами никого не собираемся агитировать, но все же попытаемся воздействовать на сознание читателей, предоставив информацию для размышления. Борис Иванович, ваше личное мнение: во имя чего было принято постановление от 26 апреля 1985 года?

— В начале 80-х годов в стране продавалось в среднем около 9 литров этанола в год на каждую душу, включая новорожденных и умирающих стариков. Если алкозависимость исчисляется 3—5 литрами, то мы имели девять! И это только товарный алкоголь. Хотя и в те времена многие предпочитали гнать самогон. Если все сложить, то, по примерным расчетам, на каждую душу населения приходилось 17—21 литров спирта, или 40—50 литров водки в год, то есть по восемьсот — тысяче граммов в неделю.

Изготовление алкоголя обходится государству очень дешево, а алковыручка огромна. Последний «пьяный» год, 1984-й дал около 55 миллиардов рублей!

— При отрезвлении общества это реальная сумма недостачи в государственной казне. Можно представить положение председателя исполкома: конец месяца, дефицит не завезли, водки нет, люди пришли в кассу, а зарплату не выдают. Что делать?

— Но это лишь одна сторона вопроса. Есть вторая. Не вышел на работу: запой — потери. Сломал трактор, будучи пьяным, — потери. Упал со строительных лесов — оплата бюллетеня — потери. Работа в состоянии похмелья — потери. Сотворил ребенка-дебила — содержание его в специальном интернате — потери. К сожалению, скромность Минздрава не позволяет публично сообщить, сколько у нас дебилов, но зато известно, что содержание лишь одного обходится ежегодно в 1500—2000 рублей.

Все подсчитать невозможно. Получая от продажи алкоголя рубль, мы имеем потери в 6—7 рублей. А в итоге соотношение 55 миллиардов прибыли и 300—400 миллиардов убытков. По данным Всемирной организации здравоохранения, 40 процентов медицинских расходов идут на лечение алколизма и болезней, вызванных алколем.

— Выходит, мы терпим убытки на 300—400 миллиардов?

— Четыреста миллиардов! Попробую расшифровать. В результате почти двадцатилетнего правления Брежнева мы стали страной пропитого качества. За эти годы катастрофически упало качество многих товаров. (Это свойство всех сильно пьющих стран.) Над нашими некоторыми товарами смеются зарубежные покупатели: товары не конкурентоспособны. Иногда нам говорили открыто: «Можем купить у вас только то, к чему не прикоснулась пьяная рука советского рабочего: лес, нефть, газ...»

По-моему, наибольшим алкобombeжкам подвергались и подвергаются предприятия агропромышленного комплекса, строительство и транспорт, а в науке — проектное дело. Мы создали общество развитого алколизма. Вы покупаете лопату, изготовленную пьяным рабочим, колаете, а она гнется, вы ее выбрасываете. И все потому, что она изготовлена из некачественной «пьяной» стали. Да, по количеству выплавляемой стали мы лидеры в мире, но, полупьяные, мы не можем создать небракованную лопату, и наши лезвия для бритвы не идут в сравнение с зарубежными. А станки, созданные пьяными руками, отличаются огромными габаритами, весом и низкой точностью. И очень быстро выходят из строя...

Что делать? Прежде всего трезветь всем, от кого зависит наша жизнь и работа. Вы, журналист, пьете бокал шампанского, но, глядя на вас, рабочий бутылками пьет бормотуху! Какие у вас могут быть претензии, если, оставаясь в полупьяном состоянии, но попадая под наш термин «пьяный», он производит для вас продукты с «грязной» технологией и «отравляет» вас?

Мы страна низкой производительности труда. Отстаем от американцев, японцев и западноевропейцев не в 2 раза, а в 4—7! В сельском хозяйстве — в 7—11 раз. Недавно читал статью о так называемых «золотых подметках». Что делает пьяный рабочий? Он кое-как ляпает клей на подошву модных сапог, а через месяц подошва отклеивается. Во всех грамотных, трезвых технологиях клеение — самая ответственная операция, хорошо подогнанная подошва не отклеивается два-три года. Если вы ходите в сырую погоду с мокрыми ногами, это и расплата за пьянство рабочего, который делал вам сапоги. В конечном итоге вы расплачиваетесь за ваш же собственный фужер шампанского.

Потребление алкоголя из года в год вырабатывает безответственность. Алкоголь действует мгновенно, и тогда происходят трагедии разного рода, но, накапливаясь в организме, он порождает в человеке новые, увы, не лучшие качества.

Обратимся к истории. Гибель цивилизации древнего Рима началась с алкоголя. Начали пить императоры, потом патриции, потом плебеи. Это привело к падению нравов, и некогда несокрушимая империя начала терпеть сокрушительные поражения. «Пьяная» римская сталь оказалась слабее дамасской стали. В прямом и переносном смысле.

— В памяти держится факт: если потребление этанола в стране (имеется в виду техническая интеллигенция) превышает определенный уровень, интеллектуальные возможности этой части населения падают. И «национальный мозг державы» скудеет. По-моему, речь шла о пяти литрах этанола в год.

— Пропитие отечественного мозга — катастрофа! Но у нас-то 17—21 литр этанола на душу!.. Для рабочего класса эти цифры выше, для интеллигенции существенно меньше. Но ведь ослабление высших этажей интеллекта начинается на более низких уровнях алкопотребления! У человека сильно снижаются способности к высшим ассоциациям, творчеству; ученый меньше творит, он только повторяет «зады» чужой нау-

ки. То же происходит и с людьми искусства. Они не становятся лидерами в первичном искусстве, но еще могут держаться на плаву во вторичном. В целом исчезает Лев Толстой, но появляется кривляющийся, дергающийся певец, завитой, как баран, расцвеченный, как попугай, и ревуший в микрофон что-то оглушительное, подчас бессмысленное.

Постепенно пьянея, страна переходит на вторичное искусство, делая его главным, особенно в среде молодежи. Средний вес людей, включая и младенцев, будет около 50 килограммов. А это три литра этанола (семь литров водки) — бутылка в месяц! Представьте, 287 миллионов советских граждан, включая грудничков и столетних старушек, и каждый в месяц должен выпить по бутылке водки!

Такой пример. Команда на корабле поражена наркоманией. Шторм! Все хотят колотья, но выбор один: либо гибель экипажа, либо спасение с помощью принудительных мер. Если вы разумный капитан, что предпочтете?

— А удачен ли пример? Я видел наркоманов в период «ломки» и знаю: потом для него жизни нет. Только сейчас! Ради дозы они могут пойти на все. О каком корабле речь, если растленный мозг команды требует своего?

— Но ведь придуманные нами наркоманы — это не весь экипаж, а часть его, пусть треть. И даже во имя трети общества необходимы строгие меры. Во имя спасения! Иначе гибель остальных двух третей и самого корабля. Если согласиться с вашим доводом, то алкогольную «ломку» пройдут не все сто шестьдесят миллионов, а только 15—20 миллионов алкоголиков, остальные еще способны понимать на уровне аргументов. Для большинства алкозависимых это будет не физиологическая «ломка», а ломка сознания. Но и здесь надо не ломать его, а сотрясти острой правдивой информацией. И тогда на уровне сознания совершится перелом. А на помощь испытывающим «ломку» пятнадцати — двадцати миллионам алкоголиков можно привлечь метод Шичко или метод Довженко по освобождению от алкозависимости.

— Согласен, сознание может потрясти шоковая терапия, но только воздействуя на разум трезвого человека. А мы имеем в виду алкоголиков.

— Предпочитаю иное определение — «катарсическая терапия» или «катарсическая пропаганда». Шоковая приводит человека в уныние, вызывает страх, а катарсическая предоставляет возможность выхода, включает свет в конце туннеля.

Пусть это громко звучит, но, на мой взгляд, антиалкогольное постановление 1985 года — один из лучших декретов Советской власти, и вот почему. Если поезд мчится навстречу разрушенному мосту, а бригада машинистов пьяна, все обречены на гибель. Спаси пассажиров может только экстренное торможение. Антиалкогольное постановление сыграло роль экстренного торможения для всей страны...

За семь месяцев 1985 года за счет снижения продажи алкоголя на некоторых предприятиях повысилась произво-

длительность труда в 2—3 раза. Началось реальное улучшение качества. Показатели второго полугодия 1985 года были еще выше. Наибольший эффект — в 1986 году. Но экономика — это не только чисто экономические показатели. Очень важны и социальные параметры. Если у народа настрой оптимистический...

— Как у меня может быть оптимистический настрой, если я видел огромные очереди и не мог купить бутылку коньяка? А таких, как я, миллионы!

— Это неверно! Вы отнюдь не представляете большинство населения. И те, кто томится в винных очередях, — тоже не большинство.

— А те, кто не томится, однако хотят выпить, но им жалко времени?

— И они не большинство! Не все, кто хочет выпить, неисправимы алкозависимые. И они понимают: страна в гигантской трясине, или из нее надо выбираться, или погибнуть. Те, кто понимает, что выбираться нужно, со своим «увлечением» справились. Прошло четыре года, кое-что изменилось, но положение еще тревожное. По валовому национальному продукту за 1988 год первое место у США — 4,8—4,9 триллиона долларов, второе место у Японии — 2,7—3,0 триллиона, третье у СССР — 1,5 триллиона (по данным Госкомстата с соответствующей поправкой на «соотношение цен» — 2,4). Но если японцев в 2,5 раза меньше нас и производят они гораздо больше нас, то, согласитесь, ликовать еще рано.

Пьяный колосс на глиняных ногах, великая слаборазвитая держава. Понимаю, что это звучит обидно, но вот факты. Мы привыкли считать, что наша держава номер два. Но бездарная, алкозависимая, коррумпированная, насквозь прогнившая брежневщина пропала и разворовала, разграбила наше второе место в мире. Почти неалкозависимая Япония нанесла нам, полупья-

ным, «экономическую Цусиму». Если мы не протрезвеем, не исключено, что в конце XX века ФРГ сможет нанести нам «экономический 1941 год», отгнав нас на четвертое место в мире.

— Вы бьете цифрами низкого национального дохода и хотите, чтобы я не стоял за водкой. Но обыкновенный человек редко просматривает сводки ЦСУ, особенно возвращаясь из очередей. В отличие от французского короля говорю: «Государство — это не я». Мы приучены быть «винтиками». Я много лет вращался в огромной машине, и, хотя теперь нас винтиками не считают, от этого народ еще не взял штурвал в свои руки. Семья — вот на чем стоит государство. Давайте «опустимся» на уровень семьи.

— Что такое алкоголь для обыкновенной советской семьи? Самые элементарные потери — 300 рублей на человека, а на семью из трех человек — свыше тысячи. А это цветной телевизор. Либо он есть в доме, либо нет. Это пятая-шестая часть автомашины. Это строительство дачного домика. Либо строите дачу, либо пропиваете. Воскресная бутылка — это пятьсот рублей, и тысяча, если их, бутылок, две... Меньшая группа населения выпивает большую долю алкоголя. Эта меньшая группа и грабит свою семью в прямом и переносном смысле. Прежде всего это рабочий класс, который создает могущество и славу «пьяной» продукции.

— Число неполноценных детей от пьяных зачатий растет в прямой пропорции с количеством выпитого алкоголя. Это истина, которую никто не пытается опровергнуть. Вопрос в другом, насколько далеко зашел этот процесс?

— Около восьми процентов московских детей — олигофрены. Это лишь официально зарегистрированные идиоты (тяжелая форма заболевания), имбецилы (средняя форма) и явно выра-

женные дебилы (легкая форма олигофрении). Стертые формы дебилности, проще говоря, туповатость и посредственность, в медицинской участковой практике не регистрируются. Следовательно, реальная численность олигофренов гораздо выше — до 1/5—1/6 всех детей. И это только в Москве!.. Доля ослабленных детей в столице составляет до 70—90 процентов.

— Увеличение числа детей с различными отклонениями (прежде всего в умственной деятельности) рано или поздно проявится в школе...

— Несомненно! Общее здоровье детей можно измерять по статистике успеваемости. Статистика утверждает: доля молодежи, не способной освоить к 18 годам (с учетом службы в армии — практически к 20 годам) дневное полное среднее образование, для рожденных в 60-х годах составила 43 процента. Для рожденных в 70-х годах — 54—55 процентов, и доля недообразованной молодежи продолжает расти! Алкогольная вакханалия пришла на конец 70-х — начало 80-х годов. Максимум алкопотребления — в 1980 году. На эти же годы приходится рождение наиболее ослабленных поколений. Число ослабленных выпускников средней школы и абитуриентов, поступающих в вузы и техникумы, будет нарастать до конца столетия. И в 1998—2003 годах ослабленные абитуриенты составят наибольшее число, и лишь к концу XV пятилетки, к 2005 году, наметится перелом к лучшему. После постановления 1985 года первое частично оздоровленное поколение новорожденных появилось в 1986 году, следовательно, первая осязаемая волна снижения ослабленности детей появится в поколениях первоклассников 1992—1993 годов.

— Но у людей с отклонениями в здоровье не могут родиться дети, нормальные во всех отношениях. Что же происходит с генофондом?

— Я бы назвал нынешнее состояние

генетической катастрофы. Речь идет о вырождении народа!

Градация Минздрава СССР предусматривала три группы населения: здоровые, погранично предрасположенные к болезням (или группа риска), больные. Сейчас групп — пять! Здоровые; пограничные; хронические больные в стадии компенсации; хронические больные в стадии частичной компенсации; хронические больные в стадии декомпенсации, а также лица с физическими дефектами и перенесшие острое нехроническое заболевание в течение года. Все, кроме здоровых, составляют группу ослабленных. Хроники и дефективы — группу маргиналов, или маргинальное население. Маргиналы — это предельное население, после которого — смерть.

На начало 1989 года, по нашим оценкам, из 287 миллионов (округлено) ослабленные составили 150 плюс-минус 10 миллионов человек, маргиналы — 70—80 миллионов. Значительную долю маргиналов составляют мутанты и предмутанты (родители будущих мутантов). (Мутант — это организм, отличающийся от исходного типа наследственным отклонением в результате изменения наследственных свойств организма — мутации. — А. Б.) Относительно здоровая часть народа — 137 миллионов человек.

Начиная с 60-х годов численность относительно здоровых сокращалась.

На начало 1989 года детей, подростков и молодежи до 24 лет насчитывалось около 117 миллионов, из них: ослабленных — 55—80 процентов, то есть 60—80 миллионов. Каждый третий новорожденный — маргинал! 45 процентов учащихся к 17 годам становятся маргиналами. Глубина деградации может быть столь велика, что генофонд народа нельзя будет спасти.

Окончание на 16-й стр.

Виталий БОГАЧЕВ
 Фото Альберта ЛЕХМУСА

ВКУС МОРОШКИ

*В детстве заросли иван-чая
 кажутся сиревыми джунглями.*

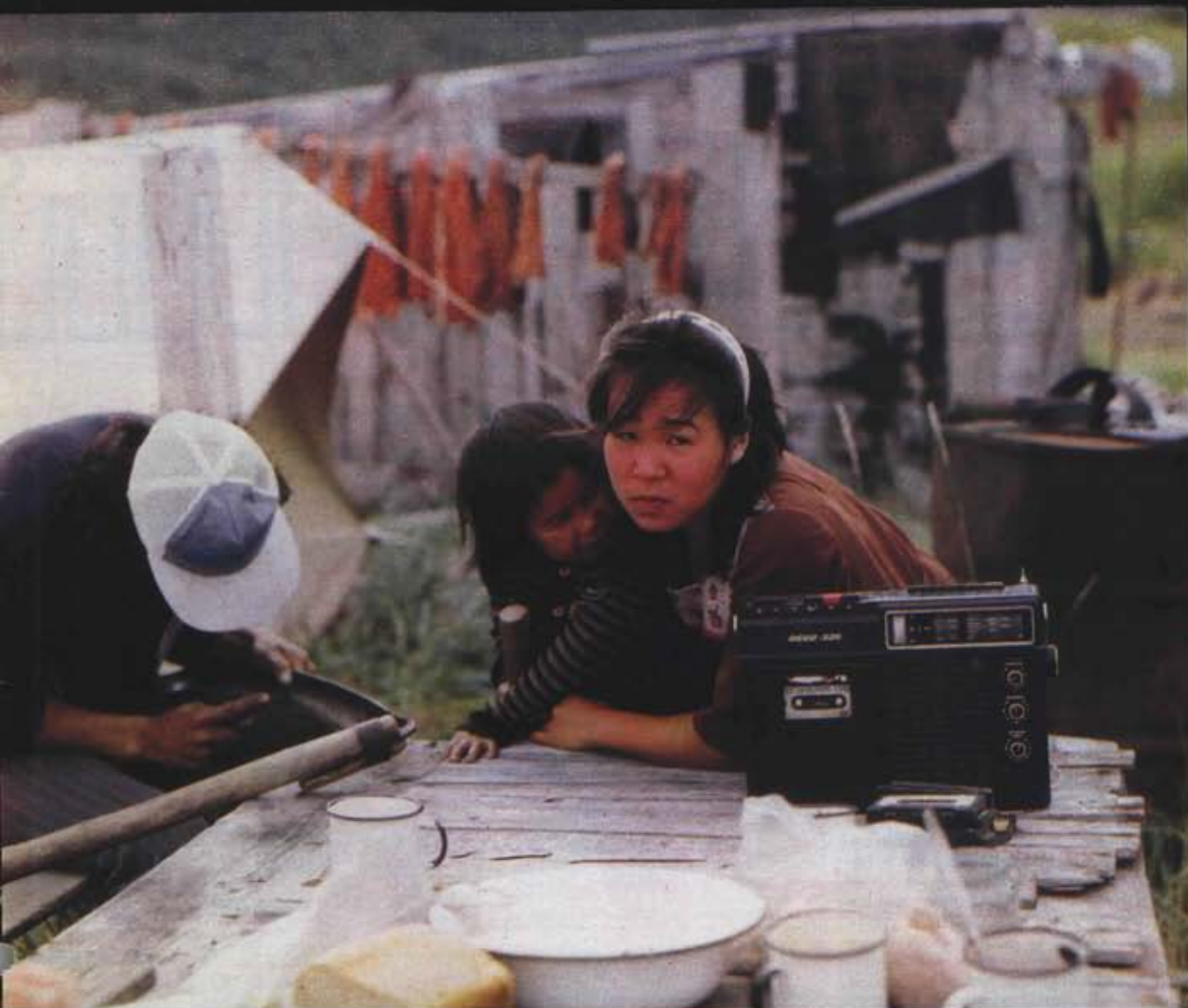
Вкус морошки — все равно, что для кого-то вкус хлеба, испеченного матерью в детстве. Я так скучал по этой янтарной сладости!

Медицина советует: хочешь не болеть, живи под родным небом безвыездно...

Человек помнит отечество генами. Впервые услышал об этом при необычных обстоятельствах. На берегу Бухты Ложных Вестей, что на острове Карагинском, ныне необитаемом, встретил странного рыбака. Он больше походил на представителя камчатского люмпен-пролетариата, бича, чем на браконьера. Сообразив, что я не из карающих органов, пригласил к своему костерку. Валерия, так он назвался, несколько лет назад переселили из коряжского села Рекинники в поселок Оссору. Да не его одного — все село тогда вывезли. «Вертолеты кружили, как на воен-

Юкольники — коряжские «погреба».

Магнитола — пожалуй, единственная гражданская вещь, безоговорочно принятая тундровиками.

Эти девушки приехали на путину из Улан-Удэ.

Первый улов.

преодолев робость, поднялся на трибуну: «Поить северян молоком — преступление. У коряков, например, в крови даже ферментов нет для его переработки. Их молоко — юкола, оленина, нерпичий жир...». Ему, естественно, инкриминировали происки.

Еще пример из того же ряда. Прошлой осенью на ВДНХ выступал молодежный ансамбль корякского танца «Уикоаль» (так называлась в старину главная река полуострова — Камчатка). Стоило ребятам выйти на публику, как они вызвали всеобщее удивление. Каких только небылиц не услышал я под звуки ритуальных бубнов своих земляков! Лариса Чечулина из Тымлата, полагали «знатоки», приехала в Москву с плантации острова Хальмахера, а Сергей Кевеветегин (кстати, первый корякский балетмейстер), настаивали другие, прибыл из резервации Стокбридж, что в штате Висконсин...

Оставим этнографическую безграмотность на совести москвичей. Я о другом. Та же Лариса Чечулина, впервые оказавшись в столице, уже на следующий день запросилась до-

ных учениях». — усмехнулся он, вспомнив.

Новые места обитания определяли наобум. Кому Тымлат достался, кому Карага, Анапка, Ильпырь. Ему — Оссора. Сейчас все это один район — Карагинский. Живут здесь разные группы коряков — алюторцы и карагинцы. Первые по преимуществу тундровики-олениноводы, вторые — рыбаки и морские охотники. Одним ближе культура ительменов, южных соседей, другим — алюторцам — культура чукчей, эскимосов. Валерий хоть на острове утешенье какое-то нашел. Многие же его соплеменники — раньше срока! — ушли «к верхним людям».

— Не тот воздух, не та вода, не та рыба, не та ягода! С корнями вырвали меня из Рекинник. Зря, что ли, кожа ссыхаться стала... — и он задрал рукав болоньевой куртки.

Если б Валера сказал, что он — потомственный олениновод, а в Оссоре предлагают быть банщиком, кочегаром, милиционером, все было бы понятно. Если б сказал, что на реке Пустой, несмотря на ее название, у него был уловистый «фамильный» участок, а на речках восточного побережья все мало-мальски удачные рыбалки заняты местными жителями, — тоже довод серьезный. (В соседнем Олюторском районе, где я родился и жил, до сих пор идут «бои» между «хозяевами» и переселенцами. Раньше ведь на каждой реке селилось столько семей, сколько она в состоянии прокормить. Теперь же рыбаков больше рыбы.) Или что привык одиноко кочевать по тундре, а в райцентре нужно «здраться» говорить на каждом шагу, причём людям, которые вчера еще в кабинете справки требовали «по поводу принадлежности к МКН» (так называ-

ют в официальных бумагах представителей местной коренной национальности. — В. Б.), как будто и так не видно, что без юколы ему не обойтись, — также все было бы ясно. (Известно ведь, 95 процентов коренных северян — «стайеры». Суэта, скучность им противопоказаны.) Наконец обвинил бы в недалёковидности местную власть... А то воздухом недоулен, ягодой — чушь какая!

Так бы, наверное, и дальше считал я это объяснение ложным, надуманным — недаром разговор случился в Бухте Ложных Вестей! — да свела судьба с Владимиром Егоровичем Кутняковым. Сейчас он главный фтизиатр Камчатской области. Начиная же карьеру на задке нарты — весь округ объездил на собачьих упряжках. И вот рассказал мне он, как едва партбилета не лишился. Чуть ли не на первом для себя республиканском семинаре медиков,

мой. Провинция, скажете? Нет, невозможность жить вне родной среды. И это студентка музыкального училища так мучается! Что же говорить о стариках, проживших на одном месте всю жизнь?

По-разному на Камчатке лишают малой родины. Мой земляк Николай Анкудинов родился в Олюторке. Теперь это село можно отыскать разве что на старых картах. И все же в последний приезд я застал его именно там. Будан — сарай на берегу косы. Нары, железная печурка. На столе — консервы, галеты, чай. Но на лице — улыбка.

— Понимаешь, Виталий, одиночество, неудобства житейские — все это ничто по сравнению с тем, что ты находишься ДОМА. Здесь мой отец был одним из самых уважаемых людей. Здесь же родились и шесть бра-

Окончание на 8—10-й стр.

Что

На вопросы корреспондента «Смены» отвечает начальник Отдела внешних связей Главного управления государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР Леонид ЛОЗБЕНКО.

— Леонид Аркадьевич, многие из нас знают о работе таможен лишь понаслышке, от тех, кто ездил за рубежом, и отзывы иногда не совсем приятные. Но, наверное, нужно отдавать себе отчет в том, что ваша служба — контрольная, а любой контроль неприятен. В прессе, когда речь идет о таможене, в основном рассказывают детективные истории про контрабанду и почти никогда о том, что таможен — это организация, способная приносить государству большие доходы. Давайте поговорим об этом.

— Вначале немного истории. Если в царской таможене на границах государства Российского служили пятнадцать тысяч обученных, болеющих за судьбу России человек, то в середине 80-х годов в таможенной системе — около 3,5 тыс. человек.

В Главном управлении до Октябрьской революции работало несколько сот человек, а когда мы пришли в главк (он входил в состав Министерства внешней торговли), тут уже оставалось около 70 специалистов. То есть фактически служба была развалена.

29 мая 1918 года В. И. Лениным был подписан Декрет о создании таможенной службы, в соответствии с которым таможен объявлялась органом центрального подчинения, и никакие местные, военные и другие организации не имели права вмешиваться в ее деятельность. Однако после смерти Ленина таможен неоднократно переходила из одного ведомства в другое, постепенно теряя самостоятельность.

И вот в начале 1986 года было принято решение Политбюро ЦК КПСС и Совета Министров СССР о выделении таможен в самостоятельное ведомство — создано Главное управление государственного таможенного контроля при Совете Министров СССР. Теперь мы подчиняемся только Совмину СССР. Можно сказать, что советская таможенная служба в ее новом качестве — детище перестройки.

В настоящее время в таможенных учреждениях страны работают свыше 6 тысяч человек, а в Главном управлении — более 200 специалистов. Много это или мало? Если сопоставить с тем, что было до 1986 года, то рост очевиден, но для решения новых, больших задач этого, естественно, недостаточно. Хочу подчеркнуть, что за прошедшие 3 года ЦК КПСС, Совет Министров СССР неоднократно обсуждали вопрос

о необходимости укрепления таможенной службы; были приняты конкретные меры по ее материально-техническому и кадровому обеспечению.

Что же касается зарубежных таможенных служб, то в большинстве социалистических и развитых капиталистических государств работа эта престижна, высокооплачиваема, специалисты оснащены современной техникой, в том числе компьютерами, средствами контроля, самолетами, катерами и т. д. Для примера: в таможенных службах ФРГ и Франции работают 28 и 32 тысячи человек соответственно. Значительные успехи есть сейчас у таможенной службы Китая, с которой, кстати, мы устанавливаем деловые отношения.

— А где вы готовите кадры?

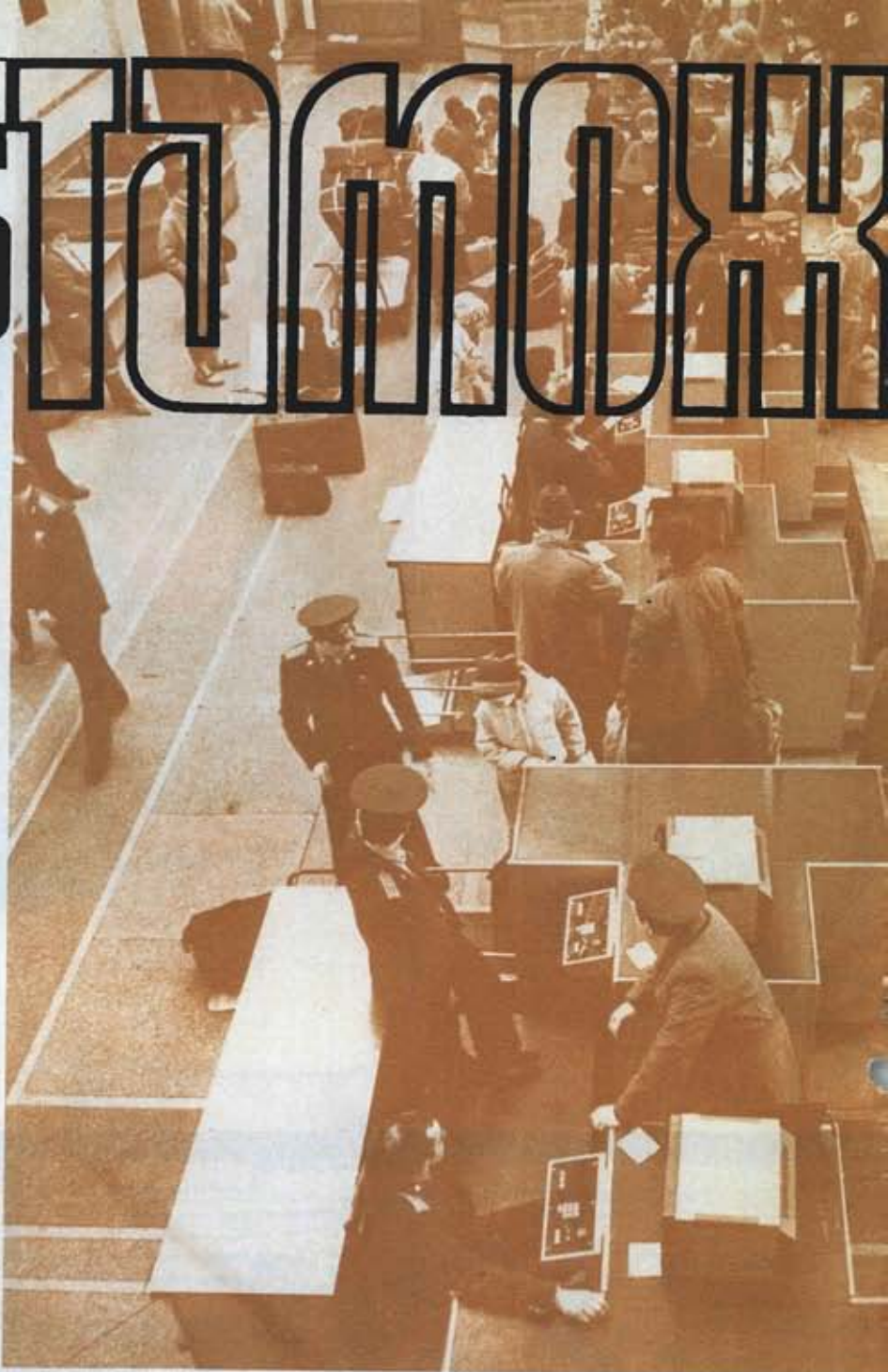
— На этот вопрос сейчас приходится отвечать довольно часто, поскольку многие молодые люди изъявляют желание работать в таможенных органах. К сожалению, большинство из них знает о нашей службе лишь понаслышке да из кинобоевиков с непрерывными перестрелками и погонями за контрабандистами. Элемент романтики в нашей службе, конечно, есть, но главное — это все-таки глубокие знания и преданность делу. А знать и уметь таможенник обязан многое: экономику и право, иностранный язык и психологию, товароведение и технику. Особое внимание уделяется вопросам идеологической подготовки, культуры общения.

Своего учебного заведения у нас пока нет, но уже принято решение о строительстве Института повышения квалификации и переподготовки таможенных кадров на 400 человек. А пока вот уже три года кадры для системы готовят на специально созданном таможенном отделении в Институте международных отношений МИД СССР. Кроме того, приходят выпускники юридических факультетов ряда университетов страны. Работа это большая и сложная, ведь многое приходится осмысливать заново. Кстати, те же китайские коллеги кадры готовят в двух высших и нескольких средних специальных таможенных учебных заведениях.

— А какие изменения в таможенном деле вызвало то, что с 1 апреля 1989 года на внешний рынок разрешено выходить всем предприятиям, объединениям, кооперативам?

— Принятое правительством решение помогло очень многим людям в нашей стране другими глазами посмотреть на таможенную службу. Объясню, почему. Если раньше слово «таможня» у большинства ассоциировалось с проверкой чемоданов, то теперь принципиально меняется, я бы сказал, философия таможенного дела; таможенные органы становятся одним из мощнейших рычагов государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. Принятые в течение нескольких последних месяцев решения Совета Министров СССР в области регулирования внешнеэкономических связей отводят таможене главную роль в сфере декларирования всех товаров, перемещаемых через государственную границу СССР. Это уже потребовало от сотрудников таможенных органов максимального напряжения и полной самоотдачи на этапе внедрения грузовой декларации.

— Извините, Леонид Аркадьевич, не очень понятно: не является ли эта декларация каким-то новым бюрократическим документом, затрудняющим выход на внешние рынки?

— Как раз наоборот. Использование грузовой таможенной декларации, разработанной нами, кстати, на базе аналогичного документа, применяемого в ЕЭС и ЕАСТ, позволит производителям экспортной продукции уверенно выходить за пределы Советского Союза, а нам, таможенникам, осуществлять четкий контроль и давать необходимые данные в статистические органы.

Ведь что получалось, да пока еще, к сожалению, и остается кое-где: предприимчивые снабженцы «выбивают» фондируемые материалы в Москве (трактора, нефть и т. п.) и просят, как всегда, процентов на сорок побольше, чем нужно. Если получают, то весь избыток по прямым связям отправляют за рубеж. Тем более есть решение правительства всячески содействовать развитию таких связей. Отдаем трактор, а получаем взамен в лучшем случае видеомагнитофон для клуба. Теперь сопоставим реальную стоимость... Бог с ним, с видеомагнитофоном, но когда за эти фондируемые материалы расплачиваются зерном, которое потом идет в госфонд, как якобы выращенное у нас, то получается, что одна и та же рука дважды залезает в государственный карман и вытаскивает оттуда огромные деньги.

Теперь о том, почему грузовая таможенная декларация будет способствовать продвижению советских товаров на внешние рынки.

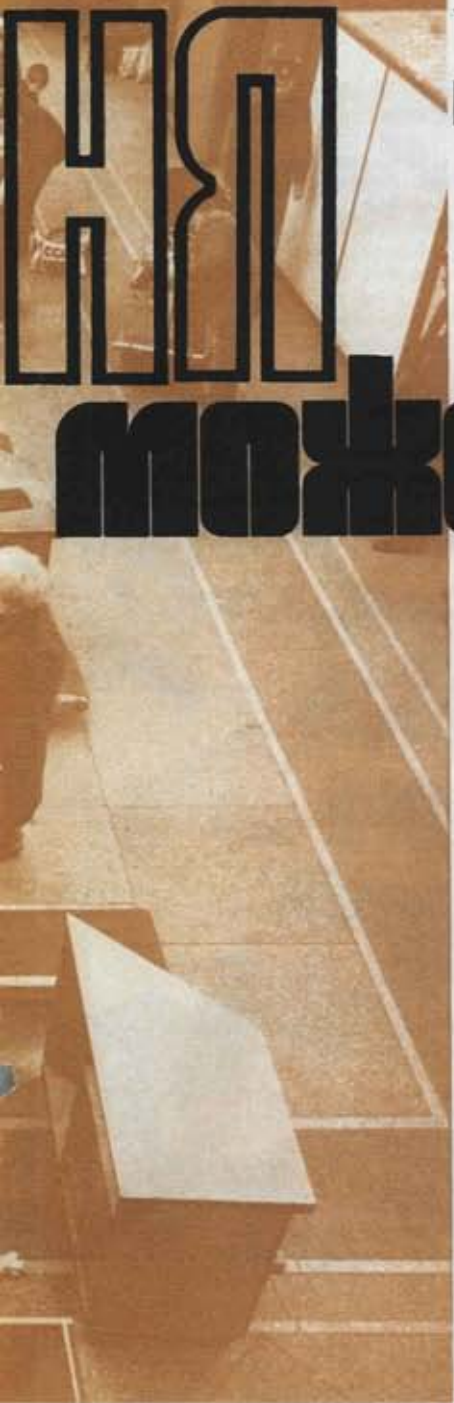
— Да, пожалуй, на конкретном примере. Вот хотя бы прекрасные станки, которые делают у Кабаидзе. Ведь их берут, в том числе и в странах, например, в ФРГ.

— Да, берут, но мало кто знает, что на переформлении товаросопроводительных документов на стандарт, принятый в ФРГ (читай в ЕЭС), мы теряем до 48 западногерманских марок (около 15 инвалютных рублей) по каждой грузовой отправке. А в целом потери от переформления составляют до 2—3 процентов товарооборота. Вот вам и цена товаросопроводительных документов. Отсюда и необходимость унификации, применения общепринятых в мировой практике принципов.

Кстати, об унификации. Работая над декларацией, мы закладываем в основу ее построения принципы Гармонизированной системы описания и кодирования товаров, то есть системы, позволяющей отправителю и перевозчику, таможеннику и получателю использовать один и тот же документ, одни и те же коды. В перспективе это позволит, как мы надеемся, не «выпасть» из общей колесницы стремительного роста мирового товарооборота, где, очевидно, через 5—7 лет произойдет переход на безбумажную — компьютерную обработку.

— А как обстоят дела с доходами? Ведь, насколько нам известно, таможен издавна пополняла государственную казну существенно.

— Для начала надо разобраться, какие поступления считать доходами от деятельности таможен. Долгие годы господствовала теория, что таможенные доходы — это разница между ценой товара на внешнем рынке и оптовой ценой внутреннего рынка. Естественно, что при множественности цен внутри страны и их полной несопоста-

И в Главном управлении, и на местах — сотни прекрасных, по-настоящему увлеченных специалистов, с которыми не страшно начинать такие большие дела. Поверьте, мой оптимизм базируется не на пустом месте, в его основе вера в мудрость и профессионализм опытных кадров и честолюбивый задор молодежи, объединенные одним стремлением — создать эффективный, надежный таможенный механизм. Горжусь и высоко ценю доверие коммунистов, вновь избравших меня секретарем партийной организации еще на два года.

Подчас бывает, не скрою, очень трудно, но отступить не привык. Комсомол и, в частности, работа в ЦК ВЛКСМ дали хорошую закалку, научили разбираться в людях.

Остро переживаю, когда нет возможности логически объяснить или решить некоторые вопросы. К примеру, чтобы вышло постановление Совета Министров СССР по материально-техническому обеспечению, мы должны были получить 63 подписи в наших ведомствах! И мы все-таки не смогли в итоге решить вопрос, потому что нас направили на третий круг согласований. Таможня не имеет своих строительных мощностей, но, согласно Закону о государственной границе СССР от 1984 года, соответствующие ведомства должны обустроить пункты перехода, то есть создавать реальные условия для граждан, которые пересекают государственную границу. Но кто всерьез этим занимается? Каждое ведомство озабочено только одним: выполнением объема товарооборота и собственным строительством. Хочу подчеркнуть: мы же не себе на кабинеты просим — сделайте хотя бы электрический свет в некоторых пунктах перехода на границе...

Когда первый раз слушали на Секретариате ЦК вопрос о таможне, мы принесли альбом. В нем есть фотографии старых, еще дореволюционных таможен, а рядом то, что от них сейчас осталось. Вопрос этот не только наш, ведь таможня — визитная карточка страны. Если хотим получать от таможни миллиарды, то нужно и вложить миллионы.

— Леонид Аркадьевич, не могли бы привести пример, из которого было бы видно, что с улучшением международных контактов мы получили какие-то реальные результаты, например, в борьбе с наркоманией?

— Полтора года назад в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» была опубликована статья под названием «Наркотерроризм», где прямо обвинялись Советский Союз и ряд социалистических стран якобы в покровительствовании транзиту наркотиков через свои территории с целью отравления жителей западноевропейских капиталистических государств. Мы не стали писать опровержения, ответом были несколько совместных операций с таможенными службами, в том числе капиталистических стран. В результате только в течение полтора последних лет нашими органами было задержано свыше 11 тонн наркотиков, что в дальнейшем позволило выявить и арестовать группы наркомании в ряде стран. Первая операция подобного плана была у нас с голландцами, затем с Канадой. А вот с английской таможенной службой был даже подписан совместный документ о сотрудничестве в этой области. На очереди таможенные службы США, Швеции, ФРГ, Франции и других стран.

— Выходит, и в былые годы мы отлавливали, скажем, наркотики, но Запад об этом просто ничего не знал? Или мы взяли эти 11 тонн за полтора года только благодаря взаимодействию с таможенными службами других стран?

— Будем говорить так: задержание

наркотиков — заслуга работников советской таможни, а дальнейшее развитие событий — результат совместных действий, то есть без сотрудничества в этой сфере невозможно эффективно работать. Есть данные, что международная наркомафия располагает 500 миллиардами долларов в обороте, примерно такую же сумму использует на подкуп должностных лиц и рекламную деятельность. Так что таможня воюет с гигантской империей, и борьба эта беспощадная.

Сейчас перед таможенными службами зарубежных, особенно западноевропейских стран, мы ставим вопрос так: СССР не может только за собственные деньги обустроить свои границы для предотвращения контрабандного ввоза в ваши страны наркотиков, давайте это делать совместно под эгидой, например, Совета таможенного сотрудничества. Кстати, Фонд по борьбе с наркотиками ООН очень заинтересовался этой идеей и поддержал ее. Ведь надо иметь в виду, что одна только установка по контролю контейнеров стоит свыше десяти миллионов долларов. Если мы будем делать все это только за свои деньги, то, наверное, это будет не совсем справедливо.

— А что вы можете сказать о контактах с соцстранами?

— В целом они развиваются успешно, но придется сказать не самые приятные слова в адрес Совета Экономической Взаимопомощи. Начну с того, что капиталистические страны Европы, создавая европейский рынок в 1957 году, в первую очередь решили вопросы снижения таможенных пошлин, ликвидации всевозможных барьеров, одним словом, создавали таможенный союз. За прошедшие 30 лет они подошли к созданию единого внутреннего рынка. А мы?... В рамках такой колоссальной организации, как Совет Экономической Взаимопомощи, за все эти годы ни разу не был даже рассмотрен ни один таможенный вопрос! Полагаю, что целый ряд проблем, над которыми мы сейчас бьемся, даже не появился бы на свет при условии четкой таможенной регуляции на единой основе.

— Леонид Аркадьевич, насколько известно, развитые страны заинтересованы в том, чтобы их товары покупали за границей; фирменные магазины даже выплачивают скидку для жителей других государств в благодарность за то, что они купили эти товары.

— Это так. Более того, в ряде капиталистических стран существует жесткий контроль за тем, чтобы вывозили именно новые товары, а не старые. Потому что вывоз новых дает стимул для производства. Вот почему вводится скидка для тех, кто вывозит. Почему мы не можем этого сделать? Да у нас нечего сейчас вывозить. Хотя некоторые ведомства пытаются заработать валюту любой ценой. Был я недавно в Антверпене, видел на складах сотни наших холодильников. Мы продаем их по мизерной цене. Берут их для того, чтобы снять наш мотор, выбросить и поставить японский, сменить корпус, перекачать и только после этого запустить в продажу. В результате таких манипуляций нам достаются гроши. Так не правильнее ли наряду с планомерным и продуманным выходом на внешние рынки отдавать приоритет все-таки советскому потребителю, ведь он, право, того заслуживает?

— Сейчас идут разговоры о том, что таможня ввела большие пошлины на все товары и привезти их невозможно.

— Это не соответствует истине. Более того, все наши правила в течение последних лет подвергались изменениям только в сторону либерализации. Как и прежде, сейчас мы разрешаем ввозить в СССР по одному предмету видео- и радиотехники каждого наиме-

нования беспошлинно. То есть можно ввезти один телевизор, один магнитофон, одну магнитолу и т. д. Не знаю, хватит ли средств для того, чтобы все это приобрести на легально полученную валюту... Пошлина будет взиматься за второй, третий предмет. Что же касается введения с 1 февраля сего года ограничений на вывоз ряда товаров из СССР, то меры эти временные и объясняются они внутренним дефицитом.

...К сожалению, пустые прилавки наших магазинов порождают спекуляцию. Например, персональный компьютер в Бельгии стоит около пятидесяти — семидесяти тысяч франков. Эта цена доступна для советских людей, которые бывают здесь в командировках, и особенно тех, кто работает в Бельгии длительный срок. Но этот компьютер у нас на черном рынке стоит около 40—50 тысяч советских рублей. Вот и приходится нашим сотрудникам наблюдать все чаще в Шереметьеве-2 картину «торжественной» передачи больших сумм за упаковки с иностранными наклейками.

— Одно дело, если человек берет персональный компьютер для дома, и другое — если несколько штук для перепродажи.

— Это уже явная спекуляция. Плюс ко всему у нас есть факты, когда и представители некоторых посольств, находясь в командировках, довольно часто это делают. Мы не можем их ограничить. Но каждый раз, въезжая в Советский Союз в течение одного-двух месяцев, они везут персональные компьютеры. Понятно, что они не режут на них хлеб и сало.

— В Москве работает очень много представителей разных фирм, которым по роду своей деятельности нужны советские деньги. Возможен ли такой вариант, что фирма ввозит сюда, скажем, пять компьютеров и продает их за 300 тысяч, тем самым решая свои финансовые вопросы? Это тоже никак не контролируется?

— Такой вариант в принципе возможен. Мы фиксируем все это, и любое заграничное представительство, ввозя вещи в СССР, декларирует, будет ли вывозить их обратно. Если же оно собирается что-либо продать, то может это сделать в установленном порядке, но с обязательной оплатой таможенной пошлины.

— В редакцию пришло несколько писем, авторы которых — советские граждане, живущие за границей, жалуются на то, что когда ездят в СССР, таможня проявляет к ним «повышенное» внимание. Приезжающие либо в составе туристской делегации, либо к родственникам привозят массу примеров, когда группу иностранных туристов, например, в Бресте не досматривают, а проверяют только людей с советскими паспортами...

— Наверное, бывает и такое. Но никаких специальных распоряжений на этот счет, естественно, наши таможенники не могли получать.

Здесь мне хотелось бы сказать о другой крайности, когда под идею расширения международного сотрудничества подстраивают лозунг о ликвидации контроля вообще. Думаю, что в обозримом будущем этого не произойдет.

Другое дело — совершенствование технологии таможенного контроля, повышение его культуры. Здесь поле деятельности для нас необъятно. Кстати, в ближайшее время в Шереметьеве-2 будет введена новая технология, базирующаяся на принципе «красного» и «зеленого» коридоров. Пассажиры сам будут решать: иметь ему контакт с таможенником или нет. Мы считаем, доверие должно рождать доверие.

вимости с мировыми таможенными доходами выглядели фикцией, хотя и назывались цифры со многими нулями. В условиях, когда действовала жесткая командная система во внешней торговле, сам таможенный тариф стал попросту ненужным. Не здесь ли, кстати, надо искать истоки зарождения «чемоданной» таможни, направленной в первую очередь на контроль пассажиров?..

Времена меняются, и сейчас на авансцену вновь выходит таможенный тариф, но не прежний, а новый, базирующийся на Гармонизированной системе (о которой я говорил) с научно обоснованными ставками пошлин, одним словом, эффективный торгово-политический рычаг. Над его разработкой сейчас трудятся межведомственные группы под эгидой Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР, они также готовят предложения по мерам нетарифного регулирования внешнеэкономических связей. Представители ГУГТК СССР играют в этой работе не последнюю роль.

После введения эффективного таможенного тарифа доходы, которые таможня будет давать государству, возрастут многократно.

Кстати, действенный таможенный тариф и таможенная статистика — основные условия нашего вступления в ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле).

— Вы секретарь партийной организации Главного управления. Верите ли вы, что те люди, кто сейчас у вас работает, способны решить задачи, о которых вы говорите?

— Не верил бы — не работал.

Забой оленей — не жестокость, не варварство, а насущная грань камчадалского быта.

Окончание. Начало на 4-й стр.

тьев. Попробуй пройти на «моторке» из бухты Скобелева в Скрытую и не намотать на винт водорослей. Я же в этом подводном лесу, словно кижуч, спешащий на нерест, никогда не заплутаю. Я нервами связан с Олюторкой...

Вспомнился мне тут Иван Пиныч Рультетегин. Однажды в детстве, играя у очага, он повредил глаза горячими углями. Ослеп. Кто из нас не спасовал бы в такой ситуации? Рультетегин же стал... проводником. Я встречался с ним в конце 70-х. Это был высокий и сильный старик. «Корни» Валерия, «нервы» Николая вели его днем и ночью в соседние села, на рыбалки стариков, зимовья охотников. Сколько раз выручал он зрячих и молодых! А помощник у него был один — верный пес Тума... И ни жало, ни претензий к людям. Потому что жил на родной земле, среди своих соплеменников, среди привычных хлопот.

Николаю Анкудинову 80-е годы уготовили иную судьбу. Как не справившегося с планом добычи лахтак — морского зайца — администрация Корфского госпромхоза перевела его на другой участок работы.

Казалось бы, кому, как не коренному жителю, потомственному морско-

му охотнику, промысловому работать в камчатских госпромхозах. Ан нет, мало кого из них встретишь нынче здесь. И уж совсем редко — в рядах передовиков социалистического соревнования. Утратили навыки? Пьют? Лениваются? Да полноте! Все проще гораздо: никто из них не умеет и не будет никогда «рвать план». Что называется, нутром чувуют — брать у природы больше, чем требуется, значит брать взаймы у детей своих, правнуков. Больше греха северянин не знает. А «небоскрежная» философия покорителей Севера, с которой вломилась материковые ведомства в чум чавчувена, в землянку нымылана, уже принесла достаточно бед. Не верьте, когда говорят, что северных аборигенов мы, дескать, вытаскивали из дикости в цивилизацию. Ничего подобного! На исходе второго тысячелетия культура коренного северянина ничем не хуже любой другой. Она — иная.

...Есть возле села Карага сопка. По примеру других населенных пунктов побережья ее называют Колдуньей. Стоит снежнику на ее вершине приобрести форму кеты, как в реке Карага начинается рунный ход именно этого вида лосося. Но вот снег на вершине подтаял — путина пошла на спад. Ни один карагинец не выставит сети «до» или «после»...

О колхозных рыбаках говорить не

хочу. Они запросто обходят предостережения ученых Камчатского отделения ТИНРО, превышая лимиты вылова. Скажи им про снежник на сопке, поднимут на смех.

Помню чаепитие в верховьях Вывенки, в доме корякского художника Кирилла Килпалина. После первой кружки хозяин сбросил камлейку, кухлянку, а заодно и олимпиаку. Жена принимала гостей в легких брючках и летней рубашке, дочка Анютка и Марфа — вообще голышом. Я же сидел в кухлянке, конайтах и торбасах. Когда хозяйка вышла на улицу, в комнату ворвалось облако инея, а голопузые северянки вывалились через порог в сугроб. Я ринулся спасать их. Никто из взрослых на мой «подвиг» не обратил внимания.

...Домой я вернулся с воспалением легких. Каково ж было мое удивление, когда узнал, что Анютка с Марфой по-прежнему живы-здоровы и шлют мне привет. Всерьез усомнился я тогда в целесообразности интернатов. Чуть ли не в грудном возрасте оторвав детей от родителей, пичкаем их молоком и антибиотиками, кутаем в «инкубаторские» пальтишки, отучаем от языка и обычаев своего народа, от ответственности за свою судьбу, а потом возмущаемся, почему, возвращенные на государственном кошете, юные коряки

Трудно попасть на Камчатку. Еще труднее покинуть ее.

и чукчи не идут в оленеводство. Дай бог, подумал я тогда, чтобы воды Вывенки взбурлили, не позволили эмиссарам району и райздраву добраться до гостеприимного дома Килпалина, чтобы забрать в интернат Анютку и Марфу...

Пора уезжать со стойбища...

Село Тымлат — центральная усадьба оленеводческого совхоза «Карагинский».

Мы можем на хозрасчетных началах откармливать бычков, снабжать все пенжинские села картофелем, тепличными овощами, наладить изготовление ножей, ремней, обуви для оленеводов...

Лишь благодаря вмешательству общественности племя поитыльо, как называют свой род пареньцы, осталось жить на берегу родной реки.

Лет десять назад мы с Сергеем Вахриным вместе начинали в журналистике. Сейчас он старший государственный инспектор Камчатрыбвода.

Японии. Жителям полуострова известен он как исследователь фольклора, истории, природы Камчатки, как поэт и философ. И речь сейчас не о том, что талантливый живописец не член Союза художников, а его книги издаются до обидного редко. И не о том даже, что его, бесстрашного охотника на дикого зверя («Килпалин» с корякского — «боевой рог оленя»), подобно Николаю Анкудинову, постоянно пытаются выжить с угодий госпромхоза...

Не я один отправлял с оказией Кириллу Васильевичу кисти, краски, растворители, которые ему не только недосуг и негде купить, а, как ни странно это звучит, порой просто не на что. Неделями охотник обходится без продуктов, боеприпасов, медикаментов, годами — без поддержки Худфонда, окружного отдела культуры. Где же она, благодатная длань цивилизации?

Как говорят тундровики: «Уине-е...»

Сохранение культуры народа — сохранение его нравственного здоровья, его будущего. Это — аксиома. Но как часто мы забываем о ней!

Не меньше Килпалина знаменит на Камчатке пареньский кузнец Василий Татович Оптаят. Ни один оленевод, отправляясь в дорогу, не возьмет магазинный клинок. Почти у каждого — нож из Парени. Есть чем до-

рожить: на морозе не ломается, незаменим при разделке лосося, обработке шкур, заготовке валежника. Старожилы помнят те времена, когда изделия корякских кузнецов были желанным товаром на всех северных ярмарках. Дед Оптаят — последний из оставшихся в живых мастеров.

И что же? Я был свидетелем, как его дочь и внучка, пряча глаза, считали деньги на полбуханки хлеба. Да только ли они? Не поверите, но редкий месяц совхозная касса начисляет к выдаче в Парени, где живут 143 человека, больше сотни рублей. Стоит ли удивляться, что каждый второй житель села, легенды о котором записывал еще Степан Крашенинников (русский этнограф XVIII века, — В. Б.), болен туберкулезом.

Но и это еще не все. Руководители сельского хозяйства округа решили, что от Парени вообще надо избавиться. Нерентабельно содержать село. Нет самоокупаемости. Выходит, и люди «несамоокупаемы»? Бред какой-то! Пареньцы, не желавшие превратить родные места во вторые Рекинники, наотрез отказались покинуть землю отцов.

— Зачем нас хотят выгнать? — горячится бывший председатель здешнего колхоза «Искра» (правда, тоже бывшего — упразднили, признав неперспективным) Челкунин. —

— Испокон веку, — рассказывает Сергей, — ительмены кормились рыбой. Это про них воскликнул удивленно Стен Бергман, шведский путешественник, посетивший Камчатку в 20-х годах нынешнего столетия: «Я хотел бы знать, в какой другой стране можно за неделю заготовить пищи на целый год для всей семьи и упряжных животных?». В 1926 году всех ительменов (за исключением Тигильского района), говоривших по-русски, записали «камчадалами». Поскольку ученые такой народности не признали, во время проведения очередной переписи населения жителей Камчат обозначили русскими. И... отлучили от реки. Без рыбы они, правда, не остались, но теперь все — браконьеры. Так как право ловить лосося на Камчатке имеют только представители местной коренной национальности (до ста килограммов в год). Административная «оплошность» обернулась очередным издевательствам над людьми...

Продолжу мысль Сергея цитатой из книги К. Дитмара «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.».

«...Чиновники, большинство которых приезжает сюда из-за тридевять земель, никогда не стараются изучить по существу страну и ее население. Они приступают к делу с совершенно чуждыми стране взглядами и затевают соответственные этим

Попасть к Кириллу Васильевичу Килпалину мечтают многие. Его имя давно уже стало легендой. Полотна камчатского Гогена, по праву носящего титул основоположника корякской живописи, экспонировались на международных выставках — в ФРГ,

взглядам преобразования. Истинная задача благомыслящих, дельных чиновников, желающих содействовать улучшению народной жизни, заключается в том, чтобы помогать и способствовать самобытному развитию вверенного им населения, а не управлять по шаблонам, взятым из далека, выработанным при совершенно других условиях жизни... Когда власть в руках таких людей, они все гнут в дугу. Для них главное — доклад высшим властям о произведенных реформах. Доклад должен выставить в розовом свете все великие нововведения и иметь в результате повышение в чине, получение ордена и денежные награды. Такой человек поступает на службу не для блага страны или народа, а исключительно только ради собственных интересов. Служба в отдаленных окраинах связана с большими выгодами; чиновник быстро выслуживается и затем преследует свои личные честолюбивые и своекорыстные цели, нисколько не заботясь о пользе края, а следовательно, и человечества».

Более 130 лет назад писано, а ведь и нынче — к месту и ко времени!

На Камчатке оленеводство приходит в упадок...

Тропинка в осипших медвежьих следах вела из осени в лето. Где-нибудь в Подмоскowie шанс продлить курортный сезон расценивался как подарок судьбы. Но здесь, на севере Камчатки, подобный сюрприз ничего, кроме неприятностей, не сулил. Еще утром я бродил босиком по песчаной прибойке бухты Наталии, дышал воздухом, настоящим на отцветшей родиоле розовой и кедровых шишках, вспугивал готовившихся к отлету «камчатских попугавей» — топорков. Слушал, как на острове Богослова, охраняющем вход в фиорд, сыто стонало моржовое стадо. Впереди же нас ждало холодное серое лето — с комарьем, незрелой ягодой, обложными дождями.

Император на вершине сопки остановился. Опустив поводья и повернувшись в седле, я кинул последний взгляд на бухту. Ее неприступные берега казались готическим замком. Небо цвета голубичного сока поливалось алым отливом.

— Это кровь наших олешек, — глядя в ту же сторону, что и я, грустно произнес Володя Перу. Затем, порывавшись с моим меринком, резко подстегнул его: — Ехать, однако, надо!

Молодого оленевода можно познать. Целый год гнал он сюда оленей. Генерал, как с уважением зовут в корякской тундре лауреата Государственной премии СССР Николая Григорьевича Коялкута, когда дело касалось животных, спуска в бригаде никому не давал. Пастухи дневали и ночевали в табуне. Не считаясь с тяготами кочевья, как детей малых, кормили, стерегли, лечили своих четвероногих питомцев. И все, оказывается, только для того, чтобы окрасить небо «алым отливом».

Бухта Наталии — единственное на полуострове место летнего забоя оленей. Тридцать лет назад открытие этого пункта расценивалось как достижение передовой практики. Еще бы, ведь преимущества ранней заготовки мяса были такими вескими. Во-первых, августовская оленья наиболее питательная и калорийная. Во-вторых, ее можно получить намного больше, так как до зимнего забоя животное теряет в весе до 15 килограммов. В-третьих, из небуляющейся лучшей меховая одежда. Есть и другие выгоды.

К сожалению, «золотой ключик» бухты Наталии не совладал с заржавленным механизмом экономики 80-х. Владимир Перу, цитируя слова Коялкута, обмолвился: «Чтобы добиться хорошего нагула, пастух зи-

мой умывается пургой, а летом — потом. Вот все бы так!»

И действительно, пригонят тундровики своих оленей на заготовительный пункт. В корале олень еще их. Бывало, случится какая задержка, протомится стадо в загоне больше положенного, все члены бригады, от мала до велика, рубят зеленые ветки и тащат, тащат обреченным животным на подкормку. Стоит оленю попасть на весы, он автоматически переходит в руки новых хозяев — потребкооперации. Но хозяев ли? Выше пятисот тысяч рублей ежегодно недополучает государство в бухте Наталии. Рубец, сычуг, копыта, головы, кровь, деликатесные продукты первой и второй категории выбрасываются тоннами. Окрестные медведи настолько привыкли к дармовому угощению, что стоит задержаться за бою, они такие устраивают «демонстрации» — без карабина до ветру не выйдешь.

Каково на все это смотреть оленеводам? Я чаевал как-то у карагинских пастухов. Коврик на стуле из оленьих рогов был шит из лобашей — кусочков разномастных шкур, снятых с лобной части головы оленя. Уютные чижы, предложенные мне вместо промокших бродней, были словно пуховые. На растяжках палатки висели рубахи и штаны, изготовленные из ровдуги и дымленины, чызыйты (летняя обувь) и торбаса — из камусов, мужские кожаные пояса. На столе тоже оленьи дары: свежие почки, горловые хрящи, сухожилия, костный мозг, губы. Свою долю получили и пушистые олененки Чакон, Кау-Кау и Каликли.

А ведь олень не только одевает и кормит. Из шкур изготавливают палатки, пологи, кукули; панты, жир, железы — ценнейшее сырье для фармакологии и парфюмерной промышленности.

— Нас, коренных жителей Севера, заставляют отказываться от собачьих упряжек, — продолжил прерванный разговор Владимир Перу. — При этом нажимают на сознательность. Мол, сколько лосося идет на прокорм. Так, в бухте Наталии на свалку выбрасывается такое количество этого самого прокорма, что его хватило бы не одним ездовым лайкам — всем бродячим псам Камчатки... Зачем думать о парфюмерии, если под носом порядка навести не умеем?!

Погорчился Владимир. Чего-чего, а умельцев «наводить порядок» тут еще хватает. Вот, например, какое хозрасчетное нововведение предлагает облизполком. Вычитал об этом я в «Камчатской правде». Каждый желающий трудиться на полуострове должен заплатить за прописку соответствующему органу местной власти... 25 тысяч рублей. За особо нужных, естественно, причитающуюся сумму может внести предприятие. Но в любом случае без квитка к паспортному столу не подходи. С моей московской зарплатой я смогу возвратиться на родину (а вдруг захочется перед смертью морошки?) разве что в середине XXI века. Трогательная забота о правах человека, ничего не скажешь.

Долгие годы о Камчатке трубили одно: вулканы, олени, икра... Вот почему писать о ней настоящей — все равно что сон пересказывать. Как бы ни напрягался, подыскивая точные слова, облик «околицы России» — вне воздуха ее — континентальному жителю страны покажется размытым, ирреальным. Но для тысяч коряков, ительменов, чукчей, эвенов, наконец, для русских и украинцев, армян и татар, родившихся и живущих там десятилетиями, это не «край света» или «страна чудес», а дом отчий.

...Все-таки хорошо, наверное, что я побывал нынче на родине. Когда (и как!) еще попаду туда?

СМЕНА '89

- Кто поможет афганцам?
- Поддержание порядка или оскорбление?
- Об эзоповом языке времен застоя

✉

Не сразу решилась обратиться к вам. Дело в том, что недавно, стоя в очереди, я стала невольной свидетельницей беседы двух женщин. Одна из них рассказывала, что работает в госпитале, где лечатся воины-инвалиды, вернувшиеся из Афганистана. Меня потряс рассказ женщины-медработника. Оказывается, в госпитале находятся ребята, которые очень нуждаются в помощи, но они требуют, умоляют, чтобы не сообщали их матерям и близким, что они живы. Милые мальчики, они думают, что они этим облегчают страдания близких, особенно матерей. Я прошу вас напечатать мое письмо, чтобы дети знали, что они нам очень и очень дороги, и что большую беду переаносить легче, если ложится она на плечи двоих. Родные мои сыновья, пожалейте своих немолодых, уставших от страданий и слез матерей. Отзовитесь!

В. А. ЛАРИОНОВА,
Киев

✉

Я работаю в УПТК треста «Кубань-электромонтаж» слесарем. Женат. Жена находится в отпуске по уходу за маленьким ребенком. Своего жилья мы не имеем, снимаем частную квартиру. 27 февраля 1987 года в УПТК треста «Кубань-электромонтаж» я получил производственную травму, стал инвалидом III группы.

С 24 марта 1983 года по 10 августа 1984 года я служил в Афганистане и имею право на льготы. При поступлении на работу в УПТК я подал документы на получение жилья — моя очередь № 19. Сейчас достраивается жилой 108-квартирный дом УПТК треста «Кубань-электромонтаж», но в нем мне квартиру не обещают, так как теперь меня поставили в общую очередь. Я обращался к председателю стройкома Дудинову В. Ф., но он не захотел включить меня в льготный список, так как организовали общую очередь по тресту, и номер очереди у меня стал 108. Я обратился к председателю объединенного стройкома треста тов. Микину В. М. Он мне тоже отказал, отказали мне и на приеме у управляющего трестом.

Почему же не выполняется постановление о льготах для воинов-интернационалистов? Кто нам поможет?

С. Н. ЧАБАННЫЙ,
Краснодар

✉

Я постоянный читатель «Смены». Кто мне ответит на вопрос: как прожить молодой семье?

Я, военнослужащий пограничных войск, уходя в армию, оставил дома жену и сына. Служба подходит к концу, и я задумался над тем, как же мне жить дальше? По профессии я повар 4-го разряда (зарплата до 120), жена — студентка (стипендия 37 рублей).

Любому советскому гражданину понятно, в каких условиях будет жить семья из трех человек с месячным доходом в 150 рублей. А если учесть вычеты и взносы, то понятно, что и эта цифра нереальна.

Далее, семейные расходы: квартплата, коммунальные услуги, детский сад. Нужна мебель, электробытовые приборы. Мы люди молодые и одеться хотим не хуже других, а в наше время на это нужны немалые деньги. Чтобы быть

здоровыми и активно трудиться, нужно нормально питаться — и это тоже стоит немалых денег.

Не хлебом единым жив человек: будут расходы на прессу, театр, кино. А непредвиденные расходы на медицинские нужды? Рост цен?

Ясно, что наших семейных доходов не хватит даже на самое необходимое. Спрашивается: как решить эти насущные семейные проблемы? Уверен, это заботит многих молодых.

Олег МАТВИЕВСКИЙ,
Казахстан

В «Смене» № 4 за этот год было опубликовано письмо Александра Кобца, который высказывал мнение по поводу процедуры досмотра посетителей Мавзолея В. И. Ленина. А Кобец писал о том, что это унизительно, и спрашивал: неужели нельзя вместо многочисленного состава проверяющих установить специальную аппаратуру, исключающую возможность провокаций?

Редакция получила ответ от команданта Московского Кремля генерал-майора Г. Д. Башкина. В нем есть все: и назидания в адрес автора письма, и упреки «Смене», и историческая справка о Мавзолее, и советы редакции, как ей следует поступать в будущем перед тем, как печатать читательские письма, но нет главного — ответа на вопрос, поставленный А. Кобцом.

Мы публикуем ответ команданта Кремля и отклик на письмо Александра Кобца.

✉

Прочитав небольшую заметку Александра Кобца, поняла, что и мне необходимо рассказать обо всем, что пришлось пережить при посещении Мавзолея Ленина. Я старалась забыть, но нет, не могу. Это выше моих сил.

В конце июля прошлого года, в мое первое «пенсионное» лето, я приехала к сыну в Москву. И поставила себе цель — попасть в Мавзолей. С вечера приготовила небольшую сумку, в которой были кошелек и складной зонтик. Эта сумочка и заинтересовала милицию в очереди перед Мавзолеем.

Я показала милиционеру ее содержание. Он заглянул в нее и пошел дальше. Через какое-то время подошел второй проверяющий. Опять та же процедура. Потом — третий. То же самое. Мы встали в очереди по двое. Слышались команды: «Верхнюю одежду расстегнуть!», «Держаться строго по двое!» Чем ближе мы подходили к Мавзолее, тем больше мною овладевала мысль, что вот наконец-то я иду к Ленину...

Я уже приготовила очки, так как плохо вижу. И вдруг — уже почти у входа — окрик: «Женщина, выйдите из ряда!» Я оглянулась, ища глазами ту женщину, но тут же поняла, что эти слова относятся ко мне — на меня смотрел военный. На ватных ногах я сделала шаг в сторону — больше не могла. «Раскройте сумочку!» — очередной приказ. Я пролепетала, что меня уже трижды проверяли. Трясуцимся руками дернула «молнию». «У вас, наверное, фотоаппарат?» — повышенным тоном спросил военный, но, заглянув в сумочку, с безразличным лицом отошел. Даже не извинившись. Тем временем люди, стоящие передо мной в очереди, уже входили в Мавзолей. Я пыталась совладать с собой, но слезы душили меня.

Я думала: только бы не упасть со ступеней! В полубессознательном состоянии вышла из Мавзолея. Но и сейчас меня мучит вопрос: почему так произошло? В чем моя вина?

Пытаюсь вспомнить звание того военного, но не могу. По-моему, майор. Хотя какое это имеет значение? Я пишу это письмо, чтобы подобное не повторилось с кем-то другим. Зачем так ранить душу? Ведь эта обида на всю жизнь...

Л. ЕЛЬЦОВА,
Слуцк

Комендатура Московского Кремля внимательно рассмотрела опубликованное в «Смене» № 4 за 1989 год письмо читателя А. Кобца, касающееся организации доступа посетителей в Мавзолей В. И. Ленина.

Нами была предпринята попытка встречи с автором для обмена мнениями по поводу этой публикации. Однако, к удивлению комендатуры, т. Кобец А. В. в разговоре по телефону с комендантом Мавзолея В. И. Ленина т. Каменных В. П. 11.03.89-го года заявил, что, являясь журналистом пресскантра Миннефтегазстроя СССР, он выполнял задание редакции вашего журнала и от встречи категорически отказался.

В ходе беседы с т. Кобцом А. В. выяснилось, что истории создания Мавзолея В. И. Ленина он не знает, а вопросами отдания воинских почестей и учреждения почетного караула не интересовался.

В связи с этим заявлением у комендатуры Кремля вызывает недоумение позиция и методы работы редакции журнала «Смена».

Считаем необходимым также отметить, что публикациям о Мавзолее В. И. Ленина должно предшествовать глубокое предварительное изучение исторических документов и не вызывающих сомнений фактических материалов, в чем комендатура Кремля всегда готова оказать содействие...

Охрана Мавзолея В. И. Ленина, осуществление доступа посетителей в Мавзолей и к местам захоронения у Кремлевской стены, поддержание общественного порядка в районе Красной площади возложены на комендатуру Московского Кремля и Главное управление внутренних дел исполкома Моссовета Правительством СССР и осуществляются в соответствии с его указаниями. Согласно правилам посещения, расположенным для удобства на информационном табло в Александровском саду, не разрешается проходить в Мавзолей с хозяйственными сумками, чемоданами, портфелями, свертками, фотоаппаратами, оружием, стеклянными и бьющимися предметами и прочими вещами.

Мавзолей В. И. Ленина ежегодно посещают около 3 миллионов граждан, в том числе 500 тысяч иностранцев. Всего же за 65 лет с момента основания в Мавзолее побывало более 110 миллионов человек. При этом поток людей, желающих почтить память великого Ленина, не уменьшается. Практика подтверждает необходимость сохранения установленного порядка. Каких-либо нареканий на установленный порядок и организацию доступа в адрес комендатуры не поступало, все письма и предварительные заявки граждан на посещение Мавзолея, безусловно, удовлетворяются.

Исходя из вышеизложенного, комендатура Кремля считает подготовленный т. А. В. Кобцом материал поверхностным и тенденциозным.

Г. Д. БАШКИН,
комендант Московского Кремля,
генерал-майор

Кого вы изобразили в № 3 под заголовком «Крыша над головой»? Я сначала подумала, что какой-то притон наркоманок. Почему вы их жалеете и что им еще надо? Я жила в институтском общежитии в 50-х годах. У нас не было ни телевизора, ни холодильника, ни тюлевых занавесок на окнах. Стол был покрыт белой простыней. У всех тумбочки, аккуратно застеленные кровати. Были и большие комнаты (по 6 человек), везде порядок. И расхристанными нас нельзя было застать ни самым поздним вечером, ни ранним утром, а они в таком виде перед камерой! Или вы их так расставили по сценарию? Кто виноват, что девушка ест из кастрюли, что — нет тарелки? Да просто лень! Она бы и в «Национале» ела из кастрюли.

Если таким здоровым и «культурным» (по названию института) девочкам кто-то должен налаживать быт и развлекать их, то чего они стоят? И почему общежитие должно быть родным домом? Дом и очаг у них впереди, если кто-то захочет с такими неряхами создавать свое гнездо, как вы выражаетесь. Вы бы захотели?

Что за тенденция у молодежных редакций жалеть проституток, наркоманов, неформалов, которые ходят стаями, ищут какой-то правды, смысла жизни? Уверена, что все, что вы для них и о них пишете, они не читают.

О. МИХАЛЕВА,
Пермь

Интересно понаблюдать, как русский язык (а точнее — бюрократический) приспособливается к негативным сторонам нашей жизни. Когда слышишь выражение «женщины повышенного риска», к ним возникает уважение, ведь это, по-видимому, женщины — космонавты, испытатели, каскадеры, альпинисты, пожарные. А так, оказывается, называют представительниц древнейшей профессии.

Товары нормального качества, которых у нас мало и для выпуска которых пришлось пойти на чрезвычайную меру — введение госприемки — стали называть «товарами повышенного спроса». На прилавках их нет, зато они в изобилии на базарах и толкучках, и цены на них, естественно, «повышенные».

Сейчас много жалоб на повышение цен. И эту гонку цен бюрократы назвали «вымыванием дешевых товаров».

Много товаров по «договорным ценам» — и в госторговле, и у кооператоров. А лучше, если на этикетках будет написано: «вздутая цена», «ультимативная цена». Никто никогда ни с одним покупателем не договаривался о таких ценах, и выгодны они всем, кроме покупателя.

«Недовложение» — так деликатно работники торговли и общепита называют воровство продуктов, из-за чего сильно «худеют». Особенно это мерзко в школьных столовых, интернатах, детских домах.

Есть ласковое слово — «несуны». Так называют безобиднейших людей, похожих на трудолюбивых муравьев, которые всегда что-то тащат. Для них есть более точное слово — «воры». Из-за них государство беднеет каждый день на миллионы рублей.

Список таких выражений можно продолжить. Может, будем называть вещи своими именами, а не прибегать к эзоповому языку времен застоя?

В. ИЩЕНКО,
инженер, ПТО «Интеграл»,
Минск

ПУБЛИКУЕМ РЕЗУЛЬТАТЫ РОЗЫГРЫША ЛОТЕРЕИ,
ПРОВЕДЕННОЙ ТЕЛЕПРОГРАММОЙ
«ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ».
УКАЗАННЫЕ ПРИЗЫ ПОЛУЧАТ ОБЛАДАТЕЛИ
СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРОВ АНКЕТ:

стиральная машина «Малютка» ПО «УралМАШ», Свердловск
1606 — Пшаренко С. В. /Антрацит, Ворошиловгр./; 169 — Кузнецова Е. В. /Сумы/; 17075 — Баронина О. И. /Москва/; 1801 — Калугина Н. /Москва/; 14998 — Иванович Р. /Мончегорск/.

фотоаппарат «Киев-35 М» ПО «Арсенал», Киев
16394 — Шала М. /Горловка/; 13766 — Бабашев С. /Юдинки, Тульской/; 20144 — Карпова Н. /Бобруйск, Могилевской/; 9 — Харитончик Ш. /Воронеж/; 17627 — Заболоцкая М. /Москва/.

детский электромзыкальный инструмент, качканарский радиозавод
841 — Клещева А. К. /Донецк/; 114 — Мионов С. /Томск/; 7975 — Лаптев С. М. /Береславка, Волгоградской/; 10254 — Карпенчук А. /с. Калиновка/; 5131 — Лавренчук Н. В. /Кишинев/.

косметический набор «Декор», свердловская парфюмерно-косметическая фабрика «Уральские самоцветы»
14136 — Круглова Т. /Новосибирск/; 9762 — Концева С. А. /Нурильск/; 11911 — Ступина И. /Свердловск/; 18488 — Шумилина О. /Ленинград/; 6901 — Серебряков С. /Ярославль/.

диск «Здоровье» ПО «УралМАШ», Свердловск
124 — Артемова Л. Е. /Москва/; 7794 — Ковтункин А. /Павлодар/; 10747 — Дешина С. /Тула/; 13 — Гусева Н. Н. /Рубцовск Алтайского края/; 1461 — Лавриненко О. Ю. /Сочи/.

косметический набор «Я сам» /детский, свердловская парфюмерно-

косметическая фабрика «Уральские самоцветы»
211 — Казакевич Е. /Витебск/; 16653 — Геворкова И. Г. /Тбилиси/; 11230 — Андропова О. /Калуга/; 20000 — Сергеев С. /Пермь/; 9181 — Коваленко О. В. /Москва/.

косметический набор «Колибри», харьковская парфюмерно-косметическая фабрика «Эффект»
442 — Сидорин С. Г. /Владивосток/; 277 — Кравцовы /Петропавловск-Камчатский/; 1593 — анонимное /Челябинск/; 3013 — Сивец В. И. /Минск/; 4857 — Овчинникова Н. П. /Анадырь/.

косметический набор «Сказочный», свердловская косметическая фабрика
19016 — Кузина Т. /Ленинград/; 11249 — Ермакова И. А. /Вязьма/; 5830 — анонимное /Барнаул/; 7028 — Свечнев С. Ю. /Михайловка/; 12015 — Калмыков А. И. /Мурманск/.

косметический набор «Нежность», николаевский парфюмерно-косметический комбинат «Алые паруса»
6300 — анонимное /Киев/; 14789 — Щетинина Е. /Симферополь/; 13203 — Назарова Л. /Ленинград/; 8529 — Голотова В. Н. /Курган/; 17283 — Лисовой С. /Донецк/.

спортивная доска «Скейтборт», ПО «УралМАШ», Свердловск
9515 — Павленко Е. Г. /Сасово, Рязанской/; 10729 — Ильичева А. Е. /Дзержинск/; 4598 — Карпухина Т. /Волгоград/; 6000 — Орлова Н. Ф. /Сим, Челябинской/; 390 — Миловзорова А. /Рязань/.

«ПЯТЬДЕСЯТ НА ПЯТЬДЕСЯТ»

(второй выпуск, г. Кишинев)

С первого выпуска передачи «50 на 50» в редакцию поступило более 28 тысяч откликов, авторы которых приняли участие в зрительской телелотерее «50 на 50». Результаты лотереи и имена обладателей счастливых выигрышей будут объявлены во втором выпуске передачи. Выступление ее участников мы и предлагаем вам оценить. Наибольшая оценка — 5 баллов.

самобытность	исполнительское мастерство	артистичность	репертуар
Азиза Мустафа-заде			
Андрей Мисин			
Группа «Скандал»			
Группа «Эверест»			
Группа «Николай Коперник»			

2. Кого из перечисленных исполнителей вы хотели бы видеть в финале конкурса «50 на 50», который состоится в конце года?

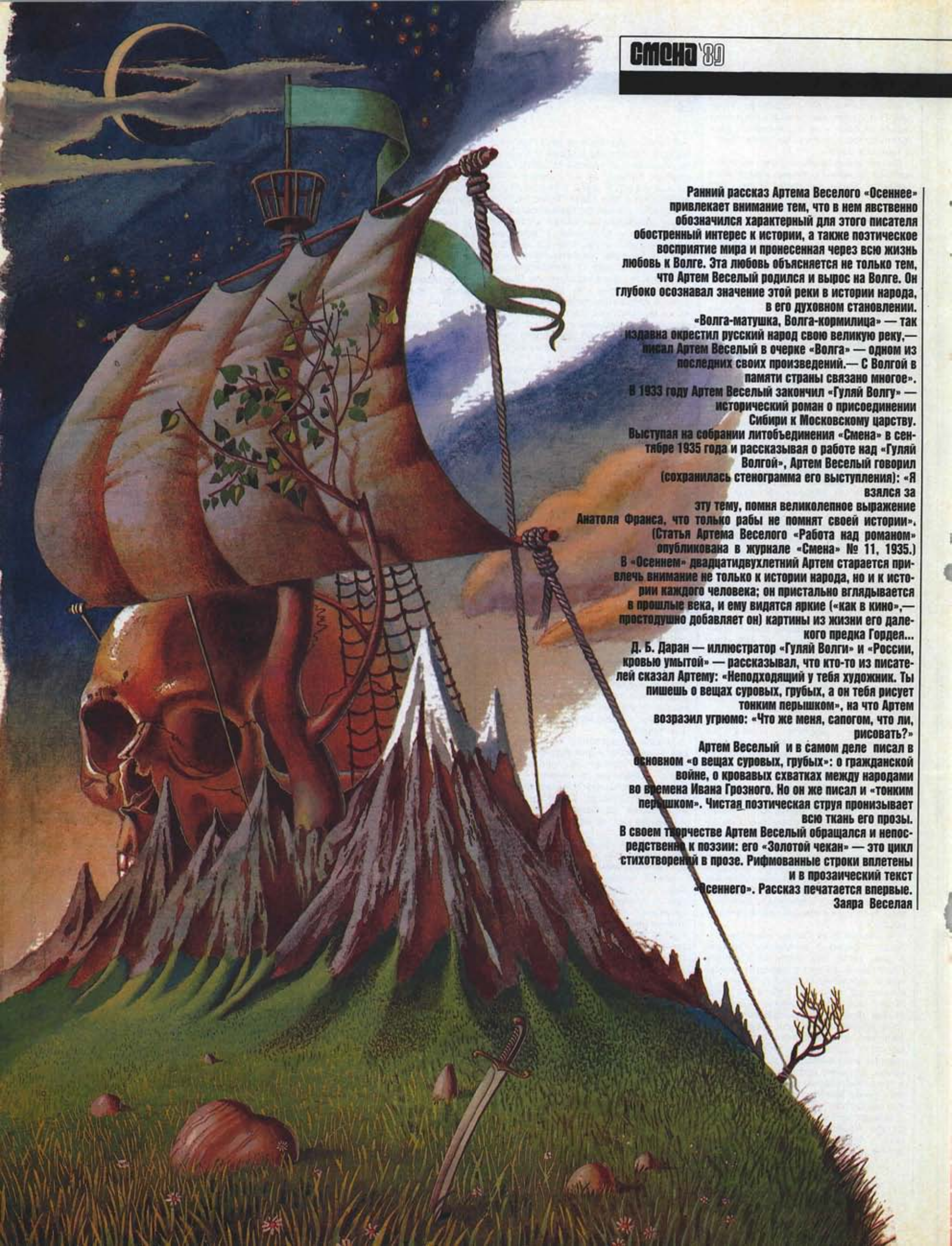
А теперь несколько слов о себе
(обведите соответствующие данные кружочком):

3. Ваш пол: 001 — мужчина 002 — женщина	4. Ваш возраст: 003 — до 20 лет 004 — от 21 до 25 лет 005 — от 26 до 30 лет 006 — от 31 до 40 лет 007 — от 41 до 50 лет 008 — старше 50 лет

Где вы живете?

5. Ваша профессия?

6. Как давно выписываете «Смену»?
009 — до 1 года
010 — от 2 до 5 лет
011 — от 5 лет и выше

Ранний рассказ Артема Веселого «Осеннее» привлекает внимание тем, что в нем явственно обозначился характерный для этого писателя обостренный интерес к истории, а также поэтическое восприятие мира и пронесенная через всю жизнь любовь к Волге. Эта любовь объясняется не только тем, что Артем Веселый родился и вырос на Волге. Он глубоко осознавал значение этой реки в истории народа, в его духовном становлении.

«Волга-матушка, Волга-кормилица» — так издавна окрестил русский народ свою великую реку, — писал Артем Веселый в очерке «Волга» — одним из последних своих произведений. — С Волгой в памяти страны связано многое».

В 1933 году Артем Веселый закончил «Гуляй Волгу» — исторический роман о присоединении Сибири к Московскому царству.

Выступая на собрании литобъединения «Смена» в сентябре 1935 года и рассказывая о работе над «Гуляй Волгой», Артем Веселый говорил (сохранилась стенограмма его выступления): «Я

взялся за эту тему, помня великолепное выражение Анатоля Франса, что только рабы не помнят своей истории».

(Статья Артема Веселого «Работа над романом» опубликована в журнале «Смена» № 11, 1935.)

В «Осеннем» двадцатидвухлетний Артем старается привлечь внимание не только к истории народа, но и к истории каждого человека; он пристально вглядывается в прошлые века, и ему видятся яркие («как в кино», — простоудушно добавляет он) картины из жизни его далекого предка Гордея...

Д. Б. Даран — иллюстратор «Гуляй Волги» и «России, кровью умытой» — рассказывал, что кто-то из писателей сказал Артему: «Неподходящий у тебя художник. Ты пишешь о вещах суровых, грубых, а он тебя рисует тонким перышком», на что Артем возразил угрюмо: «Что же меня, сапогом, что ли, рисовать?»

Артем Веселый и в самом деле писал в основном «о вещах суровых, грубых»: о гражданской войне, о кровавых схватках между народами во времена Ивана Грозного. Но он же писал и «тонким перышком». Чистая поэтическая струя пронизывает всю ткань его прозы.

В своем творчестве Артем Веселый обращался и непосредственно к поэзии: его «Золотой чекан» — это цикл стихотворений в прозе. Рифмованные строки вплетены и в прозаический текст «Осеннего». Рассказ печатается впервые. Зояра Веселая

Артем ВЕСЕЛЫЙ

ОСЕНЬНОЕ

Сажу перед окном и слушаю шорох льющегося дождя и шум ветра.

Весна, лето, осень, зима. Так же быстро проходят весна и лето нашей жизни. Приходит осень жизни без нарядных цветов, без яркого горячего солнца, без благодатных дождей.

Идет осень с чуткой, тихой грустью, с прозрачной печалью.

За холодом и непогодой осени холодный блеск зимы.

Враз овраги наполняются пенящимся снегом. Мороз напудрит

Кудри лесов, скрипнет зубами, рассыпет серебристый иней.

Линий узор распишет окна. По широкому раздолью полей завьюжит,

Завьюжит Сиверка-вьюга. Взметнет крыльями белоснежными.

Снежным саваном оденутся земля, леса и реки, Как некий сказочный богатырь. Зиме седые космы

вьюга

На досуге расчешет, заплетет в причудливые косы. В синие звездные ночи

В очи будет литься волшебный, чарующий свет Планет загадочных и далеких. По безмолвным

просторам полей, Степей с пугливым шорохом поползут, крутя

воронки,

Поземков ломкие кромки. И как заблудившиеся корабли в туманных морях,

В полях, курящихся непогодой в свете ночных огней Фонарей, поплывут города к далям безбрежным, неведомым.

В небо взметнутся столбы светящихся мачт, переплетутся в тучах

Лучи рей, вантов, гафелей, шкивов.

Зима своим мертвящим ледяным дыханием останавливает бег

Рек, рост дерев, дыхание растений. Потом опять весна!

Брызги золотого солнца, шум жизни, радость движения, стремленья к достижениям, пыль счастья, огонь дерзаний, дым мечтаний; опять в жилах булькающее жидкое железо, в сердце цвет, в душе пожарище, в руках огонь, в голове хмельной и пьянящий мед жизни!

Опять нас будет радовать синева неба и бирюза бездонных морей.

А серебряные ленты весенних рек, путанные узоры лесов и полей, расплеснутые брызги цветов — как яркие заплатки в рубищах нищего — замечает человеческой кровью земли.

Мы — малые искры в вечности. Каждому из нас дана только одна жизнь, одна секунда во времени.

Мы — пылинки мироздания. Каждый из нас выныривает откуда-то из тьмы времен, чтобы ПОЖИТЬ и уйти в страну небытия.

Человек живет только один раз, а потому должен дорожить каждым мгновением своей короткой жизни.

Я люблю жизнь, безумно люблю! Потому что моя

душа озарена солнцем пламенной любви и разумом.

Мироздание безначально и бесконечно. На протяжении времен менялись, гибли, жили и умирали великое множество живых существ и неорганических веществ, и движение не прекращалось ни на мгновение.

Мой разум не источник ржавчиной ложных наук, и я слушаю один голос —

Голос природы.

И я как частица мироздания, как частица вечной жизни тоже бессмертен.

Бессмертен по крови и плоти человеческой. Каждый человек, в глазах которого светится разум, — брат мне, кровный, дорогой.

И мой самый далекий и самый близкий предок — частица меня самого.

И не двадцать лет, а сотни, тысячи, десятки, сотни тысяч лет живу я. Как в предутреннем тумане, в седой глубине прошедших веков вижу себя то раскачивающимся на хвосте на суке исполинского дерева, то живущего в первобытной общине, то идущего в облаках пыли и бесчисленных скопищах воинов-кочевников.

И помню всю горечь поражений и буйную, пенящуюся радость побед. И сейчас сквозь шорох льющегося дождя слышу отдаленный шум кровавых битв, вой, заклинания и благословения матерей и возлюбленных, провожающих нас в бой; лязг сабель и мечей, звериный рев и оглушительный свист наступающих, которые грозны и сильны, как волны разбушевавшегося моря.

Слышу грохот рушившихся крепостных стен, вопли отчаяния и перекатывающиеся, подобные весеннему грому, крики ликования, от которых дрожала вся земля.

И шумные победные пиры, И звон ковшей опорожненных, И ласки страстные влюбленных, Счастливым смех и шепот средь ночи —

Все помню я, Все помню я.

Как быстро вертится колесо жизни: весна, лето, осень, зима, весна, лето, осень, зима.

И жизнь человека, как река: отливает, приливает, отливает, приливает.

Радость, горе, счастье, несчастье, удача, неудача. Пусть найдется мудрец, который скажет, где начало и где конец видимого света, где начало и конец тьмы. Сотни и сотни тысяч веков Волга несет свои воды в море и не убывает, а море до сих пор не наполнилось всклень, и волны не перехлестывают берегов его.

Сверкающее, звенящее море по-прежнему поет свои песни вечности, и в его широкое зеркало смотрится далекое небо.

Так и жизнь человеческая.

Умирали одни, и родились другие, более совершенные. Умирали эти, и на свет появлялись новые, наделенные еще большим разумом. И среди каждого нового поколения становилось все меньше людей-зверей, все меньше тупых и бездушных животных и все больше сознательных, сильных и смелых творцов.

И сейчас те из нас, наделенные умом и знаниями, стоящие на грани новых грядущих веков, — все-таки кровно связаны с темным прошлым, связаны подсознательной инстинктивной памятью.

Мой отец Иван, и его отец Николай, и отец его отца Фома, и отец Фомы Кондрат — крестьяне деревни Печенейки Симбирской губернии Ардатовского уезда Апракинской волости.

Все их жизни я чувствую в себе. Их думы хранятся в моей памяти, как слепо отпечатанные репродукции дрянных картин.

А вот у деда Кондрата — Гордея — жизнь была яркая, а потому и передалась мне свежо. И всю жизнь Гордея я осязаю и помню так же ясно, как вчерашний прожитый день. И детство, и юность, и вся жизнь Гордея передо мной, как в кино...

Вот кусочек детства...

...Недоброе чуяло материнское сердце. Всю ночь она стонала и тяжело вздыхала. В одной холщовой рубашке с распущенными волосами то и дело выбежала на утес и пылливо вглядывалась в непроницаемую тьму ночи, вслушивалась в рев ветра.

Всю ночь как из ведра лил дождь, ревел ветер. Глухо и злобно стонала Волга.

Гордей — семилетний хлопчик — лежал в пещере, закутанный в звериные шкуры, слушал шум дождя и вой злого ветра.

Посредине пещеры в потухающем костре теплились угли.

Дряхлый старик-хохол, неспособный к бою и оставленный караулить стан, полулежал около костра и дремал. Его безбородое, сожженное солнцем и черное от времени лицо было неподвижно, как камень.

Гордею семь годков, но он уже был настолько силен, что тяжелым тяткиным мечом перерубал с одного маху дерево толщиной в свою руку.

Недаром через неделю после рождения Гордея (а это было глубокой осенью) его тятка заместо крещения макал в прорубь. И недаром его выпаивали молоком волчицы и кормили медвежьим мясом.

...Ветер порывами рвал кошку над входом, залетал в пещеру и сдувал пепел с тлевших углей. Костер вспыхивал, разгонял по дальним углам темноту и опять потухал.

С воем ветра доносились зловеющие крики сов и филинов. Старик вздрагивал, открывал глаза и крестился.

— Ге! Чтоб те пусто було.

Старик подбрасывал в костер сучьев и, чтобы окончательно прогнать дремоту, заговаривал с Гордеем.

— А цр, хлопчик, куда подевалась матка?

Гордею не хочется с ним разговаривать, он закрывает глаза и делает вид, что спит.

Старик набивает дорогом табаком свой вонючий чубук, берет из костра горячий уголек и закуривает. От старости и беспробудного пьянства его голова трясется, и он что-то бормочет себе под нос.

Тятка говорил, что хохол с чертями знается, Гордею страшно.

Докурив, хохол старательно выбивает чубук, привешивает его к поясу, и снова голова старика клонится на плечо, он начинает дремать.

Кажется, конца не будет этой проклятой ночи. Мать бесшумно, как кошка, скользнула в черную дыру прохода и легла возле Гордея.

— Ох, сынок, недоброе чуёт мое сердце! Недаром совы кружат над нашим логовом да кричат: «К худу! К худу!» — шептала мать, обнимая и целуя сына. Мокрая от дождя, иззябшая на ледяном ветру, она дрожала и все целовала, целовала сына в щеки, в губы, в лоб, и горячие слезы ее заливали ему лицо.

— Ох, сынок, недоброе чуёт мое сердце.

До боли сцепив зубы, Гордей лежал и молчал. Ему и самому хотелось плакать, но он не смел плакать — было стыдно и себя, и мамки.

Да и хохол проснуться мог, увидал бы он слезы Гордея, да и сказал, качая своей головой:

— Эге! Ось атаманов сынку лье слезы як стара баба.

И тогда Гордей умер бы от стыда и обиды.

Скоро под баюкающее завывание ветра Гордей заснул и во сне увидел страшную картину.

...По широкому простору Волги с пенящимися гребнями катились беляки. Шесть лодок с поднятыми парусами, прыгая с волны на волну, неслись в черную даль. И видит Гордей тятку, стоящего у руля на самом большом восьмивесельном струге.

Легкий и быстроходный струг, направленный умелой рукой, с шумом резал черную воду и под боковым ветром ходко летел вперед, оставляя позади все остальные.

Набегавшие волны с шумом разбивались о корму и брызгами и водяной пылью обдавали тятку с головы до пят.

Темень кругом стояла непроглядная, точно обнялись над Волгой разом сорок сороков ночей. Дождь лил, ветер свистел в снастях.

Зоркие у отца Гордеева были глаза, как у беркута степного, но и он с трудом разглядывал очертания берегов; а больше по воде, по течению угадывал, где находится берег, и коротко выкрикивал приказания.

Да изредка перекликались между собой разбойники простуженными, сиплыми голосами. Некоторые спали, измучившись за день.

Отец во все время погони вот уже трое суток как был на ногах, но обо сне, об отдыхе и думать не смел.

Он как атаман, как голова шайки, больше всех заботился о том, как бы добычу не упустить, как бы в беду не попасть.

И вот впереди, совсем недалеко, во тьме ночи блеснул яркий огонек. Радостно вздрогнул атаман:

— «Боярыня»!

И тихо скомандовал:

— Снимай паруса, садись в весла!

Зашевелились на челноках ребята. Проворно и умело убрали паруса, будили спящих и брались за весла.

— Выпей перед началом дела! — опять раздалась негромкая команда.

Удальцы не заставляли себя просить, и, выкатив бочонки с вином, наполнили ковши и чарки золоченые, чокнулись — выпили, налили еще и это выпили, налили еще и опять выпили.

Топоры, кистени к поясам привесили, взялись за весла и начали грести к огоньку сильно, дружно и бесшумно.

Ныряя по волнам, быстро понеслись струги.

«Боярыня» стояла на якоре. Место здесь было глубокое. Видно, купец Лыков побоялся вести свою посудину в такую непогоду да темень, боялся на мель наскочить, об камень разбиться.

Первым подлетел к «Боярыне» тяткин струг. За ним бесшумно подплыли остальные. Условились, как начин делать, разъехались. Две лодки с кормы и по две с бортов. Тихо на «Боярыне». Высоко на мачте мигает огонек фонаря. Только волны яростно хлещут в крутые бока судна. Спал, видимо, купец с челядью своей и гостей не ждал.

По рулю бесшумно, один за одним, полезли на судно ушкунники. Труднее было взобраться с борту. Кинул тятка на борт веревку с железным крюком, зацепился за что-то крюк, подергали — крепко. Полез по веревке Ониска Сыч, крюк сорвался, Ониска в воду, молча вытащили его.

К смолянскому боку «Боярыни» прислонился брюхом Гришка Аркан, шепчет Сопливному:

— Лезь.

Подсадили Сопливого, взобрался он на горб Аркану, потом на плечи ногами встал, мычит:

— Не достать.

— На голову залезай, черт!

Встал Сопливый ногами на Гришкину голову, накренилась лодка на один бок, зачерпнула бортом воды, подломился Гришка, оба в воду грузно шлепнулись. И этих вытащили.

По тяткиному горбу взобрался на судно легкий на ногу Афонька Копыл, закрепил веревку, тогда и отец полез.

К тому времени на барже шум поднялся. Первым проснулся купец Лыков. Чуткий был сон у старого пса, и во сне он стерег добро свое.

В подштаниках, в широкой посконной рубаше до колен выбежал он из каюты — богатырь-мужик, росту высоченного, в плечах сажень. В одной руке пистолет длинный наготове держит, в другой — фонарь.

Из трюмов приказчики купцов да служилые люди на зов хозяйский выбегают. В руках у кого копье с железным наконечником, у кого топор, у кого ружье кремневое.

Увидел купец голову тяткину, что лез из-за борта, да и кричит громовым голосом:

— Свят! Свят! Свят! Что за люди?!

Захотел отец так, что мороз подрал по коже и купца, и людей его.

— Гости! Гости!

Не успел тятка на борт влезть, как подлетел приказчик купцов, да как его топором хватит, тятка с раздробленной башкой полетел назад в лодку.

— Атамана зарубили! — диким голосом заорал Гордей и проснулся.

Старик-хохол сквозь сон услышал крик Гордеев и, схватившись за кинжал, вскочил на ноги. Гордей рассказал ему свой страшный сон.

Старик полплатнее закутался в шелковый халат, и скоро громкое сопенье и храп убедили, что он уснул. Гордей пошел к матери.

Ветер шумел с прежней силой, не переставая лил дождь. Внизу во тьме с шумом катились и плескались в скалы могучие волны. Низко-низко неслись черные лохматые тучи. Утро было серое, холодное.

Вечером воротилась шайка с богатой добычей. Отец Гордея был зарублен.

...Ночь спустилась на Волгу. В воде горят и отражаются крупные вздрагивающие звезды. Похоже, будто бродит кто-то по дну с фонариками и ищет что-то.

По водной глади пролегла широкая светящаяся

лунная путь-дорога, хоть на тройке скачи.

Лунным светом залиты и леса, и молчаливые хмурые горы.

Вольнолюбивые смерды-разбойники сидят вокруг разложенных костров, варят уху и балагурят.

Старик-калмык Али-амдян садится на обрыв и начинает играть на гуслях. Под его черными крючковатыми пальцами струны поют точно живые. Все слушают.

...Вот сквозь треньканье и звон струн слышится шорох и тихие песни волн, тихие вздохи Волги... Потом далекая песнь разбойников. Ближе, ближе. Песнь слышнее. Выделяются отдельные охрипшие голоса. Посвист молодецкий. Уже в звонком говоре перебираемых струн слышится разгульная песнь вольных людей, нестройный гул пьяных голосов, топот и храп загнанных коней...

Со стороны слушателей шум одобрения. Старику подносят вина.

Али-амдян переходит в кружало и начинает рассказывать погудки, побаски, сказки и были, которые сохранила его память.

Разбойничал он с малых лет и много исходил краев. Был и на Урале, и на Яике, и в брянских лесах, и в персидской земле, и в туречине. Много он рассказывал о своих странствиях, а еще больше о чудах, об оборотнях, о колдунах, об атаманах разбойничьих, об их удали и храбрости, о кладах, зарытых в чугунных котлах и просмоленных парусинах.

Свой сказ о седой старине он ведет неторопливым скрипучим голосом, время от времени промачивая глотку чаркой доброго вина...

...Дует низовый ветер. Яркими живыми космами вскидывается пламя костра. Свет торопливо бежит от одного разбойника к другому и освещает, выхватывая из темноты, то расписные татарские сапоги, то парчовые и бархатные кафтаны, то лохматые всклокоченные бороды, головы, заломленные на затылок татарские писаные чапшаки, валяные шляпы и высокие бараньи шапки...

Не десять, не двадцать и не тридцать годов живет каждый из нас. Десятки, сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч веков за нашими спинами.

Столетия упорной суровой борьбы с людьми белой кости. Каждый из нас вынес много черной нужды и лишений. Каждый из нас подсознательно хранит память о канувших в вечность годах, о былых жестоких битвах, о тяжелых поражениях и радостных победах. Мы закапались и огрубели в непрерывной борьбе, тянувшейся веками.

И в недалеком прошлом, когда нашим дедам — крепостным челядникам — становилось кормиться немочно, они уходили в дремучие леса, убегали на Волгу и образовывали там разбойничьи ватаги, от которых не было ни конному проезду, ни пешему проходу.

И наши предки в своих натурах уже носили нас, и мы сейчас носим зерна их характеров и привычек. И когда они уходили в бега, то вместе с ними уходили уже и мы, еще не родившиеся на свет, но уже посеянные в их душах и натурах.

Весело жили воры-разбойнички, нужды да горюшка не ведали и искали опасности и славы. А вместе с ними подвергались опасностям и гордились, и радовались успехам и мы, еще не рожденные на свет.

...Сегодня веселился атаман, и все вокруг него веселилось. Плясали лес и горы!

Несмотря на ранний час, солнце уже пылало над горами, все было давным-давно пьяно. Шайка предавалась бесшабашному дикому разгулу. Все пели, орли, свистали, хвастались друг перед другом подвигами и схватками.

Шум и песня разносились далеко кругом. Заячьи Уши чертом носился вокруг цыгана, то на десять локтей вскидывался кверху, то пускался вприсядку, лихо выбивая ногами частуху, только пыль летела из-под его расстрепанных татарских ичи.

— Тряхни! Тряхни! — советуют цыгану окружающие.

Цыган, ударив оземь тяжелой шапкой и тряхнув смоляными кудрями, начинает часто стучать подковами каблук в убитую землю.

Он щелкает языком, гайкает, орет, и вся его черная собачья морда сияет удовольствием. Треплются полы его малинового полукафтана.

...Или вижу себя в большом старинном городе, толкающимся на торжище...

Гости, купцы и пришлые торговые люди разложили по полкам своих лавок сукна дорогие, бархат, шелка и пушистые цветные узорчатые ковры-персиды.

И мой взор ласкают рассыпанные в ящиках под стеклами искрометные жемчуга, самоцветные камни, похожие на тлеющие угли, и черные алмазы, подобные глазам хищных тигров, еще водившихся тогда в низовьях Волги, в астраханских камышах.

И над палатками тихо раскачиваются растянутые на палках шкуры пушного зверя.

Неразумный, пьяный хмель бродит по толпе... Шумят...

Шуты в балаганах показывают разные занятные штуки, выкидывают непостижимые уму фокусы.

И нищие с большими холщовыми сумами, и юродивые, и слепцы с поводьями и стоят, и сидят, и ползут, и гнусавят на разные голоса, и поют, и просят.

И большие медные гроши и трешники сыпятся, глухо стучаясь в их деревянные чашки.

И охрипшими за день голосами купцы выкрикивают свои товары и зывают к себе.

Туда-сюда, взад-вперед снуют чернь. И важно и чинно расхаживают спесивые дворяне, окруженные челядью. На дворянах высокие шапки и праздничные нарядные кафтаны и бердыши привешаны.

И в толпе толкаются и всему дивятся служилые, ратные люди и монахи, приехавшие на торжище из далеких уединенных скитов.

И ревет, встав на задние лапы, медведь с продетым в ноздрю кольцо.

И, поджав животы, визжат от удовольствия мальчишки и при каждом движении мишки отпрыгивают в сторону.

И дударь играет на дуде. И все ходят, веселятся, ржут, грызут семечки и орехи. Снуют туда-сюда, взад-вперед. То пощупают, то попробуют, к этому приценятся.

Пьяный хмель бродит в толпе...

Природа — высший организатор. В мире все мудро устроено. Мироздание — величайший космос и вместе величайший хаос.

Колесо жизни вечно...

Весной молодые зеленые листья покрывают деревья, опережаются птенцы, линяют и обрастают новой шерстью животные, оживают козявки и букашки. По зорям реки и озера курятся серым туманом, который собирается в тучи.

Теплыми светящимися слезами разливаются тучи по лицу земли. Вода и тепло дают жизнь всему живущему. С приходом весны буйно и неудержимо тянутся к жизни трава, молодые побеги кустарников, и почки развертываются под благодатными солнечными лучами.

Весну и лето они живут и растут, осенью увядают, зимой умирают.

Весной все снова и снова — может быть, в 1 000 000 000 раз — все возвращаются к жизни.

И в зародыше новых ростков — семена старых растений. И зерна всех современных наук уже были в сознании человечества посеяны в глубокой древности.

В мироздании все проходящее, все текуче, и все вечно.

День сменяет вечер, вечер — ночь, ночь — утро, утро — день, день — вечер, вечер — ночь, ночь сменяет утро, и всегда и неизбежно утро сменяется днем.

Зима, весна, лето, осень. Зима, весна, лето, осень, зима, и за зимой всегда приходит весна.

Мы родимся. И весна — детство — радость беззаботной жизни пьянит нас, и сверкающее счастье бытия слепит наши глаза... Лето — юность, молодость и зрелые годы — мы набираемся сил, соков, любим, живем, растем, радуемся, развиваемся, совершенствуемся. И в молодости наша кожа эластична и мягка, а тело стройно, гибко, упруго и сильно.

Осень — старость. Засыхаем, увядаем, свет меркнет в наших потускневших глазах, и прелесть мира и красоты природы не веселят и не радуют нас.

Зима — смерть, умираем.

Умирает наша изношенная материя, разрушается и гибнет организм, умирает духовное «я».

Гниет и уничтожается тело. Гниет мясо, разъеденное многими недугами, гниют ослабевшие, вытянутые, переродившиеся мускулы, гниет высохшая, прилипшая к костям кожа, гниют выжженные солнцем, выветрившиеся космы седых волос.

Юность сменяется молодостью, молодость старостью, старость смертью.

Смерть есть изменение вещественного мира. А всякое изменение вещественного мира есть только движение.

Вечное движение!

Вместе с нашим физическим «я» исчезает и «я» духовное.

И в то же самое время мы щепки, крутящиеся на самом гребне времен, мы пылинки мироздания, звенья бесконечной цепи бытия; во тьме близкого и далекого прошлого наши физические и духовные корни, и в близком и далеком будущем семена каждого человека-творца.

Жизнь человека — мгновение во времени.

И как ничтожны и слепы те люди, лица которых недвижны, как болота, и души которых не озарены ослепляющим огнем Величественного.

А для тех, чьи души разверсты для прекрасного, жизнь — это цветущий сад!

Я люблю, безумно люблю жизнь! В моей душе несметные сокровища, необозримые россыпи солнечных осколков, в моей душе — любовь!

Любовь! Она вливает в меня силы титана, разум мудреца и веселье ребенка!

Каждая жилочка во мне, каждый атом моего существа кричит:

— Жить!

— Любить!

Да здравствует жизнь!

И да процветает моя любовь!

Жить!

Жить!

Сергей КАЛЕНИКИН

Признаться, коллективное письмо (45 подписей) и телеграммы работников «Каспводнадзора» застали нас врасплох. В них сообщалось, что Госкомприроды СССР готовит приказ... о разделе Каспийского моря между Казахстаном, РСФСР, Туркменией, Узбекистаном и Азербайджаном. Такой дележ, по мнению астраханских специалистов, «является антигосударственным, антиэкологическим и приведет к неминуемой гибели моря». Экосистема, бассейн Каспия не имеют и не могут иметь межреспубликанских границ, а, стало быть, необходимо единый региональный природоохранительный орган, способный координировать и решать экологические проблемы на государственном уровне.

Телеграмма, направленная на имя Н. И. Рыжкова, как и в «старые добрые времена», передана в общими отделом Совмина в Госкомприроды СССР, а далее в Астраханский облсполком... Круг замкнулся.

«Просим вас срочно вмешаться и не допустить печальной гибели Каспийского моря, как это произошло с Аралом» — обращаются к нам астраханские специалисты.

Право, мы не поняли: как это можно взять да поделить море со всей его живностью? Но коль союзный комитет пошел на такое решение, то, как нам представлялось, его работники обязаны объяснить смысл готовящегося приказа. Но, к нашему удивлению, начальник Главного контрольно-инспекционного управления Валентин Зиберов, его заместитель Анатолий Львов, начальник морского отдела Дмитрий Зимин целиком и полностью солидарны... с аргументацией и позицией специалистов «Каспводнадзора»: экосистема не словесный пирог, она — единый и, увы, чрезвычайно больной организм. Следить за ним должна одна независимая государственная служба. Об этом, кстати, говорилось в готовящемся проекте постановления Совмина СССР по коренному улучшению экологической обстановки в бассейне Каспийского моря. Более того, предполагалось, не деля Каспий на сферы влияния, сформировать на республиканских территориях мобильные контролирующие инспекции...

— На наши предложения республики отреагировали примерно так: вы нарушаете наши суверенные права! Отдайте нам континентальный шельф и морскую экономическую зону, — рассказывает Валентин Зиберов. — Правда, голоса разделились: нас поддержали РСФСР и Казахстан, и мы подготовили проект приказа

о создании единого государственного контроля, специальной службы — «Каспморнадзор».

Однако этот документ не получил необходимого количества виз руководителей Госкомприроды СССР, которые, судя по всему, чуть ли не «краем глаза» усмотрели в собственном проекте приказа, дав команду о подготовке другого, не выходящего за рамки проекта постановления Президиума Верховного Совета СССР «Общие принципы перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и самофинансирования». А что касается экологии, то принципы тут таковы: «установить приоритет территориального управления в вопросах охраны окружающей среды и природопользования; союзные республики вправе распоряжаться на своей территории единым государственным фондом природных ресурсов»; «...рассмотреть вопрос о функции и структуре Госкомприроды СССР и других природоохранительных органов управления, имея в виду максимально возможную передачу соответствующих организаций и учреждений в ведение союзных республик».

Отсюда и нескрываемое намерение руководства союзного комитета: раздробить, поделить на части между республиками не только «Каспводнадзор», но и само море. Иначе говоря, задумано ликвидировать госконтроль за Каспийским бассейном, против чего и протестуют астраханцы. Но, как уточнил на апрельской коллегии Прокуратуры СССР зампред Госкомприроды СССР товарищ Костин, «не надо держать государство в государстве» (это о «Каспводнадзоре»), «сегодня должна быть полная власть на местах...»

Может быть, кому-то и понятно, как данное заявление увязать с понятием экосистемы, но мы не находим, что нам все ясно и вопросы неуместны. Удивляет хотя бы то, что проект Президиума Верховного Совета — для всенародного обсуждения, а природоохранительный комитет, в сущности, принимает поспешное и келейное решение или предлагает его осуществить, игнорируя компетентное мнение специалистов и ученых. Ведь не было ни дискуссий, ни публичных возражений оппонентам. И, на наш взгляд, раздел моря на сферы влияния не может не вызывать недоумения, потребности обсудить отнюдь не частный вопрос.

Вне всякого сомнения, республиканские, местные органы власти и управления не должны мириться с ведомственным произволом и экологической преступностью. И их

дело — добиваться внедрения экологически чистых, безотходных технологий, координировать деятельность предприятий и тому подобное.

И все же, освободясь от перестройочной эйфории, не грех подумать: смогут ли местные и республиканские органы, включая природоохранные, совладать с промышленным комплексом? А если смогут, то как? Дадут ли их экологические потуги вождьственный эффект, не столкнутся ли они с тем, с чем постоянно сталкивались и ранее — ведомственным диктатом и безысходностью? Ведь что ни говори, а механизма возмещения вреда окружающей среде, в сущности, нет. До сих пор природные ресурсы ничего или почти ничего не стоят... С чего это вдруг хозяйственник воспылает любовью к природе? Она была и остается для него местом свалки, сбросов или дармовым ресурсом. Между тем местные природоохранные органы лишены юридических прав и необходимых технических средств контроля. Как это сочетать с утверждением, что их права «существенно расширились»?

С другой стороны, из-за крайне примитивной технологий значительная часть предприятий, хозяйств страны не только не в силах придерживаться предельно допустимых выбросов, но и даже временно согласованных. Для многих норма — фактический выброс! Такова реальность. Причем правительство не ограничило промышленный комплекс какими-то жесткими сроками или условиями, а предприятия зная нарастают свои обороты. Скажем, чего стоит чудовище последних лет — Астраханский газоперерабатывающий завод! Убытки и затраты на аварийно-восстановительные работы уже приблизились к 60 миллионам рублей. А это — суперновое, напичканное импортным оборудованием предприятие. Словом, при таком раскладе ожидать экологического чуда — выдавать желаемое за действительное. Весьма сомнительно, что какая-либо из республик, соорудив на своей территории более-менее крупное предприятие (химкомбинат, к примеру), будет отягощена заботой, как деятельность этого самого предприятия повлияет на экологическую ситуацию в соседних республиках и в целом на всю экосистему Каспия.

Хотят делить Каспий по известному принципу «всем сестрам по серьгам», а как, позвольте узнать, разделить то, что в него сбрасывалось и сбрасывается, то, что в нем накопилось за долгие годы бесхозяйственности? Быть может, приведу не самый удачный пример, но он показателен во всех отношениях. В Бакинской бухте из донного слоя мож-

но извлечь миллионы тонн углеводородов. Таковы издержки нефтеперерабатывающих заводов. И что, эта проблема — проблема только Азербайджана?

А где логика в том, что каждая республика в заповедных зонах устанавливает свои нормы, свои ограничительные меры, которые не согласуются с другими? Нет единого подхода к охране ценных видов рыбы... Республики, как полагают специалисты, не могут самостоятельно регулировать промысел... Сдается, что при такой чехарде весьма легко стать в позу: моя рука — владыка. Спрашивается, не создаем ли еще одну зону взаимных упреков, зону межнациональной напряженности? Сгущаем краски? А разве не в столь давние времена Казахстан и Узбекистан не упрекали друг друга в воровстве вод Амударьи и Сырдарьи? Вот и вовсе нонсенс: Северский Донец, протекающий по территории РСФСР, имеет рыбохозяйственное значение, а на землях Украины — хозяйственно-бытовое. Одна река, одинаково загрязнена, а нормы разные. И весь сказ.

Черное и Балтийское моря поделены на сферы влияния еще в прошлом году. Тогда каждая республика заверяла: она-де все сделает для охраны экономической зоны. И полгода не прошло как Грузия сняла с себя такую ответственность — ей это не под силу... Как бы дельцы, эстонцы ни охраняли Рижский залив, но пока не будет порядка на всей Балтике, им не добиться желанной чистоты в заливе. Впрочем, если придерживаться принципа «разделяй и властвуй», то между республиками и областями надо поделить и моря Дальнего Востока, Волгу, Дон, Днепр... И будет у нас не Урал, а, скажем, Оренбургский Урал, Гурьевский Урал...

ФРГ — федерация, объединяющая десять западногерманских земель. Что же касается морской территории, то ее контролируют не правительства земель, а государство. Чего же мы изобретаем, кому и что хотим доказать? Весь мир ратует за международную экологическую безопасность, выступает за консолидацию сил, ибо у экосистем нет границ! Семь прибалтийских стран объединяются в хельсинкскую комиссию, разрабатывают общие меры по защите Балтики... Принимаются Венская конвенция и Монреальский протокол по озоновой проблеме. Опять-таки — для координации общих усилий... Сегодня иначе нельзя.

— Лично я не могу согласиться с решением о разделе моря, — говорит заместитель председателя Госкомприроды РСФСР Владимир Бенин. — Но вышестоящие органы по этому вопросу с нами, увы, не советовались. А ведь без государственного надзора не обойтись, разъединение ничего хорошего не сулит. Думаю, что «Каспводнадзору» надо дать союзно-республиканский статус либо каждая республика должна выделить специалистов для создания независимой межреспубликанской службы.

Запомнились и другие слова, сказанные уже в союзном комитете. «Время покажет, — говорил один из специалистов, — кто из нас прав: те, кто за раздел моря или те, кто против». Время, конечно же, покажет. Но у него, времени, есть еще два замечательных свойства: его не повернуть вспять, и оно, время, стоит очень больших денег. А отсчет национальных потерь уже идет: Арал, Азовское море, Волга...

ЕЩЕ ОДИН ЗАКСПЕРИМЕНТ ЗАЧЕМ И КОМУ ПОНАДОБИЛОСЬ ДЕЛИТЬ КАСПИЙ

Окончание. Начало на 2-й стр.

Есть такое понятие — закон трех поколений. Предтечей его были исследования французского психиатра Мореля, изучавшего деградацию родов алкоголиков. Он обнаружил, что к четвертому поколению алкоголиков их потенциал развития — нулевой. Род кончился! В Библии говорится: Моисей сорок лет водил свой народ по пустыне, прежде чем привести на запланированное место. Сорок лет — это два поколения, а биопоколение — этап от ребенка до ребенка. Родился, вырос, создал семью, родил ребенка. Цикл замкнулся. В последние десятилетия этот срок составляет примерно двадцать пять лет.

Запас генетической прочности народа при самом концентрированном выражении сжат в трех поколениях. За это время любой народ можно низвергнуть в пучину вырождения. Над каждым поколением можно интенсивно работать в заданном направлении. Условной границей действия «Закона трех поколений» можно принять 50 процентов ослабленных. Далее математический ряд: деды-отцы-дети-внуки-правнуки. Дедов принимаем за единицу здоровья, отцов — за половину, детей — за четверть, внуков — за одну восьмую, правнуков — за одну шестнадцатую, или 6 процентов. Значит, уже 94 процента поколения составляют ослабленные! И «хomo сапиенс» превращается в «хomo дебилис»... За три поколения!

По статистике, мы одно поколение уже пропили и начали пропивать второе. Статистика по Москве позволяет думать, что пропиваем третье...

По данным ВНИИ имени А. Семашко, из общего числа обследованных на среднетипичном «пьяном» Ижевском машиностроительном заводе в 1976—1980 годах доля ослабленных очень велика, а около половины оказались маргиналами. Свыше 40 процентов москвичей — маргиналы.

Конечно, все валить на алкоголь нельзя. Появилось новое понятие — токсиканты и вредные условия (ТВУ). По призыву ООН мировая наука обязана разработать стандарты о предельно допустимых дозах и предельно допустимых концентрациях на десять тысяч ТВУ. В мире их несколько миллионов. На сегодня американцы имеют стандарты примерно на тысячу ТВУ, у нас в стране разработаны только на десятки позиций. К сожалению, сегодня нет научных коллективов, которые дали бы раскладку, сколько процентов ослабленности дает каждый ТВУ или их группа. Но предварительные оценки есть. Чисто медицинские факторы могут дать от 10 до 40 процентов, а социальные — от 60 до 90. Медицинские — это состояние здоровья, социальные — это алкоголь.

— Мы с вами не врачи и поэтому обратимся к социальным, тем более алкоголь — из этой категории.

— Академик Углов к этой группе относит легальные наркотики — алкоголь и никотин. Они дают 9/10 «вклада» ослаблений. Все остальные ТВУ дают 1/10. По мнению других специалистов, — только 7/10. И в этом случае львиная доля за алкоголем! Если мы хотим уменьшить ослабленность населения, прежде всего надо убрать эти факторы. Яды, которые вносятся вовнутрь, бьют по наиболее важным жизненным центрам, а яды, которые выбрасываются во внешнюю среду, добиваются до человека через серию опосредованных звеньев и действуют менее смертоносно, хотя и весьма значительно.

Мы построили график, взяв за основу потребление алкоголя, состояние внешней среды и наличие рождаемости неполноценных детей в ряде городов. Города разместились по убывающей кривой: наверху — Москва, Ленинград, Одесса, Запорожье, Днепрпетровск. На противоположной стороне — зеленые города типа Душанбе, где ислам запрещает алкоголь и курение, где много зелени, меньше загрязнений...

— Каковы же предварительные

итоги прошедшего четырехлетия? Давайте тезисно назовем положительные и отрицательные стороны тенденций, возникших в результате ограничения продажи алкоголя.

— Остановили цепную реакцию, назвали пьянство проблемой номер один. Интеллигенция начала понимать, к чему может привести культуропитество; поколеблен бюрократический аппарат, уразумевши, что нельзя все решать силовыми методами. Что же касается отрицательных последствий, то за эти годы не была разработана научно обоснованная программа отрезвления. В постановлении 1985 года четко сказано о создании программы. Но ведь этот пункт не выполнен до сих пор! Мы не ощущаем, что вообще что-то делается. Слабо использовались в пропаганде традиционные свойства нашего народа, и прежде всего три главных аргумента: дети, патриотизм, экономика. Партийно-советские органы «отвернулись» от постановления. Можно ли думать так, что партия не выполняет свои собственные решения? Можно!

В условиях, когда сливается самый передовой в мире общественный строй, пропаганда культуропитества — крупнейшая тактическая и стратегическая ошибка! Тем более в устах авторитетных людей. Основной тезис многих, в том числе и ведущих экономистов, — трезвость якобы разоряет бюджет. Получается, трезвость и рост производительности трезвого труда убыточны, а пьянство и падение производительности пьяного труда экономически выгодны! Если известный экономист, академик, популярный поэт или некоторые журналисты путают личное отношение к алкоголю с пропагандой трезвого образа жизни, вред от этого гораздо больший, нежели предполагают издания, предоставившие им свои страницы. Сами можете пить, это ваше личное дело, но поучать народ в духе пьянства и призывать его к этому — нравственное преступление.

А возьмите «сахарный вопрос». Производство увеличилось, а продажа сократилась. Кто виноват? Алкомафия! Да, да, есть и такая. Это она искусственно спровоцировала «сахарный голод». Реальные цифры показывают: 1987 год был рекордным по производству сахара. Что же такое округленно 50 килограммов на душу населения, если по медицинским нормам положено 30? 20 остается про запас. Если семья состоит из трех человек, разве 60 килограммов не хватит на все мыслимые и немыслимые варенья? Но производство сахара рекордное, а его продажа... сокращается! Баланс есть баланс, материальное не может исчезнуть. Ясно, что сахар задержался на складах, на базах, в железнодорожных вагонах. Капитал любит прибыль, при 100 процентах он попирает все человеческое, а при трехстах нет такого преступления, на которое бы он не рискнул, даже под страхом смертной казни, писал Маркс. По нашим оценкам, прибыль мафии от манипуляции с алкоголем и сахаром составляет от 500 до 1000 процентов! И выше. Алкоголь — наркотик номер 1. А где наркотик — там нетрудовые доходы. Работники алкоторговли возвели этот продукт в дефицит. Разве секрет, что продажа алкоголя в неустановленное время позволяет брать в два раза дороже? Ночная продажа идет по тройной и даже четверной цене. Эта незаконная надбавка в виде нетрудовых доходов в сумме по стране составила 10—20 процентов от общей продажи алкогольных изделий!

Торговая мафия заинтересована искажать статистику, балуясь с лукавыми цифрами. В прошедшие четыре года возникло принципиально новое явление: структурная приписка. Летом 1987 года было принято постановление о сокращении форм отчетности. Для всех благо — меньше бумаг, для алкомафии — находка! Например, магазин отчитывается, сколько он продал в литрах и сколько получил в деньгах. Каждая позиция дублировалась в натуре и в деньгах. Сняли дубляж, и магазин отчитывается деньгами. Часть алкоголя

попала в овощные и фруктовые отделы магазина. Вы захотели купить яблок, и тут же и шампанское, и коньяк, и сухое вино, а отчетность идет по фруктам! Даже в отделы, торгующие безалкогольными напитками, просочились бутылки с градусами. В итоге — иллюзорный, огромный рост продажи безалкогольных напитков и фруктов, а обманутое начальство спешит доложить: оно решило проблемы снабжения населения овощами, фруктами и соками! По нашим оценкам, структурная приписка прикрыла примерно десятую долю продаваемого алкоголя. Торговые начальники неглупы, но и статистики не лыком шиты.

— Ограничили продажу алкогольных напитков — тут же рост токсикомании и наркомании. Может, мы что-то недодумали, резко перегорев плотину алкогольную реку? Или плотина была не так уж прочна?

— Мне представляется преувеличением мнение о том, что классические алкоголики из-за дефицита спиртного взялись за хлорофос и наркотики.

Насколько я знаю, в прошлом году от алкогольного отравления погибло в стране свыше 11 000 человек. Опыт других стран показывает: слабые наркотики (алкоголь и курение) пробивают дорогу сильным (назовем их классическими — героин, кокаин и т. п.). Срок «пробивания дороги» — примерно десятилетие. Сегодняшняя наркомания — следствие алкоголизма 70-х годов, а не дефицита спиртного в магазинах! Если мы не справимся с алкоголизмом, взрыв наркомании произойдет в 90-е годы. Мы привыкли сопоставлять лишь близлежащие причины и следствия, а надо рассматривать все в исторической взаимосвязи и уметь видеть даже не столько настоящее, сколько прогнозировать будущее. Наркотик номер 1 — алкоголь, номер 2 — курение, номер 3 — конопля, анаша, маковая соломка и т. п., номер 4 — химические препараты. Но давайте посмотрим на эту картину с другой стороны.

Наркоманов у нас зарегистрировано около 50 тысяч, столько же токсикоманов. Но речь идет только о зарегистрированных! Поэтому можно смело удваивать это число, получится в сумме 200 тысяч. Алкоманов — 50—60 миллионов. Значит, программа, направленная на искоренение алкоголизма, должна быть в 300 раз масштабнее борьбы с наркоманией!

Если в результате каких-то мер выигрывают 200 тысяч, а проигрывают 60 миллионов, надо думать больше о последних. Да, проблема токсикомании и наркомании остра и тревожна, но все-таки главное, на чем надо, на мой взгляд, сосредоточить силы, — это борьба с алкоманией.

Научно обоснованная программа отрезвления должна предусматривать не только пути наступления, но и возможные маневры. А этого не было!

— Насколько я понимаю, в запретительной плотине оказалось много щелей. В чем же, по вашему мнению, заключаются ошибки прошлого и настоящего? Если мы говорим о будущем, должны же извлечь какие-то уроки.

— Думаю, мы совершили тактическую ошибку. Когда одна армия идет вперед, а другая отступает, в образовавшуюся брешь вступает неприятель. Административно-организационные меры партии продвинули нас вперед, но средства массовой информации в основном трубили к отступлению. К отступлению от ленинских идей трезвости. Вдобавок скрыто шельмовали антиалкогольное постановление, ориентируя население на культуропитество. Опыт четырех лет выявил узкие места. Самым консервативным элементом оказалось общественное сознание. А за сознание надо бороться всерьез, не наскаками! Пьянство уползло в быт. В квартиры наряд милиции не пошлешь. Но зато можно использовать телевидение. «Прожектор перестройки» светит во все стороны и по делам алкогольным мог бы светить хотя бы раз в неделю. Без отрезвления страны перестрой-

ка не получится! Разве трудно руководителям предприятий подсчитать, сколько теряет их завод в производительности труда из-за алкопотребления рабочих? Если взять страну в целом, мы теряем от одной трети до половины...

— Какие бы меры вы могли предложить по борьбе за трезвость, исходя из нынешней ситуации?

— Необходимо ежемесячно (и в целом по стране, и по каждому региону — району, городу) публиковать данные продажи алкоголя. Сколько произведено, сколько продано, каков ущерб от пьянства. То есть завести постоянную рубрику, посвященную алкопроблеме.

Местные Советы оказались в «опозиции» к ЦК партии. ЦК — за трезвость, а экономический механизм посадил местные бюджеты на крюк финансовой алкозависимости. Товаров нет, а деньги нужны! А что если изъять из экономического механизма две статьи бюджета: налог с оборота от продажи алкоголя и табачных изделий и отчисление от прибыли их производства? При нынешнем положении в пользу местных Советов идет алковыручка, составляющая до 40 процентов местного бюджета. Местные Советы экономической заинтересованы сплавить население! А что дать взамен? До революции была церковная десятина. Мы предлагаем советскую десятину. Десять процентов валовой продукции, производимой предприятием на местах, отчислять местным Советам. Построило министерство завод — отчислил десять процентов в пользу Советской власти на местах! Это убивало бы двух зайцев. Во-первых, удалось бы снять местные Советы с крючка финансовой алкозависимости, во-вторых, их средства выросли бы в полтора-два раза.

Нужно прервать эстафету передачи алкогольных традиций молодым поколениям! Думаю, без катарсисной пропаганды среди молодежи не обойтись. Необходимо решить проблему перепрофилирования алкозаводов, заняться индустрией досуга.

— Давайте напомним нашим читателям некоторые грустные закономерности. По данным Госкомстата СССР, в 1988 году выпито больше, чем в 1987-м, а следовательно, движение в обратную сторону началось. Водки и ликеро-водочных изделий куплено населением 134,9 миллиона декалитров — больше на 10 процентов, а вина 176,8 миллиона декалитров — больше на 15 процентов. И это при том, что Госкомстат даже не предполагает, сколько к этой цифре надо прибавить литров самогона, чачи, браги и прочих домашних заготовок! Как тут не задать вопрос: не начался ли возврат к старому?

— Оздоровительная динамика была лишь во второй половине 1985 года. Весь 1986-й, 1987-й — топтались на месте, а в 1988 году начали сползать назад... Можно предположить, что мы еще не сдали завоеванных позиций, но если все пустить на самотек, как мы это делаем сейчас, думаю, к 1990 году будет так, словно этого постановления и не было...

Вопрос большой и острый. Наблюдаемое сейчас в Москве и следом по всей стране расширение алкоторговли на 25—30 процентов представляется мне стратегическим ошибочным. Ленин подчеркивал, что любые отступления от принципиальной позиции оборачиваются потерями. Мнение алкозависимых лиц из очередей и мнение алкомафии и алколюбби ошибочно принято за мнение народа! Мнение народа — это мнение 90 миллионов семей.

— Если я вас правильно понял, вы — за референдум?

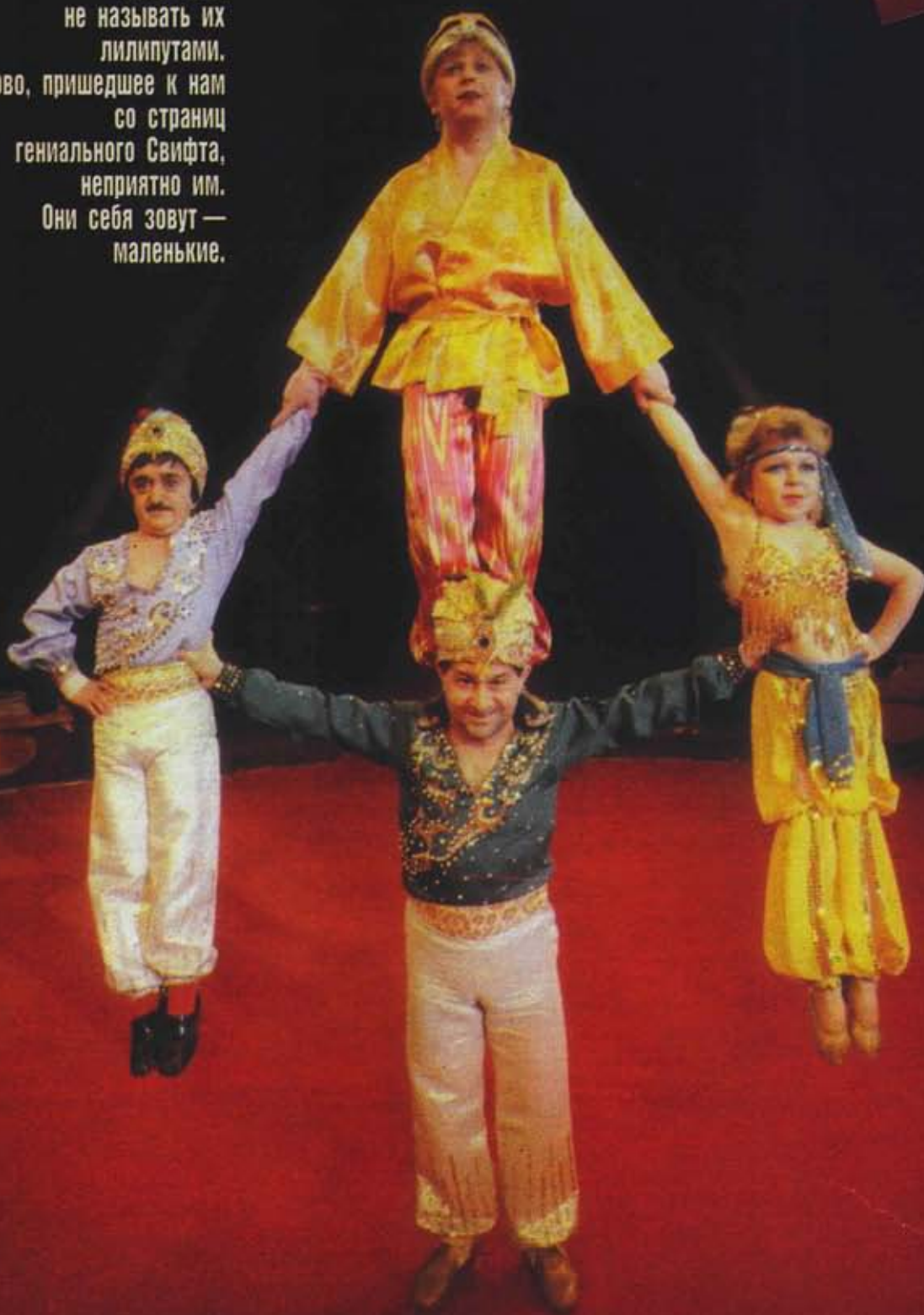
— Для этого есть все условия!

ОТ РЕДАКЦИИ. Теперь слово за вами, уважаемые читатели. Что изменилось в вашем городе, селе за последние годы? Какие пути в борьбе с алкоголизмом вам представляются оптимальными?

В ПОЛНЫЙ РОСТ

Сергей РОМЕЙКОВ
Фото Сергея ВЕТРОВА

Мои новые знакомые попросили не называть их лилипутами. Слово, пришедшее к нам со страниц гениального Свифта, неприятно им. Они себя зовут — маленькие.

С ведущие люди подсказали: ждать маленьких в Москве — дело пустое. Линии гастрольных маршрутов, испещрившие карту страны вдоль и поперек, словно натываясь на скрытые магические преграды, упорно минуют Москву, Ленинград, Киев. Когда-то очень «большому» чиновнику от искусства пришло в голову, что нельзя, дескать, травмировать сердобольных москвичей, равно как и ленинградцев, и киевлян. Круг запрета не прорван и поныне. Программа «Парад маскарадов» — «пожарная», так говорят сами артисты. Чаще всего они едут на гастроли туда, где нужно «тушить» прогорающие цирки. И — неизменные аншлаги, внеплановые дополнительные представления...

(Надеюсь, что москвичам все-таки повезет увидеть маленьких звезд в столице. Ведь повезло же болгарам и румынам, монголам и венграм.)
Ну, а пока — Иваново.

Отправляясь на первое представление, я, бывающий в цирке от случая к случаю и никогда прежде не видевший на арене маленьких, волновался. Меня мучил вопрос: не получится ли так, что все чудо, большая часть его, сводится именно к крошечному росту выступающих? А то, что они при этом еще и что-то делают, это, так сказать, второстепенно.

Мои сомнения развеялись очень скоро. Virtuозный эквилибр Михаила Фенько, оригинальные акробаты Султана Атальяна, велофигуристы под руководством Анатолия Никитина, да что там — все номера двухчасового представления убеждали: на арене профессионалы. Хотя никто из коллектива, в котором более сорока человек, не получал специального циркового артистического образования. Училищам нет до маленьких дела...

Уже после первых двух-трех номеров забываешь о росте артистов, перестаешь обращать на это внимание. Ты просто наслаждаешься цирком.

Как же пополняется труппа? Чаще бывает так. В городе, где проходят гастроли, в один из дней за кулисы приводят мальчика или девочку. Ро-

дители, обеспокоенные будущим своего ребенка, хотят пристроить его в цирк. (Можно только представить себе, какие чувства испытывают они при этом!) Но маленький рост — еще не гарантия успеха на арене. Иной раз просмотр и собеседование проходят успешно, новичок остается в коллективе, но дальнейшие репетиции показывают — не получается. Как ни тяжело, приходится расставаться. Трудно? Да, очень. Тем более им, на себе познавшим не-

легкую жизнь в «большом мире». Но этот диагноз — «не потянул» — выносится лишь тогда, когда всем, в том числе и самому новичку, ясно: арена не для него. Порой «смотрины» растягиваются на год, а то и больше. Пробуются все жанры, все цирковые профессии.

Ошибочно было бы думать, что, попадая в цирк «Сияние маленьких звезд», человек расстанется с проблемами.

Но... «Цирк — это счастье... Мы

очень хорошо понимаем, что значит счастье работать». Я не раз потом вспоминал эти слова артистки Гали Полищук, думая о том, что цирк, эстрада, конечно же, не могут стать «счастьем» для всех маленьких. Не найдя статистических данных, не получив даже приблизительного ответа на вопрос: сколько же вас, маленьких? — от них самих, в одном из разговоров я услышал:

— Ну, в Киеве человек пятьдесят будет...

Получается, их «много» — это капля в море, несоизмеримая с населением страны. Что мы, «большие», для них, так нуждающихся в помощи, делаем? Шьем одежду? Нет, зачем же! Детская подходит... Но ведь если так рассуждать, то вслед за детской одеждой мы предложим им детские велосипеды, билеты в кино на детский сеанс — что там еще? А между тем они — взрослые. Они такие

же, как и мы. И не хотят ничем от нас с вами отличаться. Проблема проблем для маленьких — жилье. Из сорока с лишним артистов труппы считанные имеют собственные квартиры, свой угол. И речь идет не о парнях и девушках, только начинающих трудный путь артиста, — о ветеранах арены, людях, отдавших советскому цирку по 20—30 лет жизни.

Им, как инвалидам детства, положена пенсия. Но далеко не все оформляют ее. И не только потому, что делать это нужно по месту постоянного жительства, прописки. (А где оно — это постоянное место жительства?!). Главным же образом из-за того, что ежегодно приходится проходить ВТЭК: не подрост ли? Пенсия такой ценой — спасибо, не надо.

А что их ждет после выхода на пенсию по старости? Супруги Вячеслав и Лариса Павловы рассказывали мне: отпуск, который они проводят в деревню, превращается в сущую пытку из-за тяжелой работы по дому, по хозяйству. Дров нарубить — это еще куда ни шло, но вот воды из колодца натаскать — тяжело... А в сельской местности прописано большинство маленьких артистов. И вместо отдыха их ждут на склоне лет непосильные бытовые хлопоты.

Вячеслав, проработавший в цирке 21 год, и Лариса, костюмер труппы, едва ли не самые счастливые в этом коллективе люди! Еще бы, ведь вместе с ними по городам и весям страны колесит их пятнадцатилетняя дочка Светлана. Трудолюбивая, аккуратная. Хорошо учится в общеобразовательной и музыкальной школах (а их за год приходится менять по 5—6 раз). Она уже твердо решила: останется в цирке, среди людей, буквально вынуждавших ее. После занятий спешит на манеж репетировать свой номер. И родители спокойны за дочку — в цирке не пропадет.

А вот у Тамары Мецгеряковой (в труппе она уже 5 лет) было по-другому. Жила в Актюбинске, после десятилетки подала документы в Оренбургский педагогический институт. Хотела стать учителем истории. Там на нее посмотрели «сочувственно»: «Да ты что, милочка! Как же ты такая с классом управляться будешь?!» Тамара не успокоилась, поехала в Москву, поступала в финансовый. И вновь неудача — баллов недобрала. Ну как тут не отчаиваться?!

Вспоминает: «Ехала в метро — ну, никакая... И тут подходит ко мне парень. Напрямую так, без всяких там «извините», подходит и говорит: «Хочешь в цирке работать?» И дал адрес цирка Кю. Я — туда. Но в программе иллюзиониста мне места не нашлось. Зато Кю подсказал, как найти вот эту, нашу труппу».

...Григор Пайлеваняна, Гришу, как все его называют, я застал в гримерной — он возился с какими-то дощечками, красил их. Присели, закурили.

— Что это? — спрашиваю, указывая взглядом на сохнувшие заготовки.

— А-а, так... для машины кое-что делаем. — Григор проворно соскочил с табуретки и принялся объяснять: — Вот здесь, видишь, отверстие для магнитофона, вот сюда и сюда кассеты можно будет складывать. Тут еще лампочки будут гореть...

Оказалось, Гриша — заядлый автолюбитель. И машина у него есть. Одна беда — водительских прав никак не добьется. «Говорят, тому, кто ниже 150 сантиметров, — нельзя, — вздыхает он. — Но я знаю многих маленьких, которые получили права. Договориться сумели».

Показал мне письмо из Министерства здравоохранения СССР: вопрос, мол, рассматривается, решается... У Гриши письмо это особого энтузиазма не вызвало. У меня тоже.

Сказать честно, я сначала встал на сторону Минздрава: мало ли что — дорога, напряжение, пешеходы... Но Гриша со мной не согласен: «Без ног люди ездят! Старики ездят! Почему мне нельзя? У меня спинка кресла переделана, педали наращены... Я сильный!»

С годами привыкаешь (куда деваться!) к тому, что прохожие, и не

только дети, останавливаются и смотрят (хорошо, если молча) вслед. Но всей жизни не хватит, чтобы свыкнуться, смириться с равнодушием, черствостью, злостью, которых еще так много вокруг.

«Сияние маленьких звезд» — коллектив интернациональный. Несчастье в Армении вместе с Султаном Атальяном и Григором Пайлеваняном переживали русские, украинцы, татары, румыны — все, работающие в труппе. Часть заработка перевели в фонд пострадавшим... Чувство локтя, товарищеской взаимовыручки проявилось с особой силой, когда в Туле разбилась (оборвалась лонжа) Нина Рудь, и дважды в день вся труппа навещалась в больницу: как там она?..

Мои новые знакомые — жизнерадостный, веселый народ. Редкая минута — на репетиции ли, за кулисами, во время представления — обходится без шуток.

...Утренняя репетиция. Работает Нина Рудь. Поочередно ассистент выпускает на арену пуделей. Нина негромко беседует со своими питомцами, а иногда, чуть обернувшись, обращается ко мне:

— Вот это! — совсем еще сырой, глупыш. Я в Алма-Ате десять щенков купила. Знаешь, там самые дешевые пудели. Будет ли от них толк? — Она отвлеклась на самую малость, но этого оказалось достаточно, чтобы «глупыш» тут же подскокил с центра арены к барьеру и, опрокинув миску, в момент проглотил кусочек мяса. «Ну, думаю, сейчас она ему задаст!» А Нина... смеется от души:

— Ай да молодец! Ну, конечно, зачем работать, если можно и просто так полакомиться.

Директор программы Валентина Стрелецкая — опытный цирковой администратор, человек энергичный и, что немаловажно для этой труппы, душевный. Она добилась, чтобы у артистов было три смены костюмов, чтобы их обслуживал постоянный штатный массажист, чтобы в коллективе была своя библиотека...

Мелочь? Как посмотреть. Ветераны коллектива помнят и другого директора... Помнят подзатыльники, зуботычины, пинки, что щедро раздавал «большой» человек при малейшей попытке отстоять свои права, человеческое достоинство. Помнят «старички» пьяные дебоши и бесстыдные поборы... Было это, было — чего скрывать. А вполне возможно, что где-то и сегодня есть...

Я видел их праздничную работу на манеже. Часами наблюдал за утренними репетициями — изнурительным, на износ трудом. Мы «резались» в теннис и на бильярде — и тут уж мне порой приходилось просить фору.

Они угощали меня жареной картошкой и цирковыми «байками». Не жаловались — нет, но говорили откровенно и с болью о тех житейских «колдобинах», что делают их жизнь весьма и весьма сложной.

Маленькие в мире больших, они особо остро чувствуют несправедливость, равнодушие, пренебрежение... А этого, что говорить, хватает.

«Униформа» метет манеж. Собраны и упрятаны в проходки и под купол аппараты до следующего представления. В собачнике заливаются красавцы пудели. Нетерпеливо прядают ушами ухоженные пони Николай Гарбовского. (С появлением этого номера был восполнен единственный «жанровый» пробел программы.)

...К вечеру с разных сторон города собираются сюда ивановцы. Как и сто, и двести лет назад цирк притягивает к себе. Чудодей, кудесники, паяцы уже готовы к выступлению. Подглядывают в неизменную дырочку в занавесе — ждут встречи с нами.

Не писать об этом, как мне тогда казалось, окончательно я решил после того, как знакомый литератор, пробежав по диагонали массивное обвинительное заключение, лениво закурил и с несколько растерянной полуулыбкой предложил мне затертый анекдотец «из жизни далеких предков». Ужинают, стало быть, двое дикарей у костра. И любезный хозяин пещеры вежливо так интересуется:

— Ну, как тебе моя жена?

— Ничего,— отвечает гость.

— Тогда отрежь себе еще кусочек.

Нет, сказал я себе. Если материалы этого уголовного дела даже у людей пишущих способны вызвать такую умылистую ассоциацию, то смаковать подробности попросту бессмысленно: чего доброго, заработаешь ярко-желтый ярлык досужего охотника за кровавыми сенсациями. И тут же с каким-то нехорошим отчаянием поймал себя на торопливой мысли, что звучный глагол «смаковать» имеет два значения. Мне стало очевидно: забыть об этой жуткой истории будет непросто.

...Алексей Суклетин работал сторожем в садоводческом товариществе «Каенлык». Прописан был в Казани. Однако жил вместе со своей молодой любовницей Мадией Шакировой в приземистом домике сторожа. В тот самый домик он как-то осенью пригласил Катеньку Осетрову, которая была на три года моложе его покладистой подруги. С Мадией проблем не возникло: он попросту поманил ее в сени и там, крепко перехватив руку чуть выше локтя, объяснил что к чему...

«О своем намерении систематически совершать убийства лиц женского пола для последующего употребления в пищу он сообщил Шакировой и потребовал, чтобы она помогла ему в этих убийствах. Получив согласие Шакировой, Суклетин увел Осетрову в комнату и вступил с ней в половую связь, после чего Шакирова, предлагая выпить, стала отвлекать потерпевшую, а Суклетин молотком, обмотанным тряпкой, ударил ее по голове и оглушил. Затем он положил Осетрову в корыто, принесенное Шакировой и ножом перерезал ей горло. После убийства Осетровой Суклетин, глумясь над ее трупом, с помощью Шакировой расчленил его. Часть трупа они закопали в землю, а часть употребили в пищу».

13 января следующего года Суклетин убил Татьяну Илларионову. Послушная Мадина помогла ему расчленив труп. Неделями позже она, предъявив паспорт убитой, взяла из салона проката магнитофон «Эльфа».

В феврале пришел черед пятнадцатилетней Резеды Галимовой. Соучастница охранника оставила себе на этот раз свитер жертвы.

В марте убита Надя Ситявина. В мае — Наташа Школьниковна.

...Однажды липким, словно паутина, июльским вечером сторож привел в чистенькую обитель совсем маленькую девочку, одиннадцатилетнюю Валу Еликову. Соседи вспоминали, что весь следующий день хохотушка Мадина играла с ребенком на участке. А после ужина Суклетин, положив загорелую ладонь на худенькое плечико Вали, увел школьницу в спальню.

Изнасиловав, убил. На этот раз — без помощи своей послушной сожительницы. Разделали худенькое тело — так было заведено — вдвоем. То, что, по их мнению, не подходило для семейных трапез, неторопливо закопали в саду.

Через пару недель у Суклетина с Мадией что-то там не заладилось. И — цитирую документы — «Шакирова ушла к родителям».

Сторож живо обзавелся новой подружкой. Звали ее Лилия Федорова, было ей в ту пору 23. Вообще, насколько я понял, Алексей Васильевич женщинам нравился. Не Ален Делон, конечно, но все в нем было привлекательно: и аккуратная окладистая борода, и скупая улыбка. А особенно подкупала дам уверенность жестов...

Бородатый симпатяга Суклетин коротко сошелся с Лилиным родственни-

Евгений ДОДОЛЕВ

ВЕЧЕРА СТОРОЖА СУКЛЕТИНА

ком Анатолием Никитиным. Они часенко выпивали втроем. Жили-поживали весело, хмельно. И вот как-то во время смурной гулянки нетрезвая Лилия стала угрожать возлюбленному, что, мол, «сдаст паршивца ментам». Слово не воробей...

Выдержка из приговора не требует комментария, если внимательно проследить хронологию. Итак, в тот сырой день 12 марта «Суклетин и Никитин договорились убить Федорову. Примерно в 14 часов они, связав Федорову, положили ее в кровать, и Никитин по предложению Суклетина совершил с ней насильственный половой акт. Затем Никитин сел на нее и стал держать руки и ноги потерпевшей, а Суклетин ножом перерезал ей горло. После убийства они, глумясь над трупом Федоровой, расчленили его и часть употребили в пищу, а часть спрятали в трансформаторной будке, одежду потерпевшей, облив соляной кислотой, сожгли. 18 марта Суклетин вновь стал сожительствовать с Шакировой и рассказал ей об убийстве Федоровой. Шакирова, укрывая данное преступление, произвела уборку помещения, выстирала окровавленное белье Суклетина...»

Летом их арестовали. Бывшего сторожа приговорили к расстрелу. Любовнице и соумышленнику дали по 15 лет.

Ознакомившись с материалами столь необычного уголовного дела, я готов был выплеснуть на страницы все свое смятение, собрался уж было писать, однако скоро убедился, что материал не получится. — потрясти по-настоящему способен лишь многодневное погружение.

Надо было побеседовать с приятелями обвиняемых, прослышавшими, что в доме сторожа всегда можно разжиться вырезкой, и приехавшими как-то весной в «Каенлык» на пикничок: добрая Мадина уступила им несколько кг нежного продукта для приготовления шашлыка буквально за бесценок. Побеседовать и порассказать о том, как потом один из них рассказывал с содержимым желудка тут же, в прокуратуре, узнав, почему то мясо... ароматило так необычно.

А если еще встретиться с родителями и сестрами тех девочек? Впрочем, на это у меня духа не хватило бы, право.

Я отдавал себе отчет, что шуточки некоторых моих коллег относительно «меню» и «заготовок на зиму» были не столько циничной реакцией ничему не удивляющихся газетчиков, сколько тем душевным импульсом, который психо-

логи называют защитой. И тем не менее — анекдот про неандертальцев меня добил! — отказался от мысли о судебном очерке. Жаль было потраченного времени.

Но в начале года посмотрел передачу Ленинградского ТВ «Общественное мнение», посвященную проблеме смертной казни, и определился бесповоротно — напишу.

Убежден, что писать надо обо всем: ханжеское умалчивание подобных сюжетов приводит к тому, что мы искренне не понимаем, откуда берутся маньяки и садисты.

Один из удобных мифов прошлых лет: леденящие кровь зверства вершатся на экранах и в подворотнях чуждого нам Запада. Там, все там. Свободная продажа оружия и легкодоступные наркотики, хищный рэкет и повальная проституция, бесстыдная коррупция и чудовищные убийства. У нас же раскрываемость преступлений едва ли не зашкаливала за стопроцентную отметку, и в Белоруссии сажали (а затем расстреливали) одного «сознавшегося» мужчину за другим, пока расчетливый маньяк Михасевич уверенно охотился за несчастными женщинами, счет которым велся этим удачливым — по воле слепого правосудия! — убийцей уже на десятках.

Нет, я не намерен, сурово нахмурив брови, поглядывать с публицистических высот на то печальное обстоятельство, которое хронологически можно уложить в шестилетний срок между первым из зарегистрированных следствием эпизодов и арестом казанского лиходера. Напротив, вполне допускаю, что троица людоедов и вовсе могла избежать наказания.

Дело в другом: мне непонятна сама противоестественная страсть, обуревавшая Суклетина и К°. Я еще кое-как могу объяснить себе патологические наклонности главаря. Алексея Суклетина впервые посадили, когда ему только-только исполнилось 17. Двухлетний срок он «отмотал» от звонка до звонка. А спустя два с половиной года — новая «ходка». За разбой. Вышел он через 12 лет, имея лагерный стаж в 153 месяца.

Удивительно в той драме, что разыгралась на территории «Каенлыка», не поведение уголовников Суклетина и Никитина, а улыбочивое хладнокровие, с которым жарила девичью печенку Мадина Шакирова, впервые отведавшая человечину в 25 лет.

Никак мне это не понять! И потому

рассуждения на тему: кем выйдет на волю Мадина Нургазиевна после того, как полностью выпьет горькую чашу мучительного срока, — отношу к бессмысленному морализаторству.

А прикладных, так сказать, выводов — два.

Первый, боюсь, покажется неожиданным (а то, что обречен на непопулярность, так в этом я уверен). Нельзя «вешать» такие сроки, которыми у нас потчуют хозяйственника, нарушившего ведомственный указик, и мальчишку, утаившего магнитофон из кабинета завуча. За это надо, полагаю, наказывать условно. Или «бить рублем».

А уж о сроках лет по десять и более — вообще разговор отдельный. Психологи уверяют: длительные (свыше 10 лет) сроки заключения приводят к тому, что из «зоны» выходит получеловек, вряд ли способный «на все сто» адаптироваться в обществе. После изнурительных лет, проведенных за колючей проволокой, человек перестает осознавать смысл своего пребывания в неволе, он превращается в затравленного зверя, готового к броску, видящего в двуногих лишь своих истязателей или... добычу. Общество само готовит рецидивистов и зверей. Сажаем нашкодивших мальчишек, а выпускаем озлобленных нелюдей.

Теперь второй вывод (увы, предвижу, что встречен он будет на «ура»). **Исключительную меру в УК, по-моему, оставить необходимо.** И даже не называть ее так деликатно: исключительная. Слишком часто применяется.

Практикующие юристы в отличие от глубокомысленных теоретиков предвещают наступление криминального кризиса. Развитие «сверхприбылей» — подчеркиваю, речь только о таковой — кооперации (а это не только «отмыть грязных денег» и разгул рэкета) чревато и ростом преступности.

И потому предлагаю: давайте смотреть друг другу в глаза. Давайте избавляться от страшного вычленения «запретных» и «неприятных» тем. И от жонглирования приятными и долгожданными словами.

Я гадаю, боюсь, что многие люди по-настоящему устали от всяких там «некрофильских» тем и удручающих прогнозов, не желают знать, что среди окружающих есть экс-палачи от НКВД, наркоманы, убийцы, насильники и... Суклетин. Но я не напугать хочу, а напомнить. Напомнить, что было время запретных тем. Оно уходит. И приходит пора избавляться от стыдливого, пофарисейски стыдливого раздела фактов на те, которые знать можно, и те, что не положено.

Литератор, рассказавший мне «первобытный анекдот», прогнозировал за чашкой чая:

— Ты добьешься, знаешь, чего? Статьейкой своей вызовешь бурю в стакане воды: сотни писем будут требовать расстрела Мадиины...

А я не знаю, чего добьюсь. Однако я знаю, чего хочу. Хочу, чтобы мы не пробегали равнодушно колонку судебной хроники в газете, чтобы всматривались в фотографии на стендах у отделений милиции под шапкой «Разыскиваются». Не очень рассчитываю, что удастся найти ушедших год назад в булочную девочек, но то, что бороться с **безнаказанностью** надо всем миром, — убежден.

В тот вечер, когда я заканчивал эти заметки, комментатор ленинградских теленовостей «600 секунд» рассказал о том, как в городской квартире трое молодых людей насильовали и истязали девочку. Родители одного из садистов были весь день... в соседней комнате. А днем раньше двое молодчиков на глазах у соседей избивали старика, дежурившего в нашем подъезде. Его отравили в больницу, а тех подонков, похоже, не найдут...

Самой собой, я не призываю стрелять всех хулиганов и истязателей. И вообще я не об этом. Я — о соседях. Ведь у сторожа Суклетина они тоже были. Целое товарищество. Садоводческое.

Что растет в том саду? И каким будет новый урожай?

ПРОДАНО!..

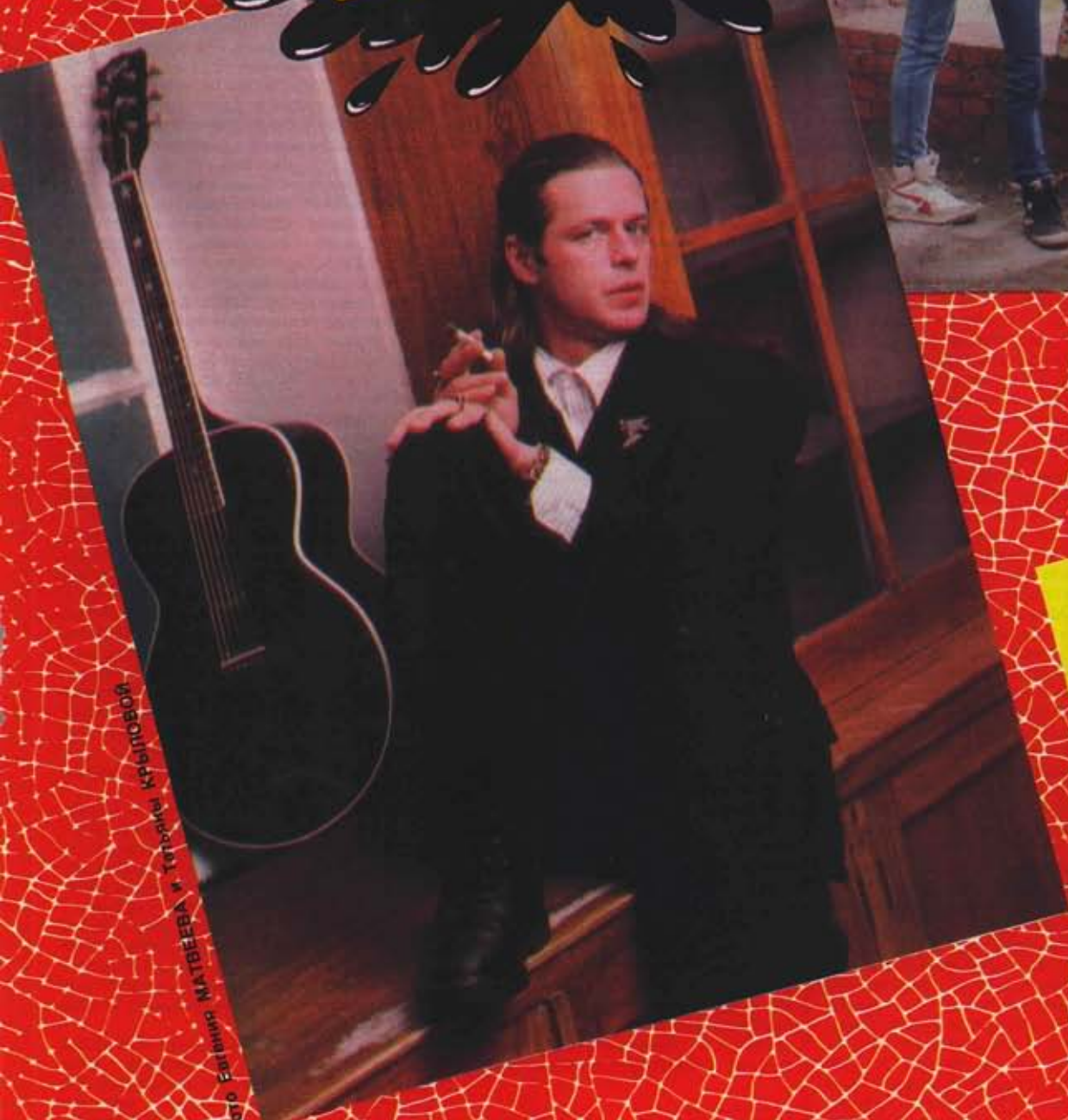

фото Евгения МАТВЕЕВА и Татяны КРЫЛОВОЙ

Артем ТРОИЦКИЙ

Совсем недавние воспоминания... В 3-й студии Московского Дома звукозаписи, временно «отвоенной» (валюта!..) у известного ансамбля электромузыкальных инструментов п/у В. Мещерина, английский музыкант и продюсер Брайан Ино завершает запись альбома столичной рок-группы «Звуки Му»... На следующий день — в Ленинграде, в циклопическом спортивно-концертном комплексе местный «Аквариум» отмечает скорый выход своего первого американского диска в компании нескольких мировых поп-знаменитостей. Режиссер Майкл Атед, создатель

некогда у нас запрещенного фильма «Парк Горького», руководит съемкой... Кстати, о другом «Парке Горького»: эта новая группа подписывает контракт с концерном «Полиграм», в ознаменование чего в Центр Стаса Намина приезжают братья любимцы американских школьников «Бон Джови»...

Какие еще новости? В Западной Европе вышли пластинки «Круиза», «Ва-Банка» и «Центра». Группы «Антис», «Браво», «Звуки Му» и «Телевизор» собрали урожай восторгов во время турне по Италии. «АВИА» сделали неделю аншлагов в Гамбурге, а в Хельсинки на их сольный концерт пришло двадцать тысяч человек. «Поп-механика» произвела сильное впечатление на любителей передового искусства в Стокгольме и Западном Берлине, на очереди — Лондон. «Бригада С» и «Нюанс» отправляются в турне по Соединенным Штатам, «Аукцион» и «Кино» — во Францию. И так далее. Простите, что многих не вспомнил. Все это — советская рок-музыка на Западе.

Наверняка перечень достижений наших музыкантов-академистов выглядит более впечатляюще, однако стоит обратить внимание на динамику явления. Здесь ситуация такова: еще год назад на Западе не было ни одной нашей «легальной» рок-пластинки, а список счастливых гастролеров не превышал два-три названия престижных минкультурских ансамблей. А уж если отсчитать назад еще несколько лет, то нетрудно убедиться в том, что «Аквариум» возглавлял «черные списки» групп, рекомендованных ко всяческому «недопущению», а входили в эти списки практически все те, кто составляет сегодня цвет советской рок-музыки. Не то что за границей, а и в родном городе играть они не имели права, и даже записи их песен изымались из программ дискотек. Так или иначе, стремительный прогресс налицо. Буквально за несколько лет гонимые «дети подземелья» преобразились в процветающую, хотя и не лишнюю проблем, культурную прослойку. Вполне естественно, что пресловутый «красный рок» занял почетное место и в западном видении «перестройки и гласности» — наряду с предприимчивыми кооператорами, новыми общественными организациями и отважной прессой.

Однако мода на перестройку — только одна из причин повышенного интереса к советскому року. Другая, более специфическая, — состояние рок-музыки на Западе. Сказать, что она в упадке, было бы не совсем справедливо, ибо в коммерческом отношении жанр процветает и миллионы долларов через него прокачиваются намного больше, чем во времена знаменитого рок-бума конца шестидесятых. В тоскливом состоянии пребывает творческий процесс и, как следствие, усугубляется духовный кризис рока. Впрочем, очень может быть, что я меняю местами причину и следствие. Во всяком случае, рок-жизнь на Западе уже мало кем воспринимается с той остротой и серьезностью, как когда-то, мало интересует передовых интеллектуалов, деятелей искусства, политиков. Социально-революционная миссия рока как будто подошла к концу и выхолостилась — в лучшем случае — в умную развлекательную музыку. Споры нет, огромное уважение и симпатию вызывают все грандиозные благотворительные рок-акции последних лет, вроде показанного у нас концерта, посвященного Нельсону Манделе. Но, по сути дела, это не что иное, как отчаянные попытки ветеранов и идеалистов рока вернуть своей музыке социальный пафос, не дать ей раствориться в океане чистой коммерции. К счастью для рока, ни одно из более поздних модных поветий — от брейкданса до программирования — не смогло пока заменить его в качестве нового молодежного творческого медиума. В этом шанс слегка одряхлевшего бунтарского жанра.

Многие люди на Западе, неравнодушные к судьбе рока, пытаются как-то его растормошить. Причем не только социально озабоченные радикалы, но и биз-

несмены, скучающие без очередной «новой волны» и мечтающие открыть если не новый Ливерпуль, то хотя бы Ямайку. Неудивительно, что многие обращаются к советскому року — как за вдохновением, так и в поисках свежего товара. И всех, конечно, подогревают сообщения о «приподнявшемся занавесе», открытости и доступности. Было бы преувеличением сказать, что СССР стал Меккой или Клондайком для западных рок-активистов, однако интенсивность контактов растет в геометрической прогрессии.

Среди людей, приезжающих в нашу страну по рок-делам, я выделил бы три основные группы. Первые — к ним относятся в основном журналисты, киношники, молодые «народные дипломаты» — интересуют главным образом социально-политический статус советского рока. Для них здесь полное раздолье, поскольку Союз — единственная, может быть, страна в мире, где к року по-прежнему относятся как к «серьезному явлению общественной жизни». Где музыканты верят в свою спасительную миссию, где публика ищет в рок-песнях ответы на измучившие ее вопросы, где противники рока с неподдельной страстью клеймят его как «духовный СПИД»... С одной стороны, ничего хорошего во всем этом нет; с другой — это своего рода «признаки жизни», доказательство того, что рок у нас еще не выпал в осадок, не стал продуктом эстрадного ширпотреба. В любом случае продолжающаяся на ниве рока «борьба идей» придает ситуации дополнительную пикантность. Хотя как «товарный» фактор во внимание не очень-то принимается.

Вторая группа рок-пилигримов — искатели новых художественных впечатлений, надеющиеся расслышать в советском роке нечто такое, чего «у них» нет. Это музыканты, критики, вообще специалисты, находящиеся «внутри» жанра. Впечатления у них, как правило, довольно противоречивые. Первое знакомство приятно удивляет: оказывается, у советских все цивилизованно, музыканты прекрасно владеют инструментами и разбираются в современных стилях. Но очень скоро приходит ощущение, что это слишком цивилизованно — все увиденное и услышанное в точности повторяет опустыленные уже международные клише. Многие так и уезжают с убеждением, что советский рок — это просто «запоздавшая» копия рока западного. Заметьте, что все резонансные разговоры о великой самобытности и значимости текстов песен для людей, не понимающих по-русски, малоутешительны. Они слышат музыку... А здесь — как это ни странно для страны с необъятными фольклорными и академическими традициями — наши рок-авторы предлагают ничтожно мало оригинальных идей. К счастью, исключения есть, однако до сих пор иностранцы обращают на них больше внимания, чем мы сами.

Третья группа — люди, приезжающие на наш недавно открывшийся рок-рынок с тем, чтобы заработать. Это бизнесмены — представители фирм грамзаписи и концертных агентств. Им приходится хуже всего: чем выше запросы, тем горше разочарование. Суть проблемы, вкратце, сводится к следующему: практически все, даже самые перспективные в коммерческом отношении советские рок-группы требуют долгой и многообразной «доводки». У них неважно с английским произношением и сценическим движением, нет навыков студийной работы и чувства стиля. Кроме того, они слишком привыкли к тому, что называется труднопереводимым русским словом «халтура». Иными словами, в потенциальную рок-звезду из Советского Союза необходимо вложить заметные большие силы и средства, чем в начинающих англичан или немцев. А тут еще вдобавок эта бюрократия...

Как видите, стать посланцем «красного рока» не так уж просто. По моим сведениям, на сегодняшний день только три наши рок-группы имеют твердые контракты с солидными фирмами грамзаписи (мелкие и посреднические ком-

пании не в счет). Это «Аквариум», «Звуки Му» и «Круиз». Три абсолютно разных ансамбля и соответственно, три принципиально разных подхода к завоёванию западной аудитории.

«Круиз»: здесь ставка на полную «узнаваемость», тождество группы с десятками и сотнями ей подобных «металлических» составов во всем мире. Знакомый американец видел выступление «Круиза» на рок-фестивале в Скандинавии; о том, что группа эта советская, он начал догадываться только после того, как прозвучал последний аккорд: «Мне показалось странным, что, отыграв программу, музыканты вдруг стали улыбаться и раскланиваться: наши группы «хэви» так мило никогда себя не ведут». Весь «хэви метал», от причесок до музыкальных гармоний, целиком состоит из клише, освоив которые — на хорошем исполнительском уровне, конечно, — можно рассчитывать на успех. Сомкнутые у сцены ряды «металлистов» — в Детройте, Гамбурге или Барнауле — не ждут новостей и открываний от своих кумиров, а ждут лишь многократного повторения этих самых жестовых трюков. Окончательно «спрямляет» и делает восприятие инвариантным тот факт, что текст для «хэви метал» столь же важен, как, скажем, для романса Алябьева «Соловей». Диск «Круиза», естественно, напел по-английски — и это идет ему только на пользу. Интересно, что поначалу у западногерманских продюсеров возникло желание дать пластинке «русскую» идентификацию — ее хотели назвать «Эй, ухнем!», — но затем они же резонно решили национальных признаков ее лишить.

Надежды на то, что советский «металл» будет «хорошо продаваться», небезосновательны: удастся ведь это «Крокусу» из Швейцарии, шведу Ингви Мальмсту, западному немцу «Скорпионс» и некоторым другим. Другое дело, что культурная значимость этого успеха будет невелика. Не потому, что «хэви метал» — «рок второго сорта», как считают снобы. Значимость эта, как мне представляется, измеряется прежде всего степенью новизны музыкальной информации, ее способностью передать культурные традиции и своеобразие художественного мышления народа данной страны. В этой графе у мастеров «хард» и «хэви» прочерк. Шведская группа «Европа» наводнила Америку своими пластинками — но при чем здесь Швеция, если даже имена музыкантов изменены на английский лад, а сама музыка никак не отличается от американских «Бон Джови», английских «Деф Лепард» или советского «Парка Горького»? Я называю это «Макдональдс-рок»: расхожий международный стандарт, в меру качественный и лишенный индивидуальности... И тем не менее успеха вам, московские красавцы, — страна нуждается в валюте.

Будут ли солидные долларовые поступления от продажи пластинок «Звуков Му»? Строго говоря, такой вопрос всерьез и не стоит. Брайана Ино — бесспорно, самого известного в мире продюсера авангардного рока — привлек не коммерческий потенциал, а художественная уникальность этой группы. Объясняя свой выбор, он говорил: «У «Звуков Му» я обнаружил сразу несколько качеств, которых нет ни у одной другой рок-группы в мире. И это не только актерство Петра Мамонова, доподлинно «средневекового» шута-юродивого, но и необычная ритмика, и очень своеобразный подход к аранжировке. Для современного рока, где, казалось бы, все давно пробовано-перепробовано, это изумительное открытие».

Песни, разумеется, спеты по-русски; в оформлении конверта, по-видимому, будут использованы работы Филонова — чье видение мира, кстати, имеет паразитично много общего с образностью песен «Звуков Му». Все вместе — сгусток шокирующей новизны, смесь эт-

нической экзотики с радикальным модернизмом. Нет сомнений, что эта пластинка заинтригует журналистов, музыковедов и всяческих рок-экспертов. Будет ли ее покупать «рядовая» публика? Не думаю. Но здесь куда важнее эффект другого порядка: впервые на карте рок-мира будет застолблен участок под названием «Русский рок». Причем «русский» не по паспорту, а по существу.

Борис Гребенщиков, лидер «Аквариума», тоже уникален, но в несколько ином роде. Вот что поведал его продюсер, известный английский рок-музыкант Дэйв Стюарт: «Я был ошеломлен, познакомившись с песнями Бориса, поскольку неожиданно услышал в них интонации старой английской народной музыки, о которых уже двадцать лет как позабыл. С подачи Бориса я стал ходить в фольклорные клубы и обнаружил там массу интересного... Фактически он вернул мне мои собственные корни».

Гребенщиков — человек, в котором глубоко укоренились и совершенно органично сосуществуют две культуры. Трудно разграничить, что в его творчестве идет от традиций русского романса, Вертинского и Окуджавы, а что — от кельтских мелодий и стихов Джима Моррисона. Борис как-то признался, что иногда строчки новых песен рождаются у него на английском, а затем уже он переводит их на русский... Такой вот почти набоковский синдром. Так что сочинение английских текстов для пластинки вершилось самым естественным образом.

У нас Борис Гребенщиков считается прекрасным рок-поэтом. На Западе он впрямь претендует на такую же репутацию, и в его работе, в отличие от альбомов «Му» и «Круиза», слова, содержание будут играть огромную, если не решающую, роль. По этой же причине «хит-парадовая» судьба «Радио-тишины» (предположительное название альбома) видится самой непредсказуемой. Если философско-поэтический пафос Гребенщикова «зацепит» американских слушателей, то успех будет очень внушительным, если нет — неудача может иметь драматические последствия. «Драматические» потому, что лидер «Аквариума» стал первым советским артистом, которого американцы «раскручивают» по-настоящему, как «звезду»: в запись диска и сопутствующие рекламные акции уже вложено более двух миллионов долларов... Если эти расходы не будут оправданы, в долговую яму Борис Борисович, конечно, не сядет — но вот западный шоу-бизнес получит сильнейший заряд скепсиса и недоверия к року из СССР... И наоборот: успех Гребенщикова откроет путь многим другим. Так что попридержите языки, завистливые коллеги БГ, — он идет на риск и ради вас.

При всех различиях у этих трех историй есть и немало общего. Начать с того, что все записи осуществлялись под руководством западных продюсеров. Обусловлено это не «низкопоклонством», а тем прискорбным обстоятельством, что института «продюсера», одного из самых фундаментальных в мировой поп-музыке (и шоу-бизнесе вообще), у нас просто не существует; записывать рок, «ставить» звук, издавать «образ» пластинки у нас никто толком не умеет, да и не обучен даже.

Далее, диски «Аквариума» и «Круиза», «Центра» и «Ва-Банка» были записаны в западных студиях. Опять же не потому, что наши рокеры, подобно ретивым кинорежиссерам, непременно хотят работать на иностранной «натуре»... Просто-напросто в Советском Союзе современных студий звукозаписи почти нет. На всю Москву их едва наберется десяток. Для сравнения: в Лондоне студий такого же и более высокого класса более трехсот.

Короче говоря, мы, совсем как страна «третьего мира», поставляем свое «культурное сырье» на Запад, где его обрабатывают на умных машинах и превращают в законченный продукт. Нелестно, но факт. Что же мешает нам

самим делать записи и торговать не «живым товаром», а готовыми качественными рок-фонограммами, заметно выигрывая при этом во времени, деньгах и престиже? Мешает в первую очередь первобытно-централизованная структура нашей пластиночной индустрии. Когда иностранцы впервые слышат, что в СССР существует одна-единственная фирма грамзаписи, они отказываются верить. Это действительно уникальный в мировой практике казус. Точнее, ляпсус. Можете ли вы себе представить, что все книги в Советском Союзе — от детских стишков до богословских трудов, от Эстонии до Якутии — выпускает одно большое издательство? Нелепо? Невозможно? А с пластинками почему же «возможно»? Ведь во всем мире издательский бизнес и выпуск звукозаписей, несмотря на всю разницу в технологии, являются абсолютно аналогичными по структуре... Любая критика в адрес фирмы «Мелодия» бессмысленна: даже при гениальном руководстве, но сохраняя свое монопольное (может быть, поневоле) положение, она не сможет решить и малой доли стоящих перед ней задач, в том числе международных. Динозавры, как известно, вымирают, но не прогрессируют.

О том, что монополия ведет к загниванию, убедительно свидетельствует практика другой организации, о которой, кажется, уже за много лет не было сказано ни одного доброго слова. Я имею в виду Госконцерт. Это действительно настоящее кладбище международных музыкальных контактов, причем большинство надгробий принадлежит именно рок-проектам. Расскажу одну типичную историю.

В феврале 1985 года в Москву из Лондона пожаловал некто Джон Бэрроуз, директор крупнейшего в Англии летнего музыкального фестиваля, с тем, чтобы пригласить к себе две советские рок-группы. Британские эксперты посоветовали ему найти и прослушать «Арсенал» Алексея Козлова и «Машину времени». С этой просьбой Бэрроуз и пришел в Госконцерт. А там ответственные лица вполне официально ему заявили, что ансамбль «Машина времени» давно распался, а группа Козлова находится в турне по Монголии и познаться с ней нет ни малейшей возможности. Взамен мистру Бэрроузу было любезно предложено прослушать ряд «лучших рок-групп» — «Верасы», «Самосветы» и т. п., от которых англичанин пришел в ужас... Я познакомил Бэрроуза с «Автографом» и «Рок-ателье» — единственными «выездными» на тот момент нашими рок-группами, но и их поездку в Англию Госконцерт успешно потопил в бюрократической волоките. Что до «Машины времени», то она, как вы знаете, никогда не распалась, а Леша Козлов со своим джаз-роком находился в ту неделю не в Улан-Баторе и даже не в Тамбове, а прямо и непосредственно в Москве... Таков фирменный стиль Госконцерта. Не знаю, насколько он изменился сейчас, с приходом нового руководства. Часто говоря, это уже мало кого интересует, ибо большинство западных партнеров и местных клиентов поставило на этой организации жирный крест, найдя гораздо более эффективные каналы взаимодействия. Практически все значительные, вызвавшие резонанс заграничные рок-гастроли последнего времени — «Аквариум», «АВИА», «Звуки Му», «Поп-механика», «Телевизор», «Джунгли» — не имели никакого отношения к Госконцерту. В качестве «агентства» выступали Комитет защиты мира, Союз обществ дружбы, БММТ «Спутник», ЦК комсомола... В одном случае рок-группа в полном составе выехала по частному приглашению. Старо говоря, налицо беспорядок, кустарщина — и тем не менее это куда лучше и надежнее, чем псевдопрофессиональная «помощь» Госконцерта.

А в идеале механизм «рок-экспорта» выглядит примерно таким образом. У каждой группы контрактные отношения с той или иной фирмой грамзаписи — советской, иностранной или сме-

шанной. Записи лицензируют в разных странах; выходят пластинки, к их выпуску приурочивают гастроли. Если фирма крупная — она может организовать поездку сама, если нет — группа обращается к одному из многочисленных концертных агентств, которое обеспечивает музыкантам все необходимое, не претендуя при этом на львиную долю прибыли... Это не фантазия, а серые будни, и я уверен, что рано или поздно так будет и у нас.

Обычно бывает «поздно», а жаль. Фактор времени немаловажен. Нет, я не солидарен с теми, кто призывает «ловить момент» и, используя нынешнюю моду на все советское, срочно «впаривать» глупым иностранцам что ни попадя, снабженное, разумеется, соответствующей «символикой и атрибутикой». Это немного цинично, а главное — недальновидно: халтура быстро набирает оскомину и не способствует хорошей репутации. Пройдет еще год-полтора, и схлынет половодье «перестройки», «гласности-арта» и всего прочего, взятого с полог, вытасенного из-под гусениц бульдозеров и вызволенного из подвалов советского искусства. На виду останутся только действительно стоящие музыканты, художники, режиссеры, артисты... Вот и интересно будет посмотреть — кто именно?

В одном из недавних интервью Борис Гребенщиков сказал, что главным для него результатом американской эпопеи было то, что он смог лучше узнать самого себя и оценить свои возможности. Поверьте, это очень серьезное заявление, не содержащее тени кокетства. Международные контакты хороши многим: тут и укрепление доверия, и твердая валюта, и новые впечатления. Но не менее важно еще одно: мировое общественное мнение как зеркало и мировая культура как система координат. Мы не можем обойтись без этого, если честно и объективно хотим узнать свое место и свою цену. Хотя бы приблизительно... Несколько десятилетий наша культура развивалась в почти полной изоляции от мирового художественного процесса, в условиях жесткого идеологического диктата и отсутствия информации. Эта система плодила дутые авторитеты, непризнанных гениев, эпитонство под личной новаторства, новаторство под личиной «социализма» и всевозможные «зюповы комплексы». Сейчас пришло время и появилась возможность разобраться что к чему.

Рок — лишь локальный участок этого большого культурного завала. Но участок интересный, поскольку из всех искусств он, с одной стороны, в наименьшей степени скомпрометировал себя пресмыкательством перед официозом, а с другой — наиболее тесно связан с «неформальной» уличной реальностью. Понимаю, что слово «искусство» в данном контексте многим резануло слух. Конечно, в роке преобладают кич и пустое позерство, но «искра божья» тоже есть. И именно искусство в роке стоит того, чтобы за него бороться. В этом может помочь и «международное судейство».

Я не буду моделировать суждения мировой рок-критики, однако смею уверить, что основные критерии оценки таковы: музыка, образ, профессионализм. Причем, говоря о музыке и образе, во главу угла ставится такое качество, как оригинальность. Редкое качество для наших рок-групп... А как же иначе? Первое десятилетие советского рока прошло под знаком усерднейшего копирования всех западных атрибутов, включая «ливерпульское» произношение. Затем к английскому резко поостыли, запыли на родном языке и «про свое», но вот «национализировать музыку» (по выражению одной сибирской газеты) не смогли. Лишь в последние годы появился ряд групп, претендующих, и не без оснований, на «национальную самобытность», но, как назло, большинство из них не умеет как следует играть. (Под «умением играть» в роке я понимаю не только сыгранность и беглость пальцев, но и мощь, «энергонасыщенность» выступления). За идею — «хорошо» и даже «отлич-

но»; воплощение ее зачастую — на уровне капустника... «Интересно, но неубедительно» — так можно сформулировать общее впечатление. И как-то стирается грань между почетной «самобытностью» и обычным провинциализмом.

Те же, что умеют играть, как правило, не блещут фантазией и вдохновенно воспроизводят мировой стандарт. Не думаю, что за «Круизом» и «Парком Горького» потянется цепочка: рынок «подросткового рока» на Западе и так перенасыщен. К тому же рекруты там требуются молодые, красивые и надежные недвусмысленным мужским обаянием — в то время как лучшие годы наших рокеров уже ушли на бой с художниками и выправливание из себя этой самой сексуальности... Трудно будет им наверстывать.

Еще труднее, к сожалению, «текстовым» группам, по праву составляющим честь и славу нашего рока. Англоязычный «Аквариум» — счастливое исключение. Вообще же наши знаменитые рок-поэты, романтики и циники, пацифисты и радикалы, борцы и панки интересуют большой рок-мир лишь при условии, что их замечательные стихи сопровождает не менее замечательная музыка. А где ее взять, если проблемы презренной «формы» заботили рок-трибунов в последнюю очередь?

Короче говоря, немногие пройдут сквозь сито международного отбора. А из числа нынешних кумиров, любителей дворцов спорта и телевидения, не останется почти никого.

Большой драмы тут нет, конечно. Советский рок существует в первую очередь для советской аудитории, и идиотизмом было бы призывать к его коренной перестройке в соответствии с интересами иностранной клиентуры. Тем более что практика показывает: отрываясь от своей среды и делая единственную ставку на успех за границей, артист в результате терпит фиаско и там, и здесь.

И тем не менее: прорубленные окна в Европу и дальше — это объективная реальность. И гласность — это объективная реальность. Надо быть или дураком, или гением, чтобы не замечать этих перемен в жизни и не производить переоценку ценностей...

Альгису Каушпедасу, солисту группы «Антис», показалось недостаточно высмеивать со сцены бюрократов, и он стал одним из лидеров литовского «Саюдиса». «Телевизору» надоела спекуляция на «перестроечной» тематике, и Михаил Борзыкин, автор самых острых полит-роковых песен, вдруг запел лирику. Жанна Агузарова в зените «попсовой» славы покинула ретро-группу «Браво» и одна записала в студии цикл удивительных, ни на что не похожих песен. «Звуки Му» превозмогли вечное похмелье и научились здорово играть. «АВИА», наслушавшись вдоволь обличений в форме словесных деклараций, создали феерическое антитоталитарное шоу, убеждающее сильнее, чем слова... Все это — движение.

А «застой» — это гордые фразы типа: «Мы делали то же самое, что сейчас, до всякой гласности — только раньше нас запрещали, а теперь — нет!» И поделом не запрещают: в некогда «крутейших» текстах сегодня слышится не больше вызова, чем в новогодних поздравлениях, а «хардовые» аккорды сладко скрежещут на салонном фестивале в Юрмале. Теперь, дабы наш рок не скатился окончательно до уровня заполнителя дешевых хит-парадов и «неформальной» показухи, чтобы он сохранил (скорее даже восстановил...) свою бескомпромиссную творческую и социальную репутацию, свой, извините за выражение, кайф, ему нужны новые средства воздействия. Я не постесняюсь определить их как «художественные». Рок как «товар» — уже повсюду в избытке. Рок как «приключение» — в большом дефиците. Сможет стать наш рок культурным открытием — не возникнет противоречий между «внутренним» и «внешним» рынком. Новый художественный опыт нужен всем.

МИХАИЛ ПОЛИВИН

ВСЕВЕЧНОЕ КИПЕНЬЕ

Зима
оленем белым
бежит
весне навстречу...
Ты мне опять
несмело
роняешь:
«Добрый вечер!..»
И неудобной тропкой
спешить сойти с дороги.
А в небе
месяц робкий
маралом круторогим
знай гонит
Млечным шляхом
в неведомые дали...
Мне б громко крикнуть:
«Птаха,
отбрось свои печали!
Загаданному —
сбыться,
растает снег в апреле!
Вернутся
с юга
птицы,
заговорят капели.
Проснется
синь сквозная,
исчезнут
серь и проседь.
И, дерзко расцветая,
любовь
оковы сбросит.
Об этом
в зимнем храме
синичек милых
пенье...
На речке —
подо льдами —
всевичное
кипенье!»

ПОМНИ, ЧЕЛОВЕК!

Тускло светит солнце.
Месяц тучей слован.
Я иду без тропки
снежной целиной.
Воет пел надрывно
в чьем-то хмуром доме
за лесной,
еловой,
стылою волной.
Отсмеялась юность,
точит зрелость коготь, —
злойной волчьей стаей
подлость гонит вслед.
Жил я нараспашку,
жил ни в чем не строго,
думал:
«В нашем мире
злыдней вовсе нет».
Ан оно случилось —
оболгали тати,
били под лопатку,
да сломался клык.
Как я верил в дружбу,
но, как видно,
хватит в патоке словесной
плоть на сладкий зык.
Убреду на Север,
к океанской шире,
к нартам и оленям,
к песням у огня.
Звездные цепочки
и планеты-гири
кружатся легонько
около меня.
Малое...
Большое...
Вечность
и Мгновенье
рвут
на части душу —
я срываюсь
в бег...
Вечное кипенье,
вечное сомненье —
боль твоя
и радость,
помни,
Человек!

Предвкушение радостных перемен в жизни настолько захватило Фей Эллисон, что заметить жгучую ненависть, источаемую глазами Аниты, она была просто не в состоянии.

Окутанная теплом романтических грез, Фей, у которой совсем развязался язык от приготовленного Анитой двойного предобеденного коктейля, занимала подругу своей веселой болтовней.

— Я давно знала, что люблю его, — щебетала она, — хотя, честно говоря, мне и в голову не приходило, что после неудачного романа Дейн захочет жениться. Сначала он казался каким-то бесстрастным, отрешенным, но за всей его внешней сдержанностью скрывается романтическое, нежное сердце. Ах, Анита, я просто не заслуживаю такого счастья!

Анита Бонсал, отодвинув от себя тарелку, играла ножкой пустого бокала, стараясь скрыть сверкавшую в глазах злость.

— День свадьбы уже назначен? — поинтересовалась она, сосредоточив свой взгляд на бокале.

— Мы поженимся сразу, как только придет тетя Луиза. Мне очень хочется, чтобы она присутствовала у меня на свадьбе, и, разумеется, ты тоже, дорогая.

— И скоро твоя тетя Луиза придет?

— Думаю, что завтра или послезавтра.

— Ты написала ей?

— Конечно. Она собирается прилететь ночным рейсом. Я выслала ей запасной ключ, чтобы она в любое время смогла попасть в квартиру.

Анита ничего не ответила, но Фей очень хотелось еще поболтать.

— Ты же знаешь, как трудно понять Дейна. Ведь на первых порах он встречался с тобой не реже, чем со мной, а потом вдруг всецело переключился на меня. Тебе-то при твоей сказочной популярности у мужчин все равно, а для меня это очень серьезно.

— Прими всяческие поздравления, дорогая, — сказала Анита.

— Уж не думаешь ли ты, что у нас ничего с ним не получится, Анита? Что-то не слышу в твоём голосе особого воодушевления.

— Разумеется, все у вас получится! А восторга я не выражаю лишь потому, что эгоистична; твоё замужество многое изменит в моей жизни — начнутся хлопоты с квартирой и все такое. Ладно, пошли мыть посуду, а то у меня сегодня свидание, да и ты, надо полагать, не останешься коротать время в одиночестве.

— Нет, сегодня Дейн не придет. Вечером должна состояться церемония в его холостяцком клубе, где он платит штраф или выкуп, что-то в этом роде, у них там будет превеселенький мальчишник.

— Уеду-ка я в конце недели денёк на три подальше от всех этих перемен, — сказала Анита, — а потом начну подыскивать новую подругу — снимать эту квартиру мне одной не по карману. Компаньонка, может, и не сразу, но отыщется, хотя в душе я чем-то сродни волку-одиночке и не очень хорошо уживаюсь с женщинами.

Приводя в порядок квартиру, Фей Эллисон не прекращала своей оживленной и беззаботной болтовни, в то время как Анита преимущественно молчала, ловко управляясь с мытьем посуды.

Когда все тарелки были перемыты и убраны, Анита быстро переоделась в черное вечернее платье, накинула на себя меховое манто и, улыбувшись подруге, сказала:

— Тебе, дорогая, не мешало бы на ночь принять снотворное, уж больно ты сегодня возбуждена.

— Я, наверное, заговорила тебя до смерти, — с виноватым видом ответила ей Фей. — Я... Я почитаю книжку и буду дожидаться твоего возвращения.

— Не надо, — сказала Анита, — я вернусь поздно.

— Какая ты всегда таинственная, Анита, — с легкой завистью проговорила Фей. — Мне ведь даже ничего не известно о твоих друзьях. А тебе никогда не хотелось выйти замуж и обзавестись собственным домом?

— Нет, это не для меня. Я слишком люблю независимость, мне и так неплохо. — Сказав это, Анита выскользнула из квартиры и тихо закрыла за собой дверь.

Она проследовала к лифту, вошла в кабину и нажала кнопку вестибюля. На третьем этаже она остановила лифт, и кабинка дребезжа поползла вверх, к седьмому этажу.

Анита неторопливо раскрыла сумочку, достала ключ, пошла по длинному коридору и, быстро оглянувшись, отперла ключом дверь под номером 702.

Карвер Л. Клементс оторвал взор от газеты, вынул изо рта сигару, быстро оглядел Аниту с выражением одобрения на лице и, стараясь, чтобы голос его звучал бесстрастно, произнес:

— Долго же ты собиралась.

— Мне пришлось выслушать счастливый лепет подруги. Она выходит замуж за Дейна Гроувера.

— Да что ты говоришь!

— По всей видимости, в одном из припадков нежных чувств он совсем потерял голову, и его намерения стали вдруг серьезными и благородными, — со злостью в голосе сообщила Анита. — Фей уже написала своей

Известный американский писатель Эрл Стенли Гарднер (1899—1970) двадцать четыре года занимался адвокатской практикой в штате Калифорния, где приобрел широкую известность как защитник прав национальных меньшинств, считавшихся в США гражданами второго сорта.

Литературным героем подавляющего большинства произведений Гарднера-писателя стал адвокат по уголовным делам Перри Мейсон, который, воюя с косностью полиции и рискуя своей карьерой, а иногда даже свободой и личной безопасностью, отстаивает благородные принципы адвокатуры и блестяще защищает невинных людей, обвиняемых в совершении тяжких преступлений.

Неудивительно, что его произведения пользуются до сих пор громадным спросом, а тиражи его книг столь велики, что Э. С. Гарднер зарегистрирован в книге мировых рекордов Гиннеса как самый популярный беллетрист всех времен и народов.

Эрл Стенли ГАРДНЕР

ДЕЛО ОГ ОТПЕЧАТКО ГИГ

тетке, и как только та приедет, состоится свадьба. Карвер Клементс слегка повернулся в кресле.

— Мне сдается, что ты сама была влюблена в Дейна Гроувера.

— Так вот что последнее время не давало тебе покоя!

— Все же была или не была?

— Конечно, нет!

— Знаешь, любовь моя, — продолжал Клементс, — мне бы очень не хотелось потерять тебя именно сейчас.

— Уж не воображаешь ли ты, что я твоя собственность? — возмутилась она. — Ты взял меня напрокат, и ничего больше.

— Давай лучше называть это арендой.

— Да, но это бессрочная аренда, и я по своему усмотрению в любой момент могу прекратить ее, — яростно уточнила она. — И, пожалуйста, изволь вставать, когда я вхожу в комнату. Галантность еще никому не вредила.

Клементс поднялся с кресла. Он был похож на паука с длинными конечностями, плотным коротким туловищем и совсем лысой головой; изъяны его фигуры, однако, скрадывались искусно скроенной одеждой, которая стоила немалых денег.

— Ну и злючка! В такие моменты ты мне еще больше нравишься. Пойми, Анита, я играю наверняка. Как только мне удастся оформить развод...

— Надоело слушать про твой развод! — прервала она его. — Ты рассказываешь одну и ту же сказку...

— Это совсем не сказка. Развод связан с очень коварной проблемой — разделом имущества, и я просто не имею права показывать свое нетерпение. Ты же понимаешь, ты не можешь не знать о таких вещах!

— Я знаю только, что мне надоело твои басни и надоело работать! Чем тратить на мое содержание, распорядился бы частью имущества в мою пользу, оформил бы дарственную, раз уж играешь наверняка.

— Чтобы адвокаты жены снова потянули меня в суд и устроили финансовую ревизию, слежку за расходами?

— Тогда выдели сумму наличными.

— Чтобы всем на свете стало ясно, для чего я взял деньги из банка? Не будь глупышкой!

— Не буду, постараюсь быть практичной. Что, если я все-таки окажусь втянутой в ваши семейные дрязги? Подумай о том, чем я рискую!

Не переставая изучать ее мрачным взглядом, он ответил:

— Ты очень мне нравишься, Анита, и я многое готов для тебя сделать. Мне нравится этот огонь в тебе, но я хотел бы видеть его в твоём сердце, а не на языке. Мой автомобиль на стоянке перед домом. Ступай вниз,

садись в него и жди, а я спущусь к тебе минут через пять.

— Отчего мы встречаемся украдкой, словно ты стыдишься показываться со мной на людях? Как будто...

— Ты что, хочешь предоставить моей жене возможность, которой она все время так добивается? Уж тогда-то нам не миновать скандальной огласки! Раздел имущества будет оформлен через пять-шесть недель. После этого я, хвала всевышнему, смогу жить в свое удовольствие, как мне заблагорассудится. А пока... Пока же, моя дорогая, нам придется благоразумно скрывать наши безрассудства.

Она собралась было сказать ему что-то резкое, но сдержалась и, круто повернувшись, вышла из квартиры.

Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

Карверу Клементсу принадлежал большой роскошный автомобиль, оснащенный всеми удобствами. Продав несколько минут, Анита почувствовала, как под тонкий нейлон чулок и белья к ней пробирается холод; она повернула ключ зажигания и потянула на себя ручку обогрева салона. Прежде чем ее ноги ощутили ласковый поток теплого воздуха из обогревателя, прошло еще минуты две.

Наконец ее терпение стало иссякать. Она распахнула дверцу машины, подошла к дому и с остервенением нажала кнопку квартиры 702. Не услышав ответа, она предположила, что Клементс, должно быть, спускается в лифте, отступила в тень и стала с нетерпением ждать, испытывая безотчетное желание что-нибудь разбить вдребезги. Клементс, однако, не появлялся.

Анита отомкнула своим ключом парадную дверь и вошла в дом. Кабина лифта стояла на первом этаже. Теперь Анита не делала попыток замаскировать свои передвижения по дому и сразу нажала кнопку седьмого этажа. Выйдя из лифта, она решительно направилась к нужной двери, со скрежетом вогнула ключ в замочную скважину и шагнула в квартиру.

Карвер Л. Клементс, одетый для выхода на улицу, лежал распростертым на полу.

В двух шагах от него валялся высокий стакан, очевидно, выпавший из его руки; остатки содержимого выплеснулись на ковер. Цвет лица Клементса имел странный оттенок, а в комнате стоял резкий горьковатый запах, который Анита ощутила еще более явственно, наклонившись к покрытым пеной губам Клементса. С тех пор как она в последний раз вышла из этой квартиры, в ней, по всей видимости, побывал какой-то посетитель: на лбу плешивой головы лежащего пылал ярко-вишневый отпечаток полураскрытых губ.

С ловкостью, приобретенной на курсах первой помощи, пальцы Аниты отыскали на запястье лежащего нужное место, но нащупать пульс не смогли.

Она раскрыла свою сумочку, достала серебряный портсигар и поднесла его гладко отполированную поверхность к губам лежащего; блестящее серебро несколько не затуманилось.

Карвер Л. Клементс — богатый плейбой¹, яхтсмен, биржевой маклер, игрок на крупные ставки — был, вне всякого сомнения, мертв.

Анита Бонсал быстро оглядела квартиру. Здесь находилось слишком много вещей, свидетельствовавших о ее тайных, но регулярных посещениях — ночные

халаты, нижнее белье, туфли, чулки, шляпы, даже ее зубные щетки и любимая паста.

Анита повернулась к двери и тихо вышла. Она не воспользовалась лифтом, а спустилась по лестнице на шестой этаж в свою квартиру.

Для Фей Эллисон, слушавшей по радио музыкальную передачу, появление Аниты оказалось приятным сюрпризом.

— О, как хорошо, что ты пришла, Анита! Я боялась, что ты вернешься действительно поздно. Что-нибудь случилось? Ты ведь совсем недавно ушла.

— У меня зверски разболелась голова, — ответила Анита. — К тому же мой кавалер оказался навеселе, я дала ему пощечину и вернулась домой. Хорошо бы посидеть с тобой и послушать твои планы на будущее,

но у меня действительно трещит голова, а тебе нужно хорошенько выспаться, чтобы завтра предстать перед женихом во всем блеске своей красоты.

Фей засмеялась.

— Мне так не хочется тратить время на сон. Когда я не бодрствую, то теряю возможность упиваться своим счастьем.

— И тем не менее, — твердо заявила Анита, — сегодня мы ляжем спать пораньше. Сейчас разденемся, облечемся в пижамы, выпьем шоколаду и поболтаем у электрокамина ровно двадцать минут!

— Как хорошо, Анита, что ты вернулась!

— Пойду приготовлю шоколад, — сказала Анита. — Сегодня будем пить сладкий. О своей фигуре начнешь беспокоиться с завтрашнего дня. К тому же замужней женщиной ты станешь прежде, чем потолстеешь от сегодняшней порции.

Анита пошла на кухню, раскрыла свою сумочку, достала из нее трубочку со снотворным и высыпала в чашку добрую половину таблеток. Она тщательно растолкла таблетки в порошок и плеснула в чашку горячей воды, в которой растворилось почти все снотворное. Затем она поставила на плиту шоколад, добавила в него молока, растопленного зефира и крикнула:

— Можешь раздеваться, дорогая! Я переоденусь в пижаму после того, как мы напьемся шоколада!

Когда она с двумя дымящимися чашками, увенчан-

¹ Плейбой — любитель удовольствий и развлечений, повеса.

ными пенкой из расплавленного зефира, вернулась в комнату, Фей была уже в пижаме.

Анита подняла свою чашку.

— За твоё счастье, дорогая!

— За большое-пребольшое счастье,— мечтательно отозвалась Фей.

После того, как они выпили по чашке, Анита уговорила Фей выпить еще одну и позволила ей помечтать вслух до тех пор, пока язык подруги от сонливости не начал выговаривать бессвязные фразы.

— Анита, меня вдруг ни с того ни с сего потянуло в сон. Наверное, это реакция после возбуждения. Дорогая, ничего, если я... Ты не будешь сердиться, если я...

— Конечно нет, дорогая,— ответила Анита, помогая Фей улечься в постель, осторожно накрыла ее одеялом и принялась тщательно обдумывать сложившуюся ситуацию.

О том, что Карвер Клементс тайком от жены снимал квартиру в этом доме, было известно лишь нескольким его близким знакомым. Эти люди знали о его семейном разладе и догадывались, для чего он нанял здесь жилье. К счастью, им никогда не доводилось встречаться с Анитой. Она была также уверена, что не сердечный приступ послужил причиной смерти Клементса, а какой-то быстродействующий смертельный яд. Бессмысленно гадать, каким образом или почему Клементс был отравлен. У Карвера Клементса, помимо влиятельных друзей, имелось немало могущественных врагов.

Полиция станет искать женщину.

Если бы не эта безотрадная связь с Карвером Клементсом... Анита любила Дэйна Гроувера. Но теперь все в прошлом. Фей Эллисон с ее большими голубыми глазами и мягким, доверчивым характером превратила Дэйна Гроувера из разочарованного повесы в пылкого влюбленного. Однако наш мир создан не для простаков, здесь выживают и устраиваются лишь хитрые. Анита мыла посуду, а вытирала ее Фей Эллисон, ее-то отпечатки пальцев и оставили на стаканах и тарелках. Домоуправление позаботилось обезопасить все квартиры одинаковыми комплектами посуды, что значительно упростило задачу Аниты. Она, разумеется, наденет перчатки. В тайном убежище Карвера Клементса полиция обнаружит пеньюары, принадлежащие Фей Эллисон; полицейские найдут, кроме того, стаканы с отпечатками ее пальцев, а когда придут допрашивать ее, то догадываются, что Фей выбрала самый легкий выход из тулика — большую дозу снотворного.

Анита даст показания, которые помогут правосудию составить из имеющихся фактов омерзительную картину. Девушка стала любовницей богатого плейбоя, затем повстречала более молодого и привлекательного человека, предложившего ей замужество. Она пошла просить Клементса, чтобы тот отпустил ее, но плейбой не такой человек, чтобы отпустить подобную поздраву молодую любовницу. Тогда Фей подсыпала ему в стакан смертельного яда, но случайно попала в ловушку — домой неожиданно вернулась Анита, и Фей не смогла тайком забрать из квартиры Клементса свои вещи. Именно к такому заключению приведет следствие показания Аниты. Разумеется, сама она будет ошеломлена, шокирована, однако на вопросы полиции отвечать не откажется.

В течение трех часов Анита Бонсал хладнокровно ждала, когда уgomонятся все жильцы в доме, затем взяла чемодан и спокойно принялась за дело, двигаясь плавно и быстро, как и подобает женщине, привыкшей не выпускать из виду ни малейшей детали.

Все закончив, она вернулась к себе, тщательно вытерла ключ от квартиры 702 и бросила его в сумочку Фей Эллисон. Затем она растолкла все, за исключением шести, таблетки снотворного, оставшиеся в трубочке, и смешала получившийся порошок с остатками шоколада в банке, после чего надела пижаму, проглотила последние шесть таблеток и, смыв горячей водой этикетку, выбросила пустую стеклянную трубочку из окна. Сделав это, она улеглась поудобнее и потушила свет.

В восемь утра горничная приходит убирать квартиру. Она должна обнаружить двух неподвижных девушек — одну мертвую, другую — до оцепенения опоенную снотворным.

Самая большая доза, которую прописывает врач, — две таблетки снотворного. Анита же приняла целых шесть, и теперь в ее сознании зашевелился червь сомнения. На какое-то мгновение ее охватила паника. Не приняла ли она чересчур большую дозу? Не может ли случиться так, что... Не дай бог...

Но было уже поздно. Начало сказываться наркотическое действие лекарства, заставившее сознание покорно замолчать.

Анита еще успела подумать, не позвонить ли в аптеку и спросить... но через мгновение уже спала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда Луиза Марло, утомленная длительным воздушным путешествием, расплачивалась за такси, водитель участливо поинтересовался:

— Может, мне подождать, пока вы не узнаете, дома ли ваши?

— У меня есть ключ,— ответила она.

— А как с багажом?

— Не беспокойтесь, как-нибудь справлюсь.

Водитель поднес багаж к парадной двери. Луиза Марло встала в скажину ключ, который переслала ей Фей Эллисон, благодарно улыбнулась водителю такси и взяла свои вещи.

Шестидесяти пяти лет от роду, со строгим взглядом, прямыми плечами и широкой костью, она повидала на своем веку довольно всяких превратностей судьбы и злоключений, заставивших ее выработать свою собственную и не лишнюю здравого смысла жизненную философию. Всех, кто был ей дорог, она старалась окружить защитной броней своей любви.

Нимало не смущаясь тем, что уже час ночи, она спокойно проследовала по вестибюлю к лифту, с грохотом бросила чемодан и портфель в угол кабины и ткнула пальцем в кнопку шестого этажа.

Лифт лениво пополз вверх и, дрогнув, остановился. Дверь медленно раскрылась, и тетка Луиза пошла по полусвеченному коридору, разглядывая поверх очков номера квартир. Наконец она отыскала нужную дверь, ключом открыла замок, нащупала выключатель и, щелкнув им, объявила:

— Фей, это я!

Ответа не последовало. Тетка Луиза втащила вещи в квартиру, захлопнула дверь и весело крикнула:

— Не стреляйте! Кто-то отказался от билета на более ранний рейс, и я взяла его, вот и прилетела пораньше.

Ответное молчание начало ее беспокоить. Она приблизилась к спальне.

— Проснись же, Фей. Это я, твоя тетка Луиза!

Она включила в спальне свет, улыбнулась при виде двух спящих девушек и проговорила:

— Ну что же, раз вы намерены проспать все на свете, я постелю себе на кушетке и поприветствую вас утром.

Тут ее внимание привлек необычный цвет лица племянницы, и в глазах Луизы Марло искры дружелюбно-го смеха сменились суровой сосредоточенностью.

— Фей! — позвала она снова.

Девушки продолжали спать, никак не реагируя на ее голос. Тетка Луиза подошла к племяннице и начала ее тормошить, затем принялась трясти Аниту Бонсал. От этого встряхивания из наркотического небытия Анита перешла в полубессознательное состояние.

— Кто это? — вымолвила она заплетающимся языком.

— Луиза Марло. Я прихожусь теткой Фей Эллисон; мне удалось прилететь более ранним рейсом. Что тут происходит?

— Не знаю... Шоколад... Мы пили горячий шоколад, и я почувствовала, как... Не помню... Не могу вспомнить... Хочу спать...

Расслабив шею и уронив голову на грудь, она повисла на руках Луизы Марло.

Тетка Луиза уложила ее на кровать, схватила телефонный справочник и, быстро листая его, вскоре нашла нужную фамилию: Перри Мейсон, адвокат. В справочнике был указан телефон и для ночного времени: Уэстфилд, 6-59-43. Луиза Марло набрала этот номер.

В сыском агентстве Дрейка телефонистка, дежурившая на коммутаторе, подняла трубку и сказала:

— Ночной телефон мистера Перри Мейсона. Кто говорит?

Твердым, спокойным голосом тетка Луиза ответила:

— Говорит Луиза Марло. Я не знакома с Перри Мейсоном, но хорошо знаю его секретаршу Деллу Стрит; свяжитесь, пожалуйста, с ней и сообщите, что я нахожусь у телефона Кистон 9-7600 в весьма затруднительном положении и хочу, чтобы она позвонила мне как можно скорее. Вы ей только сообщите, что звонила тетка Луиза, и Делла не замедлит найти меня. Возможно, вскоре появится надобность связаться и с самим мистером Мейсоном, но сначала мне абсолютно необходимо переговорить с его секретаршей.

Луиза Марло повесила трубку и собралась ждать. Однако не прошло и минуты, как телефон зазвонил, и в трубке послышался голос Деллы Стрит:

— Хэлло, Луиза Марло, что это вы делаете в городе?

— Меня пригласила на свадьбу моя племянница Фей Эллисон,— ответила тетка Луиза.— Теперь слушай, Делла. Я нахожусь в квартире, которую снимает Фей. Девочку чем-то опоили, и мне никак не разбудить ее. Аниту Бонсал, подругу племянницы, тоже опоили, но ее удалось растормошить, хотя она опять заснула. Девочек пытались отравить! Мне нужно, чтобы ты прислала сюда хорошего доктора, который умеет держать язык за зубами. Не знаю, что за всем этим кроется, но завтра Фей должна выйти замуж. Кто-то хотел порешить ее, и нужно выяснить, кто и зачем. Но имей в виду, если хоть капелька из этого просочится в газеты, я самолично сверну кому-нибудь шею. Сейчас я говорю из квартиры под номером 604 в мезблингах «Мандрагора». Срочно направь сюда доктора, затем, пожалуйста, свяжись с Перри Мейсоном и...

— К вам немедленно будет направлен хороший врач, миссис Марло,— прервала ее Делла Стрит.— Я только что вошла к себе. Мы с Перри Мейсоном и Полом Дрейком — частным детективом, который

обслуживает нас,— ужинали в ночном клубе с одним из наших клиентов, и несколько минут назад мистер Мейсон проводил меня домой, так что сейчас он уже должен быть у себя. Не волнуйтесь и ждите. Я принимаюсь за работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда тетка Луиза открыла дверь, Делла Стрит сказала:

— Миссис Марло, знакомьтесь, это Перри Мейсон. А это, шеф, и есть та самая «тетка Луиза» — старый добрый друг из моего родного города.

Луиза Марло подала знаменитому адвокату руку и улыбнулась, Деллу Стрит она поцеловала со словами:

— Ты нисколько не изменилась, Делла. Но приступим к делу. У нас беда. Нельзя допустить, чтобы газеты хоть что-нибудь пронохали об этом. Ваш коновал уже здесь. Как сделать, чтобы он не проболтался?

— Что доктор говорит?

— Он развил такую бурную деятельность, что за ним просто невозможно поспеть. Анита пришла в сознание, да и Фей уже вне опасности. Появись я на час позже, и спасти ее не удалось бы.

— Что все-таки произошло? — спросил Мейсон.

— Кто-то подсыпал снотворное в шоколад или сахар.

— Можно кого-либо подозревать? — поинтересовался адвокат.

— Фей собиралась замуж за Дэйна Гроувера. Из ее писем я поняла, что это очень обеспеченный, но скромный молодой человек; несколько лет назад он пережил неудачный роман с одной девочкой, заставивший его разочароваться в жизни и разувериться в людях, во всяком случае, так ему казалось. Циник в двадцать шесть лет — какая чепуха!

Мейсон улыбнулся.

— Сюда я попала примерно в час ночи. Квартира была заперта, так что пришлось воспользоваться ключом, который Фей прислала по почте. Когда я зажгла свет, мне не понравился цвет лица племянницы. Попыталась разбудить ее, но безуспешно, а вот Аниту растормошить удалось, и она заявила, что во всем виноват шоколад, который они пили перед сном. После этого я созвонилась с Деллой. Вот примерно и все, что мне самой об этом известно.

— Где чашки, из которых девушки пили шоколад? — спросил Мейсон.

— В раковине на кухне — невымытые.

— Они могут понадобиться как вещественные доказательства,— сказал Мейсон.

— Это еще какие вещественные доказательства? — разъярилась Луиза Марло.— Я не желаю, чтобы полиция вмешивалась в это дело. Представьте, чем это все кончится, если какой-нибудь газетный щелкопер вдруг распустит чернильные нюни по поводу невесты, пытавшейся покончить с жизнью накануне свадьбы!

— Давайте осмотрим помещение,— предложил Мейсон.

Адвокат принялся расхаживать по квартире, пытаясь понять, что произошло. За ним следовала тетка Луиза, а Делла Стрит время от времени давала советы, подсказанные ей женской интуицией. Мейсон кивал головой. Он постоял немного у двух пальто, перекинутых через спинку кресла, затем остановился при виде двух дамских сумочек.

— Какая из них принадлежит Фей Эллисон? — спросил он.

— Убей меня бог, если я знаю. Хотя это легко установить,— ответила тетка Луиза.

— Вот вы вдвоем и начните устанавливать,— посоветовал Мейсон.— Тщательно осмотрите содержимое этих сумочек. Постарайтесь найти что-нибудь вроде письма с намеком на посещение, визитной карточки или записки.

Из спальни появился врач и сказал:

— Мне нужно вскипятить воду для инъекции.

— Каково их состояние? — поинтересовался адвокат, когда миссис Марло вышла на кухню.

— Брюнетка вне опасности,— ответил доктор,— и думаю, что блондинка тоже выкарабкается.

— Когда я смогу опросить их?

Врач с сомнением покачал головой.

— Я бы не советовал делать это сейчас, они могут сбить вас с толку. Девушки все еще находятся под влиянием снотворного; брюнетка, похоже, заговаривается и сама себе противоречит. Подождите часок-другой и, может, добьетесь от нее чего-нибудь путного, пока же она несет околесицу.

Вода для укола вскипела, и доктор вернулся в спальню. К Мейсону подошла Делла Стрит и тихо сообщила:

— Я обнаружила что-то непонятное, шеф.

— Что именно?

— Посмотрите, на ключах выбиты номера квартир. Ключи от этой квартиры оказались в сумочках обеих девушек, а вот в сумочке Фей Эллисон лежал еще и ключ, на котором выбита цифра 702. Зачем ей понадобился ключ от чужой квартиры?

Мейсон раздумывал, сощурив глаза.

— А что сказала по этому поводу миссис Марло?
— Она еще ничего не знает. Сумочка Фей попалась мне, а тетка Луиза осматривала сумочку Аниты.
— Нашли еще что-нибудь, позволяющее делать предположения?
— Абсолютно нигде ничего.
— О'кей,— сказал Мейсон.— Я собираюсь заглянуть в квартиру 702. Вам, Делла, пожалуй, следует пойти со мной.

Луизе Марло он так объяснил свою предстоящую отлучку:

— Мы хотим пойти немного осмотреться. Вернемся через несколько минут.

Они доехали на лифте до седьмого этажа, подошли к двери квартиры 702, и Мейсон большим пальцем нажал кнопку звонка. Из квартиры донеслось гудение зуммера, но каких-либо звуков, которые обычно издают разбуженные среди ночи люди, они так и не различили.

— Не следовало бы рисковать,— промолвил Мейсон,— но я на всякий случай все же загляну внутрь.

Он воспользовался ключом, который Делла Стрит нашла в сумочке Фей Эллисон, и, щелкнув замком, осторожно приоткрыл дверь. Их встретило яркое электрическое сияние, струящееся из распахнутой двери гостиной; оно освещало распростертое на полу тело и высокий стакан, выкатившийся из мертвых пальцев.

В это время дверь квартиры на противоположной стороне холла резко распахнулась. Выскочившая из нее молодая женщина в накиннутом на плечи купальном халате и с растрепанными волосами гневно выпалила:

— Когда вы только прекратите развешивать здесь среди ночи, неужели вам не понятно...

— Нам понятно,— прервал ее тираду Мейсон и, втащив Деллу Стрит в квартиру, захлопнул дверь ударом каблука.

Прижавшись к руке Мейсона, Делла увидела лежащего на полу человека с ярко-вишневым пятном губной помады на лбу, затем оглядела комнату, опрокинутый стул, валяющийся на ковре стакан, пустой стакан на столе. Она дышала тяжело и часто, словно после быстрого бега, но сохраняла молчание.

— Осторожно, Делла, ни к чему нельзя прикасаться.

— Кто это?

— Очевидно, вещественное доказательство номер один. Как вы думаете, та сердитая дама из квартиры еще стоит в холле? Хотя так или иначе нам придется рискнуть.

Накрыв дверную ручку носовым платком, он повернул ее и бесшумно раскрыв дверь. У квартиры напротив никого уже не было. Жестом Мейсон предупредил Деллу, чтобы она молчала. Они на цыпочках выскользнули в холл и осторожно закрыли за собой дверь. Когда послышался щелчок дверного замка, на седьмом этаже остановился лифт. Из него появились трое мужчин и женщина, они торопливо пошли по коридору в сторону адвоката и его секретарши.

— Держитесь как можно непринужденней, Делла,— услаивающе проговорил Мейсон вполголоса.— Сделаем вид, будто возвращаемся от друзей, допоздна засидевшись за картами.

Они ощутили на себе любопытные взгляды идущей им навстречу компании и слегка посторонились; когда все четверо прошли мимо них, Мейсон взял Деллу за руку и произнес:

— Не торопитесь, Делла, сохраняйте спокойствие.

— Если мы снова попадемся им на глаза, они непременно вспомнят, где повстречали нас. Эта женщина так внимательно разглядывала меня, что...

— Знаю,— сказал Мейсон.— Будем, однако, надеяться... Ох-ох-о!

— Что такое?

— Они направляются в семьсот второй номер!

Четверка и впрямь остановилась перед этой квартирой. Кто-то из мужчин нажал кнопку звонка. Почти одновременно распахнулась дверь квартиры напротив, и резко прозвучал крик женщины в купальном халате:

— Я вся измучилась от бессонницы! Невозможно заснуть от ваших...

Увидев знакомых людей, она осеклась. Мужчина, нажавший кнопку, широко улыбнулся и густым раскатистым голосом, хорошо слышным по всему коридору, сказал:

— Виноваты, мэм, но я дал всего один коротенький звонок.

— Те гости, что пришли до вас, устроили тут целый перезвон.

— Они там, в квартире? — спросил мужчина и, колебавшись немного, добавил: — Ну что же, раз у него гости, не будем их беспокоить.

Мейсон завел Деллу Стрит в лифт и нажал кнопку vestibюла.

— Что же нам теперь делать? — спросила секретарша.

— Теперь,— ответил Мейсон резким от досады голосом,— мы позвоним в полицию и сообщим о случае насильственной смерти. Это единственное, что можно сделать.

В вестибюле стояла телефонная будка. Мейсон опустил в щель таксофона монету, набрал номер полицейского управления и передал, что им обнаружен труп

мужчины при обстоятельствах, которые позволяют предполагать вероятность насильственной смерти. Он сообщил, что ни к чему не прикасались и незамедлительно ставит полицию в известность о своей находке.

Пока Мейсон говорил по телефону, четверо людей вышли из лифта. Стоявшая возле будки Делла Стрит ясно ощутила запах алкоголя, когда они проходили мимо нее к парадной двери; женщина оглядела Деллу с ног до головы по-женски цепким, не упускающим ни малейшей детали взглядом.

Затем адвокат позвонил Луизе Марло в квартиру 604.

— Уговорите доктора, чтобы он немедленно перевел своих пациенток в частную лечебницу, где им будет обеспечен полный покой,— сказал он.

— Доктор, кажется, считает, что девочки прекрасно поправятся и здесь.

— Я не доверяю врачам, которые «кажется, считают»,— настаивал Мейсон,— и предлагаю немедленно перевести девушек в лечебницу, чтобы обеспечить им полный покой.

Луиза Марло не отвечала добрых три секунды.

— Вы меня слышите? — поинтересовался адвокат.

— Слышу,— ответила она.— Я пытаюсь сообразить.

— Я считаю, что пациенткам должен быть обеспечен полный покой,— повторил Мейсон.

— Черт возьми,— рассердилась Луиза Марло.— Когда вы произнесли это в первый раз, я не поняла намека. Со второго раза мне стало ясно. Вам незачем изображать испорченную пластинку. Я пыталась сообразить, как можно уговорить доктора.

Мейсон услышал, как на другом конце провода бросили трубку, и улыбнулся. Затем он достал из кармана ключ с номером 702, вложил его в конверт, на котором написал адрес своей конторы, наклеил марку и опустил конверт в почтовый ящик у лифта.

Вышедшие из дома четверо посетительниц сидели в машине, споря о чем-то. Они, очевидно, резко расходились во мнениях относительно того, что делать дальше. Но вот послышался вой полицейской сирены, заставивший всю четверку принять единодушное решение. Когда к поребрику подруливал полицейский автомобиль, их машина уже тронулась с места. Красный луч полицейского прожектора осветил ее пассажиров, еще несколько раз прозвучала сирена, призывая их остановиться, но водитель в машине лишь оглянулся через плечо и нагнал газу.

Полицейский автомобиль яростно рванулся в погоню, и минуты через три машина с четырьмя присмирившими пассажирами снова подъехала к фасаду «Мандрагоры», а полицейский эскорт не отставал от беглянки, покуда она не замерла у поребрика. К ней подошел полицейский с рацией и, отобрав у водителя ключи, проводил незадачливых гостей к парадной двери дома.

Мейсон поспешил через вестибюль открыть дверь.

— Меня интересует человек, сообщивший, что обнаружен труп,— сказал полицейский с рацией.

— Это я. Моя фамилия Мейсон. Тело находится в семьсот второй квартире.

— Тело? — взвизгнула женщина.

— Замолчите,— приказал ей полицейский.

— Но мы же знаем... Вам же сказали, что мы приехали в семьсот вторую... Мы...

— Да, я помню, вы навещали приятеля по имени Карвер Клементс, проживающего в семьсот второй квартире. Как он себя чувствовал, когда вы с ним расставались?

Последовало неловкое молчание, затем женщина ответила:

— Вообще-то мы даже не заглянули в квартиру, а лишь постояли у двери. Женщина из квартиры напротив сказала нам, что у него гости, и мы ушли.

— Сказала, что у него гости?

— Да, но мне кажется, что гости к тому времени уже покинули квартиру. Это были вон те двое.

— Надо взглянуть,— сказал полицейский.— Пройдемте.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Начальник отдела по расследованию убийств лейтенант Трэгг закончил осмотр квартиры и устало произнес, обращаясь к Мейсону:

— Надеюсь, вы уже успели сочинить правдоподобную версию о том, как это все случилось?

— По правде говоря, мне этот человек абсолютно незнаком. Живым я его никогда не видел,— ответил Мейсон.

— Понятно,— саркастически промолвил Трэгг.— Он понадобился вам в качестве свидетеля дорожной катастрофы или какого-нибудь другого происшествия, поэтому вы и решили заскочить к нему ни свет ни заря. Мейсон ничего не ответил.

— Вам это может показаться странным,— продолжал Трэгг,— но меня очень интересует, как вы сюда попали. Женщина, проживающая напротив, утверждает, что вы стояли перед дверью не менее двух минут и звонили. Затем, когда она вышла из своей квартиры, чтобы высказать вам пару ласковых слов, приняв вас за подвыпившего гуляку, пытающегося разбудить охладившую к нему подружку, она услышала звук открываемого замка.

Мейсон угрюмо кивнул головой.

— Либо кто-то отомкнул эту дверь, либо она не была заперта,— развивал свою мысль Трэгг.— Не будь она заперта, вряд ли вы звонили бы в течение двух минут, не попытавшись толкнуть ее. Если за дверью кто-то был, меня интересует, кто именно. Может быть, скажете, кто впустил вас в эту квартиру?

— У меня был ключ.

— Ключ? Как бы не так!

Мейсон кивнул головой.

— Тогда покажите мне его.

— К сожалению, теперь его у меня нет.

— Вот тебе на! — удивился Трэгг.— Чем дальше, тем интереснее. Куда же вы его подевали, Мейсон?

— К сожалению,— отвечал адвокат,— этого-то я и не могу вам сказать.

— Не болтайте глупостей! Мы расследуем убийство!

— Ключ попал ко мне не совсем обычным путем. Я его нашел.

— Чепуха! Его дал вам клиент.

— Почему вы так решили?

— По-моему, это естественное предположение.

Мейсон улыбнулся.

— Ну что же, лейтенант, раз вы решили перейти в область чистой фантазии, то почему бы вам не предположить, что этот клиент мог перекупить аренду квартиры и ради своего спокойствия нанял меня проследить за выселением прежнего съемщика — лежащего теперь на полу джентльмена, который незаконно продолжал занимать эти апартаменты.

— И вы в этот несусветный час пришли выселять его?

— А что, если договор о субаренде вступал в силу лишь в полночь?

У Трэгга сузились глаза.

— Хорошо придумано, Мейсон, но так мы ни к чему не придем. Ключ, который попал к вам, принадлежал покойному. Когда мы осматривали тело, то нашли только вещи, которые лежат сейчас на столе. Ключа от этой квартиры здесь не оказалось. Где же он?

Стараясь затянуть разговор, Мейсон вместо ответа сказал:

— А вы не заметили, что в стакане с ядом льда не было, хотя на столе, кроме бутылки виски и сифона, стоит термос, наполненный кубиками льда?

— Почему вы думаете, что не было?

— Да потому, что при падении стакана его содержимое выплеснулось на пол, оставив одно-единственное влажное пятно. Находясь в стакане кубики льда, они бы при падении выкатились на довольно значительное расстояние и, растаяв, оставили бы не одно, а несколько влажных пятен.

— Понятно,— с сарказмом в голосе отозвался Трэгг.— По-вашему, стало быть, выходит, что, решив покончить с счетами с жизнью, этот субъект поцеловал себя в лоб и...

Он замолчал при виде одного из своих агентов, который, спешно войдя, доложил:

— Лейтенант, по меткам из химчистки мы установили, кому принадлежат вещи.

Трэгг многозначительно посмотрел в сторону Мейсона.

— Я продолжу разговор с вами через минуту, please...

Агент вручил Трэггу сложенный вдвое листок бумаги. Трэгг развернул его и воскликнул:

— Черт меня побери!

Мейсон спокойно и уверенно встретил пылкий взгляд лейтенанта.

— Полагаю,— сказал Трэгг,— что это удивит и вас. Пальто, которое мы нашли в шкафу Клементса, сдавалось в химчистку некоей мисс Фей Эллисон, проживающей в квартире шестьсот четыре этого дома. На пальто имеется ее метка. Думаю, нам следует поговорить с этой особой, Мейсон, а чтобы вы не совершили ничего предосудительного, пока мы будем добираться до ее квартиры, мы вас прихватим с собой. Не исключено, что дорога туда вам уже знакома.

Они направились к лифту; в это время из его кабины вышла элегантно одетая женщина лет сорока и зашагала по коридору, разглядывая номера квартир. Трэгг встал у нее на пути.

— Разыскиваете кого-нибудь?

Женщина попыталась обойти его, но Трэгг отвернул лацкан своего пальто и показал полицейский значок.

— Я ищу квартиру семьсот два,— ответила женщина.

— Кто вам там нужен?

— Мистер Карвер Клементс, если вас это так интересует.

— Меня это очень интересует,— заверил ее Трэгг.— Кто вы такая и зачем пожаловали сюда?

— Я — миссис Карвер Л. Клементс и пришла сюда в связи с тем, что мне сообщили по телефону, будто мой муж тайком от меня содержит здесь квартиру.

— И вы впервые об этом узнали?

— Безусловно.

— И что же,— поинтересовался Трэгг,— вы собираетесь делать?

— Я собираюсь показать ему,— отвечала женщина,— что это не сойдет с рук. Раз уж вы полицейский, то не лучше ли будет, если вы проводите? Я почти уверена, что...

— Семьсот вторая квартира расположена справа по коридору,— сообщил Трэгг.— Я только что вышел оттуда. Там сейчас дежурит полицейский агент. Ваш муж убит в период между семью и девятью часами вечера.

Темно-карие глаза элегантной женщины широко раскрылись от удивления.

— Вы... Вы уверены?

— Мертв, как сардинка в масле,— ответил Трэгг.— Кто-то подсыпал ему цианистого калия в стакан. Надо полагать, вам ничего не известно об этом?

— Если мой муж мертв... Я просто не могу поверить этому,— медленно проговорила она.— Он слишком ненавидел меня, чтобы умереть. Пытаясь усмирить меня, он навязывал невыгодный раздел имущества.

— Иными словами,— резюмировал Трэгг.— вы не увидели его лютую ненавистью.

Миссис Клементс поджала губы.

— Я этого не говорила,— ответила она.

Трэгг ухмыльнулся и объявил:

— Вы пойдете с нами. Мы собираемся навестить в одну квартиру на шестом этаже. После этого я сниму оттиски ваших пальцев и проверю, не совпадают ли они с отпечатками на стакане, в котором не было яда.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дверь им открыла Луиза Марло. Она взглянула на Трэгга, затем на миссис Клементс. Приподняв шляпу, Мейсон с подчеркнутой вежливостью обратился к тетке Луизе:

— Простите, что беспокоим вас в столь неурочный час, но...

— Говорить буду я,— прервал его Трэгг.

Нарочито формальный тон адвоката не остался не замеченным теткой Луизой. Сделав вид, что не знает Мейсона, она ответила:

— Время действительно позднее, вы правы.

Трэгг выступил вперед.

— Здесь проживает Фей Эллисон?

— Да, здесь,— тепло улыбнулась ему Луиза Марло.— Вместе с другой девушкой, Анитой Бонсал, она снимает эту квартиру. Но сейчас их обеих нет дома.

— А где они?

— Этого я сказать не могу,— покачав головой, ответила тетка Луиза.

— А кто вы будете?

— Луиза Марло, я прихожусь теткой Фей Эллисон.

— Вы что, проживаете здесь?

— Вот еще, конечно, нет! Я только что приехала сюда для встречи с племянницей.

— Как же вы попали в квартиру, если девушек нет дома?

— Во-первых, у меня был ключ, а потом, я вовсе не говорила, что их не было дома, когда я прибыла сюда.

— Вы, кажется, сказали, что их сейчас нет дома? Действительно.

— В котором часу вы приехали?

— Примерно в час ночи.

— Давайте прекратим боксировать с тенью,— сказал Трэгг.— Перейдем к делу. Мне нужно повидать проживающих здесь девушек.

— К сожалению, обе заболели. Они лежат в больнице.

— Кто поместил их туда?

— Доктор.

— Как его фамилия?

Луиза Марло какое-то время колебалась, потом сказала:

— У них всего-навсего обычное пищевое отравление. Только.

— Как фамилия врача?

— Послушайте,— обратилась к полицейскому Луиза Марло,— девочкам очень скверно, их нельзя беспокоить и...

Лейтенант Трэгг прервал ее:

— В квартире этаким выше умер некий Карвер Л. Клементс. Похоже, что его убили. Есть основания предполагать, что Фей Эллисон жила с ним в его квартире и...

— Да как вы смеете такое говорить? — в негодовании воскликнула Луиза Марло.— Ведь это же прямо...

— Не горячитесь,— остановил ее Трэгг.— Там нашли одежду. По меткам химчистки было установлено, что это ее одежда.

— Одежда! — фыркнула Луиза Марло.— Скорее всего какие-нибудь обноски, которые она кому-то отдала или...

— Я как раз подхожу к этому,— терпеливо продолжал Трэгг.— Мне никому не хочется предъявлять необоснованные обвинения, лучше, если все будет по справедливости. Так вот, в той комнате обнаружены следы пальцев на стакане, на зубной щетке, на тубике зубной пасты. Я должен заполучить Фей Эллисон хотя бы на то время, которое потребуется для снятия дактилоскопических оттисков с ее пальцев. Если желаете скрыть от полиции теперешнее местонахождение племянницы, посмотрим, что завтра напишут об этом газеты.

Луиза Марло мгновенно приняла решение:

— Вы найдете ее в реабилитационной лечебнице Крестовью,— сказала она,— а если хотите заработать немного денег, то ставлю сотню против доллара на любую сумму, что...

— Я не заключаю пари,— сухо остановил ее Трэгг.— Для этого я слишком давно служу в полиции.

Он повернулся к одному из агентов и распорядился:

— Не своди глаз с Перри Мейсона и его очаровательной секретарши, близко не подпускай их к телефону, пока я не заполучу нужные пальчики. О'кей, пошли, ребята.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пол Дрейк, глава частного сыскного агентства, достал из кармана целый ворох исписанных листов и занял предназначенное для клиентов кресло в кабинете Перри Мейсона. Было всего десять тридцать утра, но лицо частного детектива уже носило следы утомления; он принял свою излюбленную позу — поперек большого кожаного кресла, перекинув длинные ноги через один мягкий подлокотник и упершись поясницей в другой.

— Кошмарная история, Перри,— произнес он.

— Давай разбираться,— отозвался Мейсон.

— Сегодня Фей Эллисон и Дейн Гроувер собирались пожениться. Прошедшим вечером Фей и Анита Бонсал, вместе с ней снимающая квартиру, уселись перед электрокамино и устроили нечто вроде маленького девичника. Они угощались горячим шоколадом. Хотя обе девушки ревностно следили за стройностью своих фигур, ради такого радостного события они решили дать себе послабление. Фей посчитала, что теперь ей нечего бояться полноты, и выпила две чашки шоколада. Анита же удовольствовалась одной, следовательно, можно предположить, что на долю Фей пришлось вдвое больше снотворного, чем на долю Аниты. Обе девушки потеряли сознание. Луизе Марло, которая приходит к Фей теткой, удалось разбудить Аниту, а Фей пришла в себя уже в лечебнице. Все остальное тебе хорошо известно. Дальше Трэгг отправляется в лечебницу и снимает у Фей Эллисон дактилоскопические оттиски, которые полностью идентичны отпечаткам пальцев на стакане. В деле фигурируют два стакана. Один из них полицейские называют орудием убийства. Он выпал из руки Карвера Клементса на пол. С него все пальцевые следы оказались начисто стерты. Полиция не смогла обнаружить на нем даже отпечатков самого Клементса. Пальцевые следы Фей найдены на стакане, стоявшем на столе. В ванной находилась ее зубная щетка. В шкафу было полно ее одежды. Выходит, что Фей жила с Клементсом. Мерзопакостная история! Дейн Гроувер пока не оставляет невесту в беде, но лично я считаю, что у него ненадолго хватит храбрости изображать всеобщее посмешище. Кому понравится, если газеты на первых своих полосках начнут шумно смаковать подробности романа твоей невесты с богатым плейбоем? Как сказала мне тетка невесты, Луиза Марло, никто его не осудит, если он публично отречется от своей суженой, разорвет помолвку с ней и уедет в длительное путешествие. Девушки же утверждают, что стали жертвой какого-то чудовищного заговора. Но кто мог так все спланировать? Кто, например, мог знать, что они собираются пить шоколад именно в то время, когда...

— Снотворное было в шоколаде? — прервал его Мейсон.

Дрейк утвердительно кивнул головой.

— Они употребили почти весь шоколадный порошок, но в том небольшом его количестве, что осталось в пачке, содержится весьма внушительная доза барбитурата.

Мейсон принялся играть карандашом.

— Полиция выдвинула версию,— продолжал Дрейк,— согласно которой Фей Эллисон была любовницей Карвера Клементса. Потом ей захотелось выйти замуж, но Клементс ни в какую не отпускал ее, тогда Фей подсыпала ему яду. Она предполагала вернуться и забрать свои вещи из его квартиры попозже, когда не будет риска, что в коридоре ее увидят, но тут неожиданно возвратилась Анита, и Фей Эллисон оказалась в ловушке. Она попыталась опохмелить Аниту снотворным, но это почему-то вышло у нее неудачно.

— Хорошенькая теория, нечего сказать,— заметил Мейсон.

— Придумай другую, которая лучше объяснит все известные нам факты,— ответил ему Дрейк.— Одно несомненно: Фей Эллисон систематически бывала в квартире семьсот два. Что касается Дейна Гроувера, то его этот факт может заставить отречься от своей невесты. Дейн — весьма впечатлительный малый. Он из уважаемой семьи, вряд ли ему понравится лицезреть свой портрет в газетах, да и у семейства его сопричастность к подобному скандалу не вызовет восторга.

— А кто такой Клементс?

— Процветающий бизнесмен, маклер, биржевой спекулянт с уйма денег, семейными неурядицами и женой, которая всеми правдами и неправдами стре-

милась урвать себе при разводе и разделе имущества долю пожирнее. У него большая квартира, аренду которой он возобновляет ежегодно и в которой жил, так сказать, официально. Квартира, в которой его нашли мертвым, представляла собой гнездышко для развлечений, о ней знали всего несколько человек. Его жена дорого бы заплатила за то, чтобы вовремя узнать о существовании этого гнездышка.

— Что сейчас делает его жена?

— Преспокойно сидит себе и ждет, когда к ней приплывут все его денежки. Пока еще не известно, оставил Клементс завещание или нет, но все законы о наследовании имущества, находящегося в общем владении, на ее стороне, а все финансовые дела Клементса подвергнутся теперь тщательному изучению. Он довольно хитро вел свою бухгалтерию, но теперь вскроется все то, что он тщательно скрывал,— абонированные в банках сейфы с наличными деньгами и тому подобное.

— А что это за люди, которые встретились нам в коридоре?

— Здесь у меня все записано. Ричард П. Нолин — что-то вроде партнера в некоторых делах Клементса; Мэнли Л. Огден — консультант по подоходному налогу; Дон Б. Рэлстон — выполнял роль подставного лица в ряде финансовых операций Клементса. Последней у меня записана Вера Пейсон, это подружка кого-то из них, но, черт меня побери, если я понимаю, кого именно. Как бы там ни было, указанные люди знали о тайной квартире Клементса и время от времени заходили туда поиграть в покер. Когда прошедшей ночью дама из квартиры напротив сказала им, что у Клементса гости, они поняли, что к чему, и ушли. Вот и вся история. Газеты раззвонили о ней, как о сенсации. Дейну Гроуверу недолго останется играть роль жениха, его положение становится невыносимым, хотя Фей Эллисон слезно отрицает свою причастность ко всей этой истории. Луиза Марло считает, что мы должны срочно принять какие-то меры.

— Трэгг думает, что ключ, принадлежавший Карверу Клементсу, находится в моем распоряжении,— сказал Мейсон.

— Это соответствует действительности?

— Нет.

— Но где ты взял ключ?

Мейсон молча покачал головой.

— Так или иначе,— сказал Дрейк,— у Карвера Клементса ключа не оказалось.

Мейсон кивнул.

— Это единственная наша зацепка в данном деле, Пол. Мы знаем, что принадлежавший Клементсу ключ исчез. Больше никто этого не знает, ведь Трэгг не хочет верить, что Клементс не давал мне ключа.

— Трэгг очень скоро найдет объяснение твоему ключу,— сказал Дрейк.— Если он у тебя не от Клементса, значит, одно только лицо могло передать его тебе.

— Давай не будем слишком долго рассуждать об этом, Пол,— ответил адвокат.

— Хорошо, не будем,— сухо согласился Дрейк.— Но ты должен помнить вот о чем, Перри. Тебе предстоит защищать в суде девушку, которой предъявят обвинение в убийстве. Оправдания добиться можно — против нее одни лишь косвенные улики,— но для этого нужно придумать какое-то объяснение, приемлемое для сбитого с толку жениха, которому надоели сострадания друзей, глумление врагов и насмешки публики.

Мейсон кивнул в знак согласия.

— Каким бы ни было объяснение,— продолжал Дрейк,— его нужно придумывать поскорее. Мне кажется, этому молодчику Гроуверу очень скоро надоеет его глупое положение.

— Мы должны протолкнуть наше дело на предварительное слушание в суде. Тем временем, Пол, постарайся раскопать всю подноготную Карвера Клементса. Особое внимание обрати на его жену. Нет ли в ее жизни другого мужчины? Допустим, она с самого начала знала об этой подпольной квартире...

Дрейк с сомнением покачал головой.

— Конечно, я проверю такую возможность, хотя, знай она о квартире, ей ничего другого и не потребовалось бы, как нагрянуть туда с фотографом, уличить Клементса в супружеской неверности, тем самым на добрую сотню тысяч увеличив свою долю при разделе имущества, и грациозно удалиться с улыбкой на устах. Ни к какому яду ей в этом случае прибегать не понадобилось бы.

Сильные изящные пальцы Мейсона тихонько барабанили по краю стола.

— Какое-то объяснение, Пол, все же должно быть.

Дрейк вяло поднялся с кресла.

— Конечно,— без энтузиазма отозвался он.— И Трэгг считает, что нашел его.

Продолжение следует.

Перевод с английского
Геннадия ДМИТРИЕВА.

Рубулис Валдис. Затмение.

ПОЗНАЙ, ГДЕ СВЕТ

Татьяна МАКАРОВА

Илзе Авотиня. Тайна.

Первая выставка пострадиционалистов состоялась в Риге лет шесть назад. Скорее по случайному совпадению в группу пострадиционалистов вошло семь молодых художников. Число семь — магическое, выражает абсолютное единение. В данном случае единение против традиции сводит роль искусства к фальшивой, служебно-дидактической. Ведь известно, что нет ничего более несовместимого с искусством, чем нормы и шаблоны, еще совсем недавно изворотливо называвшиеся традицией.

Кто они, эти художники? А их выставки — пощечина общественному вкусу? Их задача — удивлять необычной дерзкой манерой, граничащей с вызовом? Или же просто эстетическая провокация?

Но состояние ошеломления происходит, когда всматриваешься в эти работы. Художники притягивают в свой мир, и начинаешь понимать и воспринимать их идею не как «выверт» интеллектуалов, а как стремление выразить таким, пусть необычным, «языком» свое видение, свое восприятие жизни. И несмотря на необычность, а подчас и агрессивность формы выражения, ломаются стереотипы, раскрепощается сознание.

Илзе Авотиня. Кате.

Когда-то замечательный поэт и мудрейший критик-эссеист Максимилиан Волошин назвал традицию в искусстве почвой, а творческую индивидуальность — семенем. Одно без другого немислимо.

Ну, разве не традиционно в лучшем смысле этого слова убеждение Аии Зарини: «Я раскрываю идею на плоскости цветом и линией». На полотнах Аии цветковые изображения линий превращаются в цветовую символику. Вызывающая хаотичность линий, буйство красок и на первый взгляд бессмысленность всего этого цветового калейдоскопа, как ни странно, приковывают. И вдруг ловишь себя на мысли, что угадываешь замысел художника. Начинаешь понимать драматургию полотна, его подтекст. И возникает ощущение гармонии...

Грандиозность цвета Аии Зарини особенно оттеняет благородство и какую-то спокойную чистоту красок Гиртса Муйжниека. Его живописная графика своеобразна. В спокойном, нервном, таком издерганном бытии человека сегодняшнего дня он умеет слышать и неторопливую, умиротворяющую мелодию...

Экскурсы в историю Франчески Кирке не знают временных пределов. Исторический диапазон в ее работах безграничен: от библейских сюжетов до наших дней, не менее адских, чем во времена братоубийства Каина. Живописная работа-ширма «Культ личности» вопреки своему предметному назначению не заслоняет, а распахивает преисподнюю. Эпизоду истории придает художница космический характер. Историческое развитие в ее понимании — «Пути Каина». Кроваво-жидкие «игры» босховских типажей накренили мир, угрожают всеобщим распадом. В трагических переживаниях художницы — не страх, а предупреждение. Ее тревога велика, но исключает безысходность. Подлинное вхождение личности в трагедию оборачивается по законам искусства просветлением, которое уже за пределами сюжетов отзывается в зрителе жаждой преображения.

Трагическое мироощущение свойственно всем художникам группы. Но части расколотого мира — не последняя реальность, утверждает Иева Илтнер. Есть еще дух творчества, который производит дивные метаморфозы с его обладателем. Демону разрушения противопоставляется гармоничное начало творческого человека. Художница показывает самую стихию творчества, созидания, духовного экстаза. Голубой одухотворенный цвет лепит легкую воздушную форму, столь легкую, что она становится знаком иных сфер, сияющих и вечных.

Как бы ни была суха теория, а «древо жизни» вечно зеленеет. В этом убеждают вечные темы искусства: противостояние добра и зла, любовь, материнство, пугающая хрупкость жизни. Они обостренно и прямолинейно воплощены Сандрой Крастиной. В особом взгляде на мир — умом, тонком, слегка ироничном, глубоко сострадающем — видится родство (может быть, неосознанное) с великим Домье.

Откровенная ретроспективность не порождает искусство Илзе Авотини. Ее произведения, тяготеющие к примитиву, кажутся самыми простыми, понятными. Историк искусства как-то заметил, что есть таинственная связь примитивов с весной. Действительно, бесхитрое искусство ее искусство — тихое, умиротворенное. Радость начала жизни, жаркая, как ее краски. Слышится:

За радость тихую дышать и жить Кого, скажите, мне благодарить?

В известной поэме А. Блок проповедовал: «Познай, где свет, — поймешь, где тьма».

Художники, наши современники, начинают с познания тьмы — она очевиднее! — чтобы потом прорываться к свету...

Геннадий СУХИН

...Она бежала по заснеженной улице, прижимая к себе завернутого в одеяло грудного младенца, а сзади слышались топот и крики: «Держите ее, держите!» Какое счастье, что у обочины стоял «Москвич» с зажженными фарами и хозяин, едва она бросилась на сиденье, все понял и умчал ее в недра вечернего города... так врывается на экран в фильме «Милый, дорогой, любимый, единственный...» девятнадцатилетнее существо по имени Анна — растрепанное, перепуганное...

Сегодня на счету актрисы Ольги Машной два десятка фильмов.

— ...В одиннадцать лет я сама пришла на студию, как говорится, по собственному желанию и хотению, и мне сказали: сейчас девочки не нужны. Тогда я решила, что буду «творить красоту» где-нибудь в косметическом салоне... Но тут меня на улице нашла удивительнейшая, интеллигентнейшая женщина — Эмилия Григорьевна Бельская — ассистент режиссера будущего телефиль-

Анна-Жизнь

ма «Первые радости». Им для роли Анночки Парабужной нужна была бойкая девчушка... Вот уж чего-чего, а бойкости мне было не занимать...

В. ПРИЕМОХОВ, сценарист нескольких фильмов с участием Ольги Машной, актер — исполнитель, в частности, главной роли в фильме с ее участием «Пацаны», — режиссер пока единственного фильма «Штаны»: «Ни тени скованности, старательности, «ученичества», полнейшая органика существования перед камерой отличают Ольгу Машную от ее сверстниц, стайкой выпорхнувших в начале 80-х на наш экран. Она обладает завидной способностью точно «привязывать» экранное действие к конкретному времени, а средствами для этого ей служат не только манера поведения, реакция, пластика, но — главное! — моменты психологические. Это я бы назвал «социальной узнаваемостью»...»

— ...Так вот, после «Первых радостей» я твердо решила, что артистки из меня не получится. Хотя сниматься понравилось: на меня платица какие-то непривычные надевали, с днем рождения поздравляли — в съемочной группе ко мне все прекрасно относились, а с Эмилией Григорьевной мы до сих пор дружим. Благодаря ей я узнала, чем дышит мир кино... Она меня дочкой зовет, я ее мамой... Мне вообще на встрече с неординарными людьми везет.

...Размашистым жестом девчонка мазнула помадой губы и через минуту оказалась в центре танцплощадки. А еще через минуту ее оттуда выводили, и по дороге в милицию она держала женщину с усталым лицом — инспектору детской комнаты милиции, а та качала головой, вздыхая и что-то записывая. И весь вид ее являл собой классический во-

прос: что делать? Что же наконец делать с этими «трудными» подростками?.. В героине фильма «Никудышная» намешаны были и детская уверенность в собственной взрослости, и максимализм в оценках, и неприменное желание все сделать не так, как велют, советуют эти надоевшие взрослые...

— После фильма «Первые радости» обо мне года три никто не вспоминал. А потом моя фотография попала на глаза Динаре Асановой — она как раз искала свою «никудышную». Но со сценарием все что-то затгивалось, съемки откладывались, и Динара меня умоляла: «Ты только не расти, ты только погоди чуть-чуть!» Встреча с ней во мне все перевернула. Если бы не она, я бы не стала артисткой. Что-то от нее исходило... настоящее, личностное... Вот в одном материале от моего лица по поводу Асановой было сказано: «Динара для меня была...» Да не «была» она для меня! Она для меня ЕСТЬ!

Это трудно объяснить, но я могла к ней прийти, когда мне было тяжело, а она могла вообще ничего не спросить, начинала рассказывать про Михаила Ильича Ромма, своего вгиковского учителя... И мне становилось понятно, как поступать в «невыносимой ситуации»... С ней у нас был абсолютный контакт. Мне каза-

лось, какую бы роль она мне ни дала, я все сумею. Того, что она в меня вложила, до сих пор хватает и для работы с другими режиссерами. Но только с ними — даже очень хорошими! — все по-другому. Нет уже той атмосферы доверия. Абсолютного доверия. Встреча с ней стала главной встречей моей жизни. Говорят, что незаменимых людей нет. Я против такого утверждения.

Из воспоминаний Д. АСАНОВОЙ, режиссера фильмов с участием Ольги Машной «Никудышная», «Пацаны», «Милый, дорогой, любимый, единственный...»: «Я верю Ольге, как верит художник, прикасаясь к бесценной глине, из которой хочет сделать произведение искусства, — она способна чувствовать, что от нее требуется, пластично преображаясь именно в тот образ, который за минуту до этого находился в воображении режиссера. «Никудышная» — это история «испорченной девчонки». Но если заглянуть поглубже, история эта — о непроснувшемся человеке в человеке же. Заброшенной родителями девочке просто нужен человек, которому можно было бы поверить и довериться. Совпадение характера исполнительницы с персонажем, описанным в сценарии, оказалось удивительным! И все-таки работа с Ольгой шла не в подгонке непрофессиональной тогда еще исполнительницы к роли, а наоборот — в проверке написанного характером реальной городской души: непосредственность, застенчивость и резкость, нежность и неожиданная, порой до жестокости доходящая жесткость...»

— ...а после «Никудышной» я долго замечала, что во мне и в самом деле все видят вздорного, избалованного, капризного подростка. Сергей Аполлинарьевич Герасимов — и тот однажды спросил: «Ольга, скажи честно — ты стерва?»

Т. МАКАРОВА, народная артистка СССР, профессор ВГИКа: «Если первые экранные работы Ольги Машной оставляли впечатление удачно най-

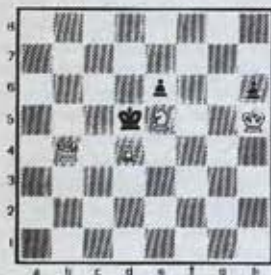
Окончание на 4-й обл.

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
А. ГАЛИЦКИЙ
1903 г.

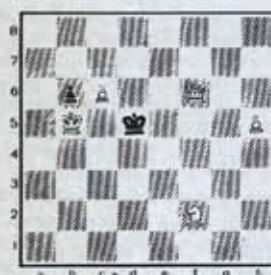

Мат в 4 хода

1. Фd2! — цугцванг. 1...Кре4 2. Фf2!
Крд5 3. Фh5! Крд6 4. Фd8x, 1...Крд6 2.
Фа5! Фе7 3. Фа8! Крf6 4. Фf8x.

Очень трудная для решения миниатюра классика отечественной шахматной композиции. Два равноценных варианта с тонкими, без единого шаха, маневрами белого ферзя производят сильное впечатление. Одна из немногих задач А. Галицкого, где он ради идеи отказался от правильных матов.

Девятый тур

Белые: Кrb5, Фf6, Кf2, пп. с6, h5 (5)
Черные: Крд5, п. b6 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

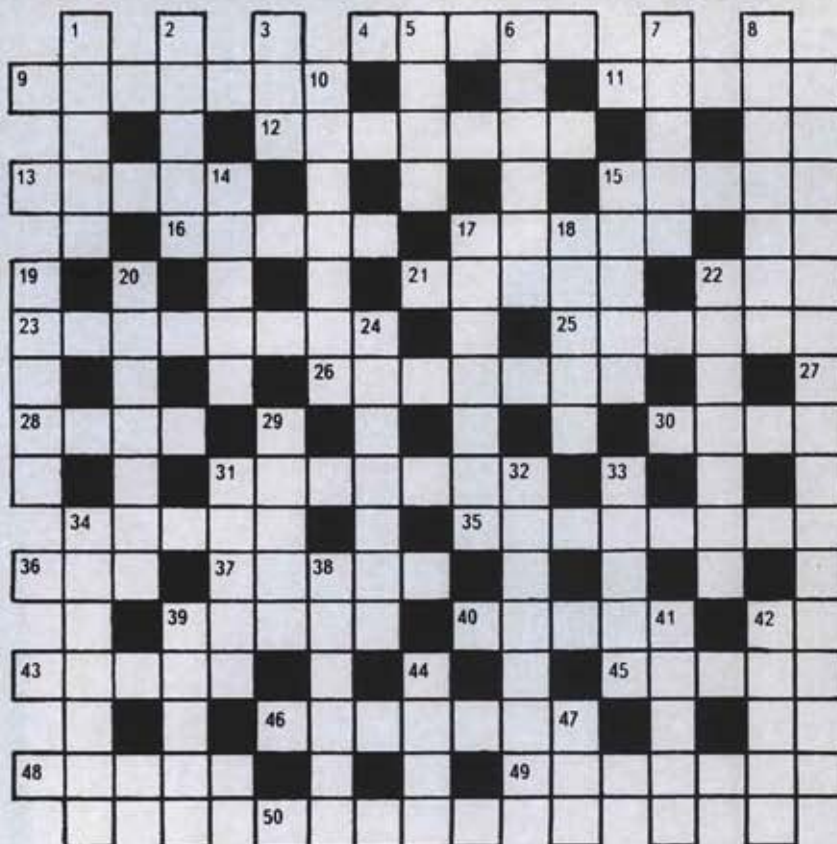

Белые: Крh1, Фа1, Лс4, Са8 (4)
Черные: Крb8, Ка6 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. 9-й тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 15 сентября.

КРОССВОРД

Составил Д. Егоров. Зеленоград

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Впервые упомянутый у Гесиода народ, живший в Северном Причерноморье. 9. Опера Д. Обера. 11. Подолочный камень, тридцать раз упомянутый в поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и переведенный Н. Заболоцким как агат. 12. Беспомощный оппонент волка в басне И. Крылова. 13. Знаменитый французский писатель, который работал и виделся с друзьями лишь ночью. 15. Самая крупная костистая рыба. 16. Основная профессия датского ученого А. Ван дер Брока. 17. Огромный медный головной убор в музее шведского города Фалун. 21. Раздвижной занавес. 22. Домашний скот, упоминаемый в «Риме» Н. Гоголя. 23. Известный английский изобретатель, создавший сол-

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Полоса для перехода улицы пешеходами. 2. Голландский живописец XVII века, изображавший бюргерские сцены. 3. «Дойная корова» муравьев. 5. Дерево, чьими семенами питаются дубоносы и клесты. 6. «Он был для ребенка больше, чем братом; он стал для него матерью» (один из героев в романе В. Гюго «Собор Парижской богородицы»). 7. Рыба, основной корм черноморских дельфинов, скумбрии, чаек. 8. Шкафчик для судового компаса. 10. Мифологический изгой, к образу которого обращались И. Гете, В. Жуковский, П. Шелли. 14. Зерноочистительная машина. 15. Хлебная закуска. 17. Герой популярного советского телесериала. 18. Город на востоке Австралии. 19. Действующий

вулкан на острове Парамушир. 20. Наука о вчерашнем дне. 22. Мальчик, ..., старик. 24. Советская шахматистка, чемпионка мира. 27. Американская писательница, автор термина «потерянное поколение». 29. Единица электрического сопротивления. 31. Продукт, обязательный в производстве кваса и пива. 32. Советский конструктор вертолетов. 33. Образ жизни. 34. Литературный жанр. 38. Металл, фундамент материальной культуры. 39. Инструмент, который А. Скрябин и Ф. Шопен предпочитали всем остальным. 41. Чистый вес товара. 42. Азиатская страна, где с глубокой древности знали магнит. 44. Мягкое вещество, на котором сделаны первые в мире звукозаписи. 47. Мыс на берегу Крыма.

нечную печь. 25. Крупный плод, ломоть которого нередко украшает натюрморт. 26. Раздел в газете, журнале. 28. Грызун, у которого глаз с маковое семя. 30. Одна из основ хозяйствования. 31. Волокнистый гипс. Искусство его художественной обработки родилось на Урале. 34. «Гвоздь» праздничного стола. 35. Металл, оболочка для урановых стержней. 36. Поэма М. Алигер. 37. Дорога... к обеду (поговорка). 39. Пятнадцатилетний герой знаменитой трагедии. 40. Луговая птичка, которая поет — словно кошу отбивает. 43. Александрийский поэт, автор «Мимамбов». 45. Надпись на гербе. 46. Русское название мелиссы по ее сладкому запаху. 48. Особенность, отличающая одного писателя от другого. 49. Советский скрипач, хорошо игравший в шахматы. 50. Завершающий знак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Барс. 7. Эфир. 10. Ханжа. 11. Бурка. 12. Лиса. 14. Чанг. 15. Трирема. 16. Мизенум. 19. Канюк. 20. Эратосфен. 23. Кобра. 26. Корифей. 27. Якоби. 28. Утконос. 31. Вискозиметр. 32. Радиопомехи. 37. Хулиган. 38. Жираф. 39. Новатор. 42. Цикля. 43. Револьвер. 44. Эшпай. 48. Франций. 49. Крахмал. 52. Батс. 53. Битл. 54. Липец. 55. Диана. 56. Коро. 57. Воля.

По вертикали:

1. Боль. 2. Рост. 3. ...падре. 4. Джимара. 5. Пукирев. 6. Октет. 8. «Фрам». 9. Рига. 13. Артюхин. 14. Чусовой. 17. Замок. 18. Ершов. 21. «Технолохико». 22. Сублитораль. 24. Четвертак. 25. Старшинов. 29. Осада. 30. Вебер. 33. Шурич. 34. Пиллерс. 35. Масштаб. 36. Гопак. 40. Детинец. 41. Георгин (другое название — георгина). 45. Индия. 46. Шхуна. 47. Абак. 48. Фтор. 50. ...лицр. 51. Юлия.

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1490) ИЮНЬ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Юрий АФОНИН
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 04.05.89.
Подписано к печати 18.05.89.
А 00292. Формат 70 × 108.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 598.
Цена 39 коп.

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивные,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

Фото Сергея ЖАБИНА

Окончание. Начало на 30-й стр.

денного типажа, то, начав с ней работать на сценической площадке, мы убедились: она отнюдь не типаж, а одаренный человек. Она с блеском опровергла, например, наши сомнения, под силу ли ей роли Наташи Ростовской, Катарини из «Укрощения строптивой»... Бунин, Шекспир — к какому бы литературному источнику она ни прикасалась, выходила без поражения. В дипломном спектакле она запомнилась в роли американской девушки-хиппи из «Эквуса» Питера Шеффера, отлично сыграла вольную героиню из «Мизантропа» Эжена Лабаша...»

...Дерзкая и циничная Наталья в «Вассе» пристрастилась к спиртному, привыкла ко лжи в доме. Ранняя, нервная, она рано научилась распознавать лицемерие, которым прикрывают моральную вседозволенность... И Марго из «Пацанов» — почти девочка, заменившая своему сбившемуся с дороги брату мать и отца, готовая пожертвовать всем, чтоб выволочь его из беды. Эти роли потребовали от Ольги Машной умения идти не «от себя», как в «Никудышной», а от сути самих образов. Но ее девушки-полуподростки могут быть не только резкими, существуя на грани истерики, срыва, но и мягкими, чуткими, внимательными. Они умеют быть мудрыми и терпимыми не по годам.

С. ДРУЖИНИНА, режиссер телефильма «Гардемарины, вперед!»: «Для Ольги Машной, уже хорошо знакомой по экрану, наша картина стала новым испытанием. Раньше она играла в основном современных девушек, а у нас пришлось осваивать старинные прически и платья, новую пластику. По-моему, она незаурядная личность».

— Сами понимаете, кино — дело коллективное, и если режиссер — умный человек, все это множество индивидуальностей он объединяет вокруг собственного, даже самого нестандартного мироощущения. Только тогда во всем появляется какой-то смысл, только тогда начинаешь понимать, для чего мы все тут собрались... На экране мгновенно становится понятным, какая была обстановка в группе. Умение понимать друг друга, добрые отношения вообще считаю самыми важными из актерских качеств. Наверное, потому моей любимой артисткой — даже не артисткой, а личностью! — всегда была Фаина Георгиевна Раневская.

...О многом думаешь, наблюдая за героиней телефильма «Доченька». Поначалу мы просто любимея хорошенькой, умненькой девушкой из семьи высокопоставленного номенклатурного работника. Но вот палу лишают его «высокого» кресла и... У Ольги Машной в этом фильме даже лицо какое-то новое. Совсем трезвое, взрослое лицо у ее Наташи Игнатовой, резкое. А эти утренние «устрашенные» пробежки по дорожкам сада! А эта ее четкость в разговоре!..

А. БЛАНК, режиссер телевизионного фильма «Доченька»: «Машная не зашорена на каком-либо амплуа и именно своими человеческими качествами во многом наделяет персонаж... Может практически все. Смотреть за ней на экране интересно».

— В будущем хочу много работать. Попробовать все: эстраду, театр, если получится, то и фигурное катание... А если без фантазий, то сейчас я снимаюсь в картине «Не сошлись характерами» на телевидении у режиссера Н. Александровича. Эта роль для меня неожиданная, потому что вводить чужих мужей очень непросто и... нервно.

ИЗ ПИСЬМА ЗРИТЕЛЯ артистке Ольге Машной: «...твой крик из «Дорогого и любимого...» вот уже несколько дней преследует меня и не дает покоя в размышлениях моих о житье-бытье. Потому и решаюсь на письмо — не в пустоту чтобы разразиться криком, а в надежде, что могут услышать...»